

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 19 (4) 2022

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2022

**«ДИСКУРС-ПИ»
19 (4) 2022
Декабрь 2022**

Издание посвящено 300-летию
Российской академии наук

**Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:
Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 28.01.2023 г.
Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 16,41
Тираж 500 экз.
Заказ № 543

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**
620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

*Российская Академия
Наук*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартынов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллес – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Актуальный перечень специальностей следующий:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки),
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

**«DISCOURSE-P»
19 (4) 2022
December 2022**

The edition is dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences

**Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year**

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on January 28, 2023
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 16,41
Issues – 500
Order # 543

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors to adhere
to the style of scientific discourse**

**Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

*Russian Academy
of Sciences*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses. The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

**October 6, 2020 the journal is included in the European
Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

№ 19 (4)

Тропы метода

Шихан Х.

Марксизм, наука и науковедение: история и перспективы10

Фан И.Б.Отношение к человеку в официальной советской политической культуре
конца 1920-х – начала 1950-х гг.: конструирование героя
и мобилизация масс.....30**Наумов А.О., Белоусова М.В.**

«Острая сила»: критический анализ в современном научном дискурсе48

Давыдов Д.А.И сказал Интернет: сотворим нетократию по образу и подобию нашему.
Критический взгляд на концепцию посткапитализма А. Барда
и Я. Зодерквиста66

Парадигмы и процессы

Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д.Кризис внешней управленческой экспертизы
в условиях пандемии COVID-1982**Фролова Е.В., Рогач О.В., Шалашникова В.Ю.**Модель «сити-менеджер»: ограничения и принципы реализации
в современных российских условиях..... 104**Чистякова М.Г., Пупышева И.Н.**

Современное визуальное искусство Тюмени и его аудитория 122

Фельдман М.А.Состав и трансформация региональной элиты
Уральской области в период НЭПа
и индустриализации (1923–1934 гг.)..... 138

Конференц-зал

**Всероссийская научная конференция с международным участием
«ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ИНТУИЦИЯ» (ФИКОС-2022),
25–26 февраля 2022 г., Ижевск, Россия**

Пономарёв А.М.

Технологии искусственного интеллекта
в контексте современной трансформации социальности159

Ломаев С.Л., Ломаева Н.С.

Технократический нарратив о рациональном управлении
в контексте развития технологий искусственного интеллекта178

19(4)

Tropes of Method

Sheehan, H.

Marxism, Science, and Science Studies: History and Prospects10

Fan, I. B.The Attitude towards Man in the Official Soviet Political Culture
of the Late 1920s – Early 1950s: The Construction of a Hero
and the Mobilization of the Masses30**Naumov, O.A., Belousova, M.V.**

Sharp Power: Critical Analysis in Modern Scientific Discourse.....48

Davydov, D.A.And The Internet Said, Let Us Make Netocracy in Our Image, After Our Likeness.
A Critical View on the Concept of Post-Capitalism by A. Bard
and J. Söderqvist.....66

Paradigms and Processes

Dyakova, E.G., Trakhtenberg, A.D.The Crisis of Policy Advice
in the Context of the COVID-19 Pandemic.....82**Frolova, E.V., Rogach, O.V., Shalashnikova, V.Yu.**“City Manager” Model: Limitations and Implementation Principles
in Modern Russian Realities..... 104**Chistyakova, M.G., Pupysheva, I.N.**

Contemporary Visual Art of Tyumen and Its Audience..... 122

Feldman, M.A.Composition and Transformation of the Regional Elite
in the Ural Oblast during the Period of the New Economic Policy
and Industrialization (1923–1934) 138

Conference Chamber

**All-Russian scientific conference with international participation
"PHILOSOPHICAL CONTEXTS OF MODERNITY:
ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTELLECTUAL
INTUITION" (FIKOS-2022),
February 25–26, 2022, Izhevsk, Russia**

Ponomarev, A.M.

Artificial Intelligence Technologies
in the Context of Modern Transformation of Sociality159

Lomaev, S.L., Lomaeva, N.S.

Technocratic Narrative on Rational Management
in the Context of the Development of AI Technologies178

МАРКСИЗМ, НАУКА И НАУКОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Хелена Шихан,

Дублинский городской университет,
Дублин, Ирландия,
helena.sheehan@dcu.ie

Статья поступила в редакцию 26.01.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Шихан Х. Марксизм, наука и науковедение: история и перспективы // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 10–29. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_10

Аннотация

Марксизм с самого начала относился к науке в высшей степени серьезно, не только по причине ее экономических перспектив в построении социалистического общества, но и в связи с ее разоблачительной силой в понимании мира. В статье анализируется вклад марксизма в науку, прослеживается траектория развития марксистских идей в области философии науки и науковедения. Описываются некоторые ключевые исторические эпизоды, такие как прибытие советской делегации на Второй Международный конгресс по истории науки и техники, прошедший в Лондоне в 1931 г., а также дальнейшие взаимоотношения между марксистами и представителями других интеллектуальных направлений. По мнению автора статьи, марксизм сочетает внимание к прогрессивным результатам эмпирических наук с разработкой философской основы, способной интегрировать расширяющиеся знания и осознание социально-исторического контекста всего этого. Он дает возможность увидеть мир с точки зрения сложного паттерна взаимосвязанных процессов, показать, что экономические структуры, политические институты, правовые кодексы, моральные нормы, культурные тенденции, научные теории, философские взгляды являются продуктами модели исторического развития, сформированной способом производства. В настоящее время интерес к марксистской философии науки постепенно возрождается. Причины в большей степени связаны с текущей чрезвычайной

© Шихан Х., 2022

ситуацией планетарного масштаба, в частности, с надвигающейся климатической катастрофой и продолжающейся пандемией COVID-19. Делается вывод, что марксизм по-прежнему остается непревзойденной философией нашего времени..

Ключевые слова:

марксизм, наука, науковедение, история философии, философия науки, конгрессы, Второй Международный конгресс по истории науки и техники, пандемия COVID-19, климатическая катастрофа.

UDC 101

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_10

MARXISM, SCIENCE, AND SCIENCE STUDIES: HISTORY AND PROSPECTS

Helena Sheehan,

Dublin City University,
Dublin, Ireland,
helena.sheehan@dcu.ie

Article received on January 26, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Sheehan, H. (2022). Marxism, Science, and Science Studies: History and Prospects. *Discourse-P*, 19(4), 10–29. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_10

Abstract

From the beginning, Marxism took science extremely seriously, not only for its economic promise in building a socialist society, but also for its revelatory power in understanding the world. The article analyzes the contribution of Marxism to science, traces the trajectory of Marxist ideas in the field of philosophy of science and science studies. It describes some key historical episodes, such as the arrival of a Soviet delegation to the Second International Congress on the History of Science and Technology, which was held in London in 1931, as well as the subsequent interaction between Marxists and exponents of other intellectual traditions. According to the author, Marxism combines attention to the advancing results of the empirical sciences with the development of a philosophical framework capable of integrating expanding knowledge and an awareness of the sociohistorical context of it all. It is a way of seeing the world in terms of a complex pattern of interconnecting processes, a way of revealing how economic structures, political institutions, legal codes, moral norms, cultural trends, scientific theories, philosophical perspectives are all products of a pattern of historical development shaped by a mode of production. There is evidence of a gradual revival of interest in Marxist philosophy of science now. The reasons have more to do with the current planetary emergency, particularly

the looming climate catastrophe and the persisting COVID-19 pandemic. It is concluded that Marxism is still the unsurpassed philosophy of our time.

Keywords:

Marxism, science, science studies, history of philosophy, philosophy of science, congresses, the Second International Congress on the History of Science and Technology, COVID-19 pandemic, climate catastrophe.

От переводчика и научного редактора¹

Предлагаемая читателям статья² ирландского философа Хелены Шихан (Шихэн) во многих отношениях является автобиографическим очерком. В ее изложении мы видим не только историю взаимоотношений марксистской философии и науки в XX – начале XXI вв., но и то, что даже на «свободном» «антимарксистском» Западе марксистам, как и в «тоталитарном», но все же «марксистско-ленинском» Советском Союзе, зачастую приходилось несладко. Поскольку Х. Шихан долгие годы была левой (марксистской, коммунистической) активисткой, некоторые высказанные в статье суждения (особенно связанные с воинственно-полюемической лексикой) могут показаться читателям научного журнала несколько резкими. Однако именно такие суждения показывают, что общественные науки не могут быть беспристрастными, стоящими вне человека и того общества, в котором они существуют и которое они исследуют. Профессор Шихан, если можно так выразиться, – воинствующий сторонник такого, социально и субъектно ангажированного, подхода. Предлагаемый текст – яркое тому подтверждение. К тому же он интересен и в силу того, что написан участницей многих связанных с историей науковедения, философией науки событий, о которых идет речь (зачастую эмоциональная и личная) в статье. «Иногда мне кажется, – пишет автор в книге *Navigating the Zeitgeist*, – что я прожила целую вечность за считанные десятилетия. Волна исторических перемен, подобных тем, что захлестнули столетия назад, кажется, уже несколько раз прокатилась по моему миру. И кто знает, что мне еще предстоит увидеть? Возможно, я нахожусь только на полпути к тому времени, когда, как я могу ожидать, моя жизнь будет пройденной» (Sheehan, 2019, p. 7).

Хелена Шихан родилась в 1944 г. в г. Филадельфия, штат Пенсильвания, США. Первоначально преподавала в начальной школе как монахиня, но в 1965 г. покинула монастырь и стала агностиком и либералом, а позже атеистом

¹ Переводчик и научный редактор – Петр Николаевич Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0975-4418>, e-mail: pnk060776@gmail.com

² С англоязычным вариантом работы можно ознакомиться на сайте журнала *Monthly Review*: Sheehan, H. (2022). Marxism, science, and science studies. From Marx and Engels to COVID-19 and COP26. *Monthly Review*, 74(1). Retrieved November 8, 2022, from <https://monthlyreview.org/2022/05/01/marxism-science-and-science-studies/>

и коммунистом (в то время как в подростковом возрасте была сторонницей маккартизма). В 1967 г. в Университете Святого Иосифа (Филадельфия) она получила степень бакалавра, в 1970 г. – степень магистра в Университете Темпл (Филадельфия). В 1980 г. защитила докторскую диссертацию по философии в Тринити-колледже (Дублин, Ирландия). Профессор Шихан преподавала медиаисследования в Дублинском городском университете и историю идей в Школе коммуникаций. Она также училась в Институте общественных наук в Москве (сейчас РАНХиГС, ранее Академия общественных наук при ЦК КПСС), была приглашенным профессором Кейптаунского университета в ЮАР, читала лекции по всему миру (США, СССР, ГДР, Мексика, Канада, Ирландия, Великобритания, Франция, Германия, Чехословакия, Югославия, Греция, ЮАР).

Помимо научных исследований, Хелена Шихан – известная левая активистка. В 1972 г. в Ирландии она вступила в леворадикальную политическую организацию «Официальная Шинн Фейн», а в 1975 г. – в Коммунистическую партию Ирландии. Некоторое время Хелена возглавляла Дублинское коммунистическое общество Тринити-колледжа. В 1981 г. вступила в Лейбористскую партию, где стала основателем левой фракции. С 2011 г. она не состоит ни в каких партиях, но остается внепартийной активисткой. Так, в 2011 г. она организовала *Occupy University* во время акции *Occupy Dame Street*. Также часто ездила в Грецию и была связана с греческой *Syriza*, коалицией левых радикалов, написав об этом в своей книге *The Syriza Wave* (Sheehan, 2017). В 2019 г. была опубликована автобиографическая работа *Navigating the Zeitgeist* (Sheehan, 2019).

Хелена Шихан – почетный профессор Дублинского городского университета, автор многих статей и книг по философии, философии и истории науки, политике и культуре. Будучи сторонницей гуманистического марксизма в философии науки, Х. Шихан негативно оценивает лысенковщину и другие подобные явления, при этом четко отгораживая их от позитивной и творческой линии в советском марксизме-ленинизме. Помимо всего прочего, она является ярким критиком постмодернизма. Для российского читателя будет интересно узнать, что профессор Шихан поспособствовала публикации на английском языке части «Тюремных рукописей» Н.И. Бухарина (Bukharin, 2005, pp. 7–30) и написала для них большое информативное *Введение*.

Предлагаемый перевод – первая публикация ирландского философа на русском языке. По просьбе редакции журнала «Дискурс-Пи» профессор Шихан любезно написала краткое обращение к российским читателям.

Несколько слов для российских читателей

По причине давнего интереса к марксизму в России, особенно к советскому марксизму, а также к досоветскому и постсоветскому марксизму, я очень рада, что меня попросили опубликовать эту статью и обратиться к русским читателям. Я приехала в СССР в 1970-е гг., чтобы провести исследование дебатов о взаимодействии философии, науки и политики. И нашла эту историю увлекательной, особенно оживленные дебаты 1920-х гг., которые, к сожалению, обернулись трагедией в 1930-е гг. Конечно, для философии играть роль ортодоксии однопартийного государства всегда составляло проблему. Я помню разговор с молодой женщиной, состоявшийся много лет назад в Москве. Она выразила удивление,

что кто-то тратит так много времени на изучение марксизма, когда в этом нет никакой необходимости. Когда наступил конец СССР, мне показалось, что мир перевернулся, но, с другой стороны, это продемонстрировало, кто был искренним марксистом, а кто нет. Я рада, что в России еще есть те, кто изучает марксизм, когда к этому никто не принуждает. Возможно, сейчас приверженцев марксизма стало значительно меньше, но таковыми остались только те, кто действительно искренне относится к нему. И я рада быть частью этого.

Хелена Шихан, Дублин, 2 февраля 2022 г.

Введение

История отношения марксизма к науке необычайно насыщена и драматична. Хотя это увлекательная и важная история, но, к сожалению, она все больше забывается.

С самого начала марксизм чрезвычайно серьезно относился к науке не только по причине ее экономических перспектив в построении социалистического общества, но и в связи с ее разоблачительной силой в понимании мира. Марксизм выдвигал самые сильные среди всех интеллектуальных направлений требования относительно социально-исторического характера науки, но всегда подтверждал ее когнитивную значимость.

В марксистской парадигме наука считалась неразрывно связанной с экономическими системами, технологическими разработками, политическими движениями, философскими теориями, культурными тенденциями, этическими нормами, идеологическими позициями и вообще со всем человеческим. Также наука рассматривалась как путь доступа к миру природы, что порождало исследования, тексты, теории, трения и дебаты (Sheehan, 2018). Однако ни дихотомия объективистской и конструктивистской традиций, ни дуализм интернализма и экстернализма в философии и истории науки никогда не могли уловить эпистемологическую динамику конститутивного влияния социальных структур на научные исследования (что было центральным ядром марксистского взгляда на науку) и отдать должное взаимодействующему полю сил, задействованных в историографическом процессе этого взаимосвязанного влияния.

А поскольку в современной философии науки марксистские концепции (к которым я категорически не отношу различные псевдомарксистские, «левацкие», постгуманистические концепции, гендерные, транссексуальные и прочие антинаучные квир-теории) выносятся за скобки и начинают господствовать неопозитивистские, прагматистские и даже постмодернистские подходы, то возникает даже не научная проблема, а научная катастрофа: философия науки в лице ее многообразных парадигм не может внятно и прозрачно объяснить ни социальные детерминанты науки, ни социальные корни собственных нарративов о науке.

В предлагаемой статье я сначала в форме краткого обзора рассмотрю исторические, социально-политические, идеологические, философские, эпистемологические перипетии взаимоотношений между марксизмом и наукой, а затем попробую показать, что же может предложить марксизм в области философии науки и науковедении сегодня.

Марксизм и наука: история взаимоотношений

Карл Маркс и Фридрих Энгельс чутко реагировали на науку своего времени и интегрировали свое понимание в ядро своего мыслительного процесса при развитии интеллектуальной традиции и политического движения, которые стали называться марксизмом. Я бы, конечно, предпочла, чтобы эта сложная теоретическая и политическая история не называлась именем одного человека, но так уж получилось.

Велись споры об отношениях Маркса и Энгельса с тенденцией противопоставления Маркса-гуманиста Энгельсу-позитивисту, особенно отделения Маркса от работы Энгельса «Диалектика природы». Дискуссии о диалектике природы периодически активизировались, в том числе в последнее время, и сегодня наблюдается более сильная тенденция отстаивать независимость Энгельса, чем в то время, когда я вступила в борьбу десятилетия назад (Kangal, 2020). На карту поставлено развитие всеобъемлющего мировоззрения, охватывающего как человеческое общество, так и мир природы, с сильным акцентом на передовые научные достижения. Последующее поколение марксистов, в период II Интернационала, также уделяло большое внимание поступательному развитию науки, велись споры о его значении и последствиях, особенно в ответ на такие течения, как позитивизм, махизм, неокантианство.

После Октябрьской революции произошла активизация этой деятельности. Наука стала необходимым средством в процессе построения нового общественного строя. Считалось, что научная теория – это вопрос не только истины и заблуждения, но и вопрос жизни и смерти. Было много жарких дискуссий и споров, в том числе между теми, кто больше опирался на эмпирические науки, и теми, кто подчеркивал преемственность между марксизмом и историей философии.

Со всеми интеллектуальными дебатами того времени переплеталась острая борьба за власть. Возникли напряженные отношения с более космополитической марксистской интеллигенцией, которая нашла свой путь к марксизму в трудных и опасных условиях борьбы, испытала множество интеллектуальных влияний, привыкла общаться с интеллектуалами, придерживающимися разных точек зрения, и отстаивать марксизм именно в такой демократичной интеллектуальной среде. Однако на них все чаще оказывалось давление со стороны тех, кто вырос уже во время революции, никогда не был за границей, не знал иностранных языков, мало разбирался в естественных науках или истории философии, никогда не общался с представителями других интеллектуальных традиций. Большинство из этих марксистских неопитов были более склонны ссылаться на авторитет классических текстов или партийных постановлений, чем вступать в теоретические дебаты. Они стремительно продвигались по карьерной лестнице и становились профессорами, академиками, директорами институтов и членами редакционных коллегий, занимая руководящие посты, в том числе по отношению к интеллектуалам с международной репутацией. Назревал неизбежный конфликт, и скоро должна была пролиться кровь.

Второй Международный конгресс по истории науки и техники, проходивший в Лондоне в 1931 г., получил широкую огласку в средствах массовой информации в связи с приездом возглавляемой Николаем Бухариным советской

делегации, в составе которой были Борис Гессен, Николай Вавилов и другие известные в истории науки люди. Они оказались как бы между молотом и наковальней: им приходилось отстаивать свою версию марксизма в борьбе против одного давления дома и совсем другого за границей. Они, надо отдать им должное, уверенно ориентировались в этих бурных водах. Тем не менее их постигла трагическая участь. Бухарин, Гессен и Вавилов погибли в ходе чисток.

На конгрессе (и после него) наибольшее признание получил доклад Бориса Гессена «Социальные и экономические корни принципов Ньютона» (Bukharin et al., 1931), который часто цитируют как классический манифест экстерналистской позиции в историографии науки. Гессен видел корни учения Ньютона в социальных, политических и экономических силах и влияниях его времени, рассматривая английского ученого как сына торгового капитализма XVII в. и классового компромисса 1688 г., сочетавшего механистическую причинность с теологическими спекуляциями в своей научной модели. В Советском Союзе Гессен защищал теорию относительности и квантовую механику от поддержанной Сталиным позиции, которая утверждала, что новая физика коренится в буржуазном идеализме. Несмотря на то, что в Лондоне Гессен подчеркивал социально-экономические корни, а в Москве – когнитивную достоверность, наиболее провокационным в обоих контекстах, несмотря на противоречивое давление, стало то, что его позиция была последовательной, демонстрируя диалектический синтез внутренних и внешних факторов, эмпирических данных, логических аргументов и социально-экономического контекста. Поэтому я считаю, вопреки распространенному мнению, что Гессен не был экстерналистом.

Николай Бухарин – важная фигура и в политическом, и в философском развитии марксизма. Он считался возможным преемником Ленина и, несмотря на падение с политического олимпа, остался заметным игроком во многих сферах советской жизни, от искусства и науки до экономического планирования. В своем стремлении «большевизировать» каждый социальный институт и академическую дисциплину, прекратить дебаты и прийти к правильной марксистской линии по каждому вопросу, Бухарин выступил против радикальных и дерзких большевиков, которые пытались переопределить процесс научных открытий, и встал на сторону генетиков, таких как Вавилов, против Трофима Лысенко. В Лондоне он намеревался донести до скептически настроенной аудитории интеллектуальную жизнеспособность марксизма, поместив его в контекст всех современных течений в западной философии. Он продолжал совершенствовать свою философскую позицию на протяжении всего десятилетия. Даже в тюремной камере, готовясь уйти из жизни, написал большой трактат по философии, продемонстрировав впечатляющее понимание истории философии, а также философских проблем в науке (Bukharin, 2005).

Конгресс 1931 г. вывел силы, уже находившиеся в движении, на новый уровень взаимодействия друг с другом. На конгрессе столкнулись противоположные мировоззрения. Больше всего эта конфронтация затронула тех, кто стоял между ними, – ученых левого толка в Британии, которые разделяли взгляды участников мероприятия издалека. Идеи Дж. Д. Бернала, Дж. Б. Холдейна и других ведущих западных ученых, ставших марксистами, получили распространение среди их современников и дали начало динамичному радикальному научному движению в 1930-е гг. (Werskey, 1978; Chilvers, 2015).

Эта дискуссия британских и советских марксистов распространилась вовне и затронула многих из тех, кто не присутствовал на конгрессе. Книга «Наука на перекрестке», где были собраны доклады советских ученых, была переведена на многие языки и на протяжении десятилетий распространялась во многих частях мира. Ее читал Антонио Грамши, находясь в тюремной камере, а также Кристофер Кодуэлл, когда стремительно переосмысливал все области человеческого знания с марксистской точки зрения. В результате этого переосмысления появились удивительные трактаты по биологии и физике, а также по истории, философии, психологии и культуре, которые остались незаконченными из-за того, что Кодуэлл, будучи участником британского батальона, набранного из членов Коммунистической партии Великобритании, погиб в феврале 1937 г. во время Гражданской войны в Испании.

Кодуэлл показал, как научные открытия отражали новый контакт с миром природы посредством эмпирического эксперимента, но получали свою форму и воздействие от социальных отношений того времени. Он утверждал, что проблемы физики не могут быть решены в рамках одной физики, и рассматривал метафизику физики как раздираемую теми же противоречиями, что и любой другой аспект буржуазного сознания. Кодуэлл четко видел, что знание как продвижение на эмпирическом уровне тем не менее порождает путаницу и хаос, поскольку буржуазная культура не способна ассимилировать свои достижения или высвобожденные ею силы из-за отсутствия целостного мировоззрения (Caudwell, 1971, 1986, 2018).

Другой участник лондонского конгресса – британский марксист Джон Бернал – также видел в марксизме такую комплексную основу. Это была философия, вытекающая из науки, которая привнесла в науку порядок и осветила ее дальнейший путь. Это позволило разработать метод согласования экспериментальных результатов науки и объединения ее различных отраслей в глубокой социально-исторической перспективе. Бернал призывал к созданию науки о науке – того, что позже стали называть науковедением (Bernal, 1934; Sheehan, 2007).

Марксисты того периода не только разрабатывали данную позицию, но и вступали в полемику с представителями других направлений, придерживавшимися противоположных взглядов. В философии науки особенно заметными были аргументы против Джеймса Джинса и Артура Эддингтона, которые, как считалось, привносили иррационализм в саму науку. Нетрудно догадаться, что ученые-марксисты того времени сделали бы с постмодернистскими антинаучными исследованиями, появившимися позже.

После 1945 г. влияние марксизма еще больше усилилось. В Восточной Европе он стал доминирующей силой в университетах, исследовательских институтах, академических журналах новых социалистических государств. Он распространился в Азии, Латинской Америке, Африке в виде освободительных движений, ставших в отдельных случаях партиями власти. Иногда марксизм был предметом глубочайшего убеждения, иногда нет. На мой взгляд, быть ортодоксом в однопартийном государстве – это не рецепт здорового развития интеллектуальной традиции.

Тем не менее была проделана серьезная работа по разработке особого подхода к науке, особенно в изучении философских выводов естественных

наук. Так было в академиях Восточной Европы, особенно в ГДР, в интеллектуальной жизни коммунистических партий, в таких журналах, как *Science & Society*, *La Pensée*, *Modern Quarterly*, *Monthly Review*. Это сильно отличалось от узкометодологического подхода, применяемого в философии науки в других странах. Это была очень значимая работа, которая, к сожалению, практически не известна за пределами марксистской среды. Марксизм сочетал внимание к прогрессивным результатам эмпирических наук с разработкой философской основы, способной интегрировать расширяющиеся знания и осознание социально-исторического контекста всего этого.

В остальном мире, где господствовал капитализм, 1960-е и 1970-е гг. по-новому поставили марксизм на повестку дня. Новое левое брожение охватило Северную Америку, и особенно Западную Европу. Это было время, когда все, что ранее догматически утверждалось как истина, было подвергнуто сомнению, а университеты и улицы стали территорией борьбы и сопротивления. Академические дисциплины подвергались со стороны марксистов и левых ученых, преподавателей, студентов тщательному и даже разрушительному анализу в самом их основании. Философия, социология, литература, наука – все области знания – считались связанными с властью. Университетские кампусы и научные конференции были полны страсти и полемики. Такие журналы, как *Radical Philosophy*, *Insurgent Sociologist*, *Science for the People*, *Radical Science Journal*, *Science as Culture* на своих страницах дали выражение этому воинственному брожению. Многие представители моего поколения всей душой отдались этому поиску, этому стремлению. Мы сожгли много лодок и пустились в плавание по чужим морям. Никогда в юности, когда я была маленьким католическим воином холодной войны, не представляла себе, что перейду на другую сторону «железного занавеса» и стану коммунистом. Даже когда я впервые двинулась влево, не думала, что иду именно в коммунистическом направлении.

В отношении американских новых левых к левым старшего поколения присутствовал, так сказать, остаточный антикоммунизм, а также битва поколений. Были и наивность в отношении власти, и игнорирование экономики, и подозрительность к науке. Поначалу я разделяла эти взгляды. Но я радикально изменилась, когда переехала из США в Европу, где разрыв между новыми и старыми левыми был не так велик. Мое участие в политической культуре Европы трансформировалось, и я по-новому взглянула на предыдущее поколение левых. Хотя многие из этого поколения были еще живы, те, кто тронул меня больше всего, были уже мертвы. Тем не менее они снова ожили в моем воображении, когда я читала их тексты и расспрашивала их современников об их жизни. Моими наставниками были прежде всего Бернал и Кодуэлл. Возможно, это как-то связано с некой экзистенциальной чувствительностью католиков, ставших коммунистами.

Меня интересовал марксизм как целостное, всеобъемлющее мировоззрение. Я была заинтригована тем, как он объясняет, что интеллектуальные движения укоренены, фундированы в социально-исторических силах. Более того, я в совершенно новом свете увидела всю историю философии, которую изучала и в университете, и самостоятельно. Я увидела все по-новому, в новой перспективе все было взаимосвязано: философия, культура, политика,

экономика, наука. Я решила сосредоточиться именно на науке в рамках этой поразительной сети отношений. Исследование, проведенное мной в книге «Марксизм и философия науки: критическая история» (Sheehan, 2018), было захватывающим приключением, особенно во время моих посещений Восточной Европы. Я чувствовала себя детективом, раскрывающим запутанную серию пересекающихся историй. Я пыталась написать марксистскую историю марксизма и науки, несмотря на огромное давление на меня с противоположных сторон, с востока и запада, со стороны левых и правых, старых и новых левых, обязательств и карьеры.

Иногда, к моему удивлению, я чувствовала большую близость с предыдущим поколением, чем со своим собственным. Я никак не могла понять, почему мои современники, особенно среди британских марксистов, отвернулись от поколения Бернала и Кодуэлла и устремились к Луи Альтюссеру или Мишелю Фуко.

Журнал *New Left Review* колебался между забвением предыдущего поколения британских марксистов и враждебностью к ним. *Marxism Today* отошел еще дальше от марксизма, независимо от того, насколько далеко распространился этот термин. *Radical Science Journal* общался с более ранним поколением, однако критически. Книга Гэри Верски «Видимый колледж» (Werskey, 1978) была, пожалуй, самой существенной посреднической работой между этими поколениями в вопросе науки. Книга Роберта Янга «Наука – это социальные отношения» (Young, 1977) была самым откровенным и провокационным изложением позиции новых левых в отношении науки. Решительно возражая против мнения о том, что наука сама по себе нейтральна и что только использование или злоупотребление ею является идеологическим, Янг и *Radical Science Journal* считали, что наука как таковая всегда является идеологической. Их аргумент заключался в том, что мы никогда не сталкиваемся с природой без посредничества, поэтому то, что мы называем природой, является социально согласованным и социально сконструированным продуктом взаимодействия между конкурирующими интересами. Исходя из того, что современная наука с ее характерными концепциями истины и рациональности и современный капитализм с его отчуждающим разделением труда возникли на основе единой доктрины, был сделан вывод, что и то, и другое должны быть полностью демонтированы. Для Янга наука означала капиталистическую науку, эпистемология была буржуазным занятием, а философия науки – тупиком (Young, 1977, pp. 65–129). Было трудно увидеть путь вперед. Понятно, что такое истолкование далеко от оптимистического утверждения науки, характерного для предыдущих поколений левых.

Между тем некоторые из нас продолжили традицию старших поколений левых, наиболее выдающимися из которых были Ричард Левинс и Ричард Левонтин, применившие ее к передовой науке нашего времени, всегда ясно осознавая, что *the truth is the whole*, особенно в полемике против тех тенденций, которые теряются в частности (Levins & Lewontin, 1987).

В 1970-е гг. я обнаружила, что происходящее в интеллектуальной культуре левых гораздо более захватывающе, чем что-либо в дублинском Тринити-колледже, где я в то время работала. Каждое лето я ездила в Коммунистический университет Лондона, где были альтернативные подходы к каждой академи-

ческой дисциплине и велись самые оживленные дебаты, какие только можно себе представить. Я переключилась на курсы по философии, истории, естествознанию, советологии, гендерным исследованиям, но сожалела, что не могу посещать курсы по психологии, антропологии, литературе и т. д.

Живя большую часть времени в какой-то параллельной вселенной, части академического сообщества развивались так, как если бы единственная история в философии науки исходила от Венского кружка через Карла Поппера, Имре Лакатоса и Томаса Куна. Философия науки на философских факультетах редко оглядывалась на другую традицию. Каждый раз, когда я возвращалась из Москвы, Берлина, Дубровника или даже Лондона, мне было странно приобщаться к философскому факультету Тринити-колледжа.

Между тем советские делегации уже не были неожиданностью на международных конференциях. Они интегрировались в организационные структуры и выступали с докладами на многих площадках. Однако степень сближения позиций – другой вопрос. В августе 1978 г. в Дюссельдорфе должен был состояться XVI Всемирный философский конгресс. Большую часть того года я провела в Восточной Европе, в основном в Москве. Тамашние философы постоянно говорили об этом. На самом деле они готовились к конгрессу не как к научному событию, а как к маневрам Варшавского договора. Они продолжали спрашивать меня, что планируют ирландские и британские философы. Но они ничего не планировали в том смысле, в каком имелось в виду. Они приезжали или не приезжали как отдельные лица и думали только о своих докладах и организации поездок.

На самих конгрессах философы из социалистических стран и философы из остального мира в основном пропускают мимо ушей доклады друг друга (как это делает большинство ученых на большинстве конгрессов). Тем не менее в Дюссельдорфе произошло несколько стычек и ощущалась атмосфера холодной войны. Я чувствовала, что нахожусь в том же положении, что и британские марксисты на конгрессе 1931 г. Я перемещалась между двумя сторонами так, как это делали очень немногие. Но, к своему удивлению и даже удовольствию, я нашла это довольно стимулирующим и использовала все полемические возможности, которые предлагала ситуация.

Подобное происходило и на других конференциях тех лет, например, на Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки в Ганновере в 1979 г. и Международном конгрессе по истории науки в Бухаресте в 1981 г. На последнем я часто находилась в компании британских историков науки. Но я чувствовала, что мои аргументы о том, что «марксизм плюс наука» не обязательно равняются условному «Лысенко», постоянно дискредитировались местом проведения и событиями съезда. Например, Елена Чаушеску (супруга генерального секретаря Коммунистической партии Румынии Николае Чаушеску) была представлена на пленарном заседании как великий ученый, и на многих заседаниях румыны утверждали, что им принадлежит ряд открытий в истории науки и техники, приписываемых другим, включая Альберта Эйнштейна. Но были и те, кто вел переговоры по поводу имеющихся противоречий. Так, Джозеф Нидэм, присутствовавший на конгрессе 1931 г., видный представитель движения левых ученых в 1930-е гг., 50 лет спустя все еще оставался посредником между Востоком и Западом.

Были и другие анклавов, где происходило постоянное взаимное обогащение, такие как Бостонский коллоквиум по философии науки, выпустивший множество томов «Бостонских исследований по философии науки» под редакцией Роберта Коэна и Маркса Вартофского. Межуниверситетский центр в Дубровнике был новаторской и важной базой для взаимодействия между Востоком и Западом, между марксистами и немарксистами. У меня остались счастливые воспоминания о вдохновляющих встречах в этой среде. Конференция по философии науки в Дубровнике была посвящена защите научного реализма от различных форм социального конструктивизма, в частности, Эдинбургской и Парижской школ. Против позиций Барри Барнса, Дэвида Блурра и Бруно Латтура выступали философы с критической марксистской позиции, такие как Маркс Вартофский, Срдан Лелас и Владислав Краевский, наряду с представителями других философских традиций, такими как Уильям Ньютон-Смит, Ром Харре и Эрнан Макмаллин. При этом диалог был свободным, дружественным, веселым и содержательным (Sheehan, 2019).

Для меня, интеллектуала с непостоянной занятостью, это было особенно трудное время. Я часто чувствовала гнев и горечь, временами была близка к отчаянию, однако продолжала работать. Читала лекции во многих местах, начиная от университетов Лиги плюща и заканчивая местными центрами занятости, стала «говорящей головой» на радио и телевидении, увлеклась культурологией. Когда дело доходило до получения должности, меня всегда заменяли кем-то более надежным, даже если этот кто-то был менее квалифицированным. И только в 1990-е гг., когда я уже думала, что это никогда не произойдет, наконец получила постоянную академическую должность.

Марксизм, возможно, не был для меня преимуществом при продвижении по службе, но, несмотря на навлекаемые им беды и испытания, развил мой образ мышления. Я обладала интеллектуальной ясностью и нравственной целью, и это было очень много. У меня были способы закалиться и успокоить себя. Я думала: кто был авторитетными профессорами философии в то время, когда Маркс и Энгельс писали свои классические тексты, живя трудной жизнью изгнанников и маргиналов; когда Кодуэлл и Дэвид Гест истекали кровью на полях сражений, а весь их блеск и страсть впитывались в землю Испании; когда Бухарин писал в своей мрачной камере, доказывая потомкам правоту марксизма вплоть до того момента, когда его вывели на расстрел? Так много раз я пела «сквозь темные подземелья и мрачные виселицы»³, но меня-то не посадили в тюрьму и не казнили.

В Восточной Европе в течение нескольких лет многое произошло. Все открылось только для того, чтобы снова закрыться. В 1990 г. казалось, что мир перевернулся с ног на голову. СССР, ГДР, Чехословакия и Югославия исчезли с карты мира. Я часто задавалась вопросом: сколько интеллектуалов, которых я встречала в Восточной Европе, остались бы марксистами, если бы не произошла смена режима? И я выяснила. В 1990-е гг. у меня было несколько конфликтов с теми, кто сделал свою карьеру, исповедуя марксизм, а затем

³ Слова из песни «Красный флаг» (The Red Flag) – гимна британской Лейбористской партии, североирландской Социал-демократической и лейбористской партии, ирландской Лейбористской партии.

сделал свою карьеру, осуждая его. Увы, но академическая жизнь во всем мире полна таких людей. Они делают то, что необходимо для самореализации, чтобы продвинуться вперед, и получают вознаграждение, тогда и сейчас, но они никогда не создадут ничего по-настоящему ценного.

В 1996 г. меня отправили в университет в Словакии по программе TEMPUS Европейского Союза, в рамках которой западные ученые направлялись в восточные университеты, чтобы показать, как работают «правильные» университеты, – откровенно колонизирующий проект. Меня попросили прочитать гостевую лекцию на тему по моему выбору. Я выбрала марксизм. Организаторы были удивлены, а затем обескуражены. Тем не менее организовали. Аудитория была переполнена. Марксизм снова обрел вкус запретного плода. Я сказала, что ситуация нелепа. Марксизм был официальной философией на протяжении десятилетий, а затем исчез из учебной программы, как будто его никогда и не было. Сегодня это ортодоксия, а на следующий день отступничество, что никак нельзя назвать здоровым. Я заявила, что марксизм был важнейшей интеллектуальной традицией в мировой истории, и дела никогда не наладятся, пока он не найдет свое достойное место по отношению ко всем соперникам в общей схеме вещей. В последующие дни люди подходили ко мне, тихо говоря, что согласны.

На протяжении многих лет я возвращалась в Восточную Европу, чтобы посмотреть, куда же подевались все марксисты. Наибольшее впечатление на меня произвело посещение побежденной марксистской интеллигенции, которая все еще оставалась марксистской, особенно тех, кто занимался философией науки и когда-то был на академическом олимпе, а впоследствии вел довольно маргинальную жизнь. Но было много нечестности и отрицания, которые распространялись даже на мертвых. Я была глубоко огорчена, читая некрологи тех, кого в былые годы знала как марксистов, но об этом не упоминалось. Когда я задавала вопросы о марксизме, иногда возникало неприятное ощущение, что я расследую сексуальные связи или шпионские скандалы. Хотя эта тема по-прежнему вызывает у многих значительную тревогу, меня поражает удивление молодых интеллектуалов аргументами в пользу марксизма, а также их открытость к их рассмотрению.

Лорен Грэм из Массачусетского технологического института и Гарвардского университета, посвятивший всю свою профессиональную жизнь изучению советской и постсоветской науки и философии науки, свидетельствовал о долгосрочном влиянии диалектического материализма на российских ученых даже после распада Советского государства. Более того, он заметил, что эта философия науки на самом деле вполне разумна и соответствует неявным взглядам многих ученых во всем мире (Graham, 1998).

Что может предложить марксизм?

Что же марксизм может предложить науке и науковедению сейчас? Кажется, эти области процветают в том смысле, что там многое происходит. Имеет место большое финансирование, существует множество показателей, поощряются всевозможные эмпирические исследования. Многое из этого интересно и ценно, хотя многое пресно и бессвязно. Многие исследования слишком

узкие, поверхностные и продиктованы скорее рыночным спросом и стремительным карьеризмом, чем интеллектуальными поисками. В образе мышления не так много такого, что было бы одновременно эмпирически обосновано, философски интегрировано и социально-исторически контекстуализировано. Это то, что как раз марксизм мог бы воплотить в жизнь. Вместо этого современные исследования переходят от одной крайности к другой: от мельчайших молекул к Дао физики. Это либо наука, лишенная философских или исторических размышлений, либо нонсенс нью-эйдж, вторгающийся в философский пробел и заполняющий полки книжных магазинов. И то и другое коммерчески успешно. Противоречие в буквальном смысле продается.

Интенсивная коммерциализация науки, как часть общей коммерциализации знаний, является сегодня самой мощной силой в этой области. Новая ортодоксия взяла власть в свои руки благодаря не столько победе в спорах, сколько обладанию системной властью в глобальном масштабе. Философия не процветает на этой арене. Равно так же, как и теория ни в одной дисциплине. Университеты вынуждены действовать в соответствии с рыночными нормами, и выживание наиболее приспособленных к коммерческой конкуренции превосходит все другие формы проверки, особенно критерии истинности, теоретическую глубину и широту, моральную ответственность, политическую вовлеченность. Существует мощное давление, сдерживающее, разрушающее и маргинализирующее критическое мышление, творческое мышление и особенно системное мышление.

Университеты – это территория борьбы. Атмосфера резко изменилась по сравнению с той, что царил в 1960-е и 1970-е гг. Тогда были крупномасштабные конкурирующие парадигмы в каждой области, противостоящие друг другу с большой энергией и страстью. Теперь это исчезло, что вызывает недоумение, поскольку ничего не было решено. Люди научились жить с нерешенными или непризнанными проблемами или соглашаться на решение на менее фундаментальном уровне. Противостояние мировоззрений уступило место эклектике низкого уровня. Происходит сужение перспективы и отступление от участия, будь то из-за близорукости, невежества, поверхностности, конформизма, страха или карьеризма.

Многое из того, что я читаю или просматриваю во многих областях, является полусырым. Концептуализация непрочная и запутанная. Контекстуализация слабая и случайная. Марксизм воспитал во мне потребность в сильной и ясной концептуализации, в плотной и системной контекстуализации. Многие социальные исследования науки все еще слишком слабы в плане концептуализации и контекстуализации.

Периодически происходили повторные открытия социально-исторического контекста науки – от Куна до Эдинбургской школы и Латура, как будто марксизма никогда не было. Это не отрицает значительного вклада Эдинбургской школы, демонстрирующей впечатляющие результаты эмпирических исследований интригующих эпизодов в истории науки, сцепляющих социальные структуры с космологиями, связывающих классовые интересы с позициями, занимаемыми в научных спорах. Эти ученые выступали против того, чтобы рассматривать то, что считается истинным и рациональным в истории науки, как беспроblemное и не нуждающееся в социологическом

объяснении, а также против того, чтобы рассматривать социальные факторы как обязательно включающие искажения науки. Они не согласны со старыми взглядами на знание как на индивидуалистическое, пассивное и созерцательное, рассматривают его как социальное, активное и контекстуальное. Знание понимается как продукт не пассивно воспринимающих индивидуумов, а взаимодействующих социальных групп. Научные теории не открываются индивидуально, а социально конструируются. В этом у них много общего с марксизмом.

Однако в отличие от марксизма сторонники Эдинбургской школы рассматривают научное знание как абсолютно случайное, не оставляя нам никаких общих закономерностей, никаких необходимых связей, соединяющих знание либо с общественным строем, либо с миром природы; никакой концепции научного прогресса, никаких критериев дифференцированной оценки. С их точки зрения, социальные группы просто выбирают теории в качестве ресурсов, соответствующих их целям, и нет никакого способа, которым такие теории можно ранжировать с точки зрения их близости к реальности или их рациональности. Эти науковеды постоянно меняют свою позицию, переходя от самого произвольного волюнтаризма к самому радикальному механистическому детерминизму. Устанавливают жесткую модель знания, основанную на интересах, а затем призывают к бескорыстным исследованиям. Выступают против придания науке особого статуса по сравнению с другими формами культуры и против критериев разграничения, а затем присваивают науке наивысший почетный статус. Все это слишком случайно, слишком противоречиво и слишком расплывчато, чтобы продвинуть нас к более глубокому пониманию взаимосвязи между когнитивными и социальными аспектами науки (Barnes, 1974, 1977; Bloor, 1976).

Научные войны 1990-х гг. упрочили нити этих противоречий. Я оказалась на обеих сторонах, но полностью ни на одной из них. Я согласилась с теми, кто хотел защитить познавательную способность науки от эпистемологического антиреализма, иррационализма, мистицизма, конвенционализма и особенно от всего, что связано с постмодернизмом. Я также согласилась с теми, кто настаивал на строгом социально-историческом подходе к науке, выступая против утверждения сциентизма. Лучшее понимание того, что марксистская традиция привнесла в эти вопросы, прояснило бы ситуацию. Я не считаю, что дискредитация науки с точки зрения ее познавательной способности – подходящее занятие для левых. Это не является ни эпистемологически обоснованным, ни политически прогрессивным. Левые должны встать на сторону науки, критически реконструированной, социально ответственной, но с учетом возможностей самой науки (Segerstrale, 2000; Sheehan, 2001).

Наука и науковедение все больше склоняются к отступлению от великих идей, которые когда-то были распространены. Они стали слишком мелкими, слишком замкнутыми, слишком одержимыми мини-дебатами о микротенденциях со слабыми свидетельствами релевантной интеллектуальной истории и слабым социальным контекстом (подробнее см. Biagioli, 1999).

Что касается философии, то, хотя она занимает центральное место в жизни человека, многие профессиональные философы сводят ее к технической эзотерике или запутывающей бессмыслице. Они оттолкнули многих, кто

пришел к ним в поисках смысла, поставив любую защиту ее снижающегося статуса на сомнительные основания. Некоторые тексты по философии науки кажутся мне эквивалентными одержимости игрой в шахматы, когда вокруг играющих горит дом.

Марксизм остается альтернативой. Он по-прежнему превосходит все, что есть сегодня на сцене. Это способ увидеть мир с точки зрения сложного паттерна взаимосвязанных процессов, где другие видят только разрозненные и статические детали. Это способ показать, что экономические структуры, политические институты, правовые кодексы, моральные нормы, культурные тенденции, научные теории, философские взгляды и даже здравый смысл являются продуктами модели исторического развития, сформированной способом производства.

Марксизм как философия науки является материалистическим в том смысле, что объясняет естественный мир в терминах природных сил, а не сверхъестественных. Марксистская философия науки диалектична в том смысле, что является эволюционной, поступательной, развивающейся. Она радикально контекстуальна и релятивна, ибо позволяет видеть все существующее в сети сил, в которую встроена. Она эмпирична, не будучи позитивистской или редукционистской. Она рационалистична, не будучи идеалистической. Она последовательна и всеобъемлюща, но в то же время эмпирически обоснована. Собственно, в этом и состоит сущность тотализующего диалектического мышления, развиваемого марксизмом.

Марксизм необходимо постоянно пересматривать в свете самой передовой науки, самых современных знаний. В философии науки это означает предметное осмысление философских следствий эмпирических наук, и делать это необходимо в широком социально-историческом контексте. В философии вообще это означает обращение к другим дисциплинам и междисциплинарным исследованиям и участие в дебатах по поводу теоретических основ растущего знания. Это означает тщательное изучение современных изменений в самом производстве знания.

Марксизм занимал важное место в истории философии. Марксистская философия была формирующей силой в научных исследованиях и других дисциплинах, и она продолжает оказывать влияние. Она не так влиятельна в современном интеллектуальном ландшафте, как того заслуживает, но все же более влиятельна, чем многие могут подумать. Это происходит способами, которые не всегда осознаются. Иногда это философия, «которая не смеет проносить свое имя». Более того, многие из ее предпосылок стали настолько общепринятыми, что уже неважно, откуда они взялись.

Марксизм продолжает жить, но окольными и сложными путями: иногда сильным, блестящим, дерзким образом, иногда тонким, но влиятельным, иногда слишком слабым, запутанным и униженным. Зачастую облегченный вариант марксизма используется интеллектуалами для поиска случайных идей для поверхностных теорий. Некоторые из них являются квазимарксистами или постмарксистами. Они обескуражены поражением или децентрированы постмодернизмом. Одно дело, когда ветер дул им в спину, но их сбил с ног встречный ветер, которому они не смогли противостоять. Все время происходят приливы и отливы, а также новые волны осознания.

Нынешний толчок к деколонизации знаний имеет важное значение. Я радовалась, когда «Родс пал» в Кейптаунском университете в 2015 г.⁴ До этого я съезживалась каждый раз, когда проходила мимо него в кампусе. Тем не менее я наблюдала, как большая часть этого прогрессивного импульса была утрачена из-за неспособности увидеть достигнутое предыдущими поколениями, а также из-за неспособности увидеть, что центральной силой, колонизирующей знания, является капитал. Я уже вижу, как многое из этого кооптируется в мягкую и слепую либеральную повестку разнообразия и инклюзивности (Sheehan, 2020).

В настоящее время имеются свидетельства возрождения интереса к марксистской философии науки. За прошедшие годы количество приглашений меня в качестве докладчика то увеличивалось, то уменьшалось. Причины, по которым сейчас ищут меня и других марксистов, в большей степени связаны с текущей чрезвычайной ситуацией планетарного масштаба, в частности, с надвигающейся климатической катастрофой и продолжающейся пандемией COVID-19. Наука стала актуальной. Премодернистская или постмодернистская антинаука – тупиковый путь. Позитивистский сциентизм обладает некоторой силой, но слишком узок, слишком близорук, чтобы представить полную картину.

В последнее время я не часто сталкивалась с постмодернистской критикой науки. Поскольку наука стала настолько заметной, настолько непосредственной, настолько важной для нашей коллективной судьбы, я не думаю, что кто-то хочет слышать, что у нас нет критериев для выбора между спорными утверждениями об истине или что наука по своей сути обманчива или деспотична. И все же наука при капитализме никогда еще не была такой проблематичной. Только системный анализ может преодолеть это, и только вытекающие из подобного понимания действия способны справиться с возникающими проблемами.

Статистические данные о выбросах углерода или утрате биоразнообразия помогут нам продвинуться вперед только в том случае, если мы назовем систему, которая создала проблему, подталкивает процесс вперед и блокирует возможные решения. Об экологическом кризисе очень много пишут, но именно марксисты, например, Джон Беллами Фостер, Иэн Ангус, Андреас Мальм, связывающие науку с философией, социологией и политической экономией, проясняют целостную картину и указывают путь за ее пределы (Angus, 2017; Malm, 2017, 2020; Foster, 2020; Johansson & Baumgartner, 2021).

То же самое и с нынешней пандемией COVID-19. Статистические данные о случаях заражения, госпитализации, смертях, вакцинации и мерах по смягчению последствий не помогут нам, если мы не увидим, какие условия вызвали эту пандемию и породят будущие более жестокие пандемии. Именно марксисты, такие как Майк Дэвис и Роб Уоллес, спрогнозировали приближение пандемии

⁴ «Родс должен пасть» (Rhodes Must Fall) – протестное движение, начавшееся 9 марта 2015 г. и первоначально направленное против статуи в Кейптаунском университете (ЮАР), посвященной памяти британского колонизатора XIX в. Сесила Родса (он завещал землю, на которой был построен университет). В марте активист и студент Чумани Максвелл вылил ведро с человеческими фекалиями на бронзовую статую и поджег фитиль, что ознаменовало начало движения и вызвало серию протестов, кульминацией которых стал снос статуи 9 апреля 2015 г. – Прим. переводчика.

COVID-19, и, когда она наступила, показали ее связь с кругооборотом капитала. Что бы ни случилось в лаборатории или на рынке в китайском Ухане, настоящая причина кроется в вырубке лесов, разрушении мест обитания, торговле дикими животными, всей индустриализированной системе производства продуктов питания и глобальном кругообороте капитала (Davis, 2020; Wallace, 2016a, 2016b). Марксисты и другие ученые отмечают ухудшение состояния систем общественного здравоохранения, негативное влияние на патенты и мертвую хватку крупных фармацевтических компаний, препятствующих справедливому распределению вакцин и медикаментов.

Заключение

Нам нужна более открытая, нацеленная на сотрудничество международная наука для решения обозначенных выше проблем. В ответ на текущие кризисы предприняты некоторые шаги, но препятствия по-прежнему огромны.

Марксисты вышли на первый план в применении системного мышления, требуемого этими кризисами. Они не только выясняли причины, но и указывали на решения – решения, которых трудно достичь, потому что императивы, порожденные экологическими и эпидемиологическими кризисами, противоречат самой логике капитализма. Я думаю, это осознают все больше и больше людей, тех, кто собрался осенью 2021 г. на 26-й конференции ООН по вопросам изменения климата (COP26), или тех, кто не смог приехать, но с тревогой следил за новостями.

Итак, где мы сейчас находимся? Это парадокс: никогда не было такой тотализирующей, систематизирующей силы, как современный глобальный капитализм, и в то же время никогда не было такого торможения синтезирующего системного мышления. Централизованный рынок децентрирует психику. Он организует производство и потребление, но одновременно с этим дезорганизует общество. Тем не менее ведется поиск истины, присутствует стремление к справедливости, которые система не может ни удовлетворить, ни подавить. В связи с этим я возлагаю надежду на возрождение тотализирующего мышления и коллективного действия, которые марксизм возвращал десятилетиями.

Более того, марксистская философия науки, на мой взгляд, именно в силу не только имманентно присущего ей тотализирующего мышления, но и радикальной историчности, транспарентной концептуализации и системной контекстуализации всех составных элементов человеческого бытия, способна выйти за рамки обозначенной во Введении «эпистемологической катастрофы» и объяснить социальные детерминанты и корни науки, показать тенденции исторического развития науки (как это для своего времени сделал Маркс, спрогнозировав превращение науки – *allgemeine Wissenschaft, general intellect* – в непосредственную производительную силу). Такое возможно только в силу того, что марксизм рассматривает науку не как автономный, замкнутый в себе феномен, а как форму общественного сознания и социальный институт, которые в своем содержании определяются (конечно, не в смысле жесткого линейного детерминизма, хотя внутри самого марксизма такие перегибы имели место) протеканием целокупного жизненного процесса. Поэтому марксизм по-прежнему остается непревзойденной философией нашего времени.

Итак, история марксизма и его отношения к науке неразрывно связаны с историей всего остального. До сих пор это была захватывающая драма, полная откровений, катарсиса, трагедии и фарса. И я готова к следующему акту.

References

1. Angus, I. (2017). *A redder shade of green: Intersections of science and Socialism*. New York: Monthly Review Press.
2. Barnes, B. (1974). *Scientific knowledge and sociological theory*. London: Routledge & Kegan Paul.
3. Barnes, B. (1977). *Interests and the growth of knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul.
4. Bernal, J.D. (1934). *Aspects of dialectical materialism*. London: Watts & Co.
5. Biagioli, M. (1999). *The science studies reader*. New York: Routledge.
6. Bloor, D. (1976). *Knowledge and social imagery*. London: Routledge & Kegan Paul.
7. Bukharin, N. (2005). *Philosophical arabesques*. New York: Monthly Review Press.
8. Bukharin, N.I. et al. (1931). *Science at the Crossroads*. Papers presented to the International Congress of the History of Science and Technology, held in London from June 29th to July 3rd, 1931, by the delegates of the U.S.S.R. London: Kniga.
9. Caudwell, C. (1971). *Studies and further studies in a dying culture*. New York: Monthly Review Press.
10. Caudwell, C. (1986). *Heredity ad development*. London: Routledge & Kegan Paul.
11. Caudwell, C. (2018). *The Crisis in Physics*. London: Verso Books.
12. Chilvers, C. (2015). Five tourniquets and a ship's bell: The special session at the 1931 Congress. *Centaurus*, 57(2), 61–95. <https://doi.org/10.1111/1600-0498.12094>
13. Davis, M. (2020). *The Monster enters: COVID 19, Avian flu, and the plagues of Capitalism*. New York: Verso Books.
14. Foster, J.B. (2000). *Marx and ecology*. New York: Monthly Review Press.
15. Foster, J.B. (2020). *The return of nature*. New York: Monthly Review.
16. Graham, L. (1998). *What have we learned about science and technology from the Russian experience?* Stanford: Stanford University Press.
17. Johansson, J., & Baumgartner, K. (2021). *Marxist-Humanism in the present moment: Reflections on theory and practice in light of the Covid-19 pandemic and the Black Lives Matter Uprisings*. Chicago: International Marxist-Humanist Organisation.
18. Kangal, K. (2020). *Friedrich Engels and the Dialectics of nature*. London: Palgrave Macmillan.
19. Levins, R., & Lewontin, R. (1987). *The dialectical biologist*. Cambridge: Harvard University Press.
20. Malm, A. (2017). *The progress of this storm: Nature and society in a warming world*. New York: Verso Books.

21. Malm, A. (2020). *Corona, climate, chronic emergency: War Communism in the twenty-first century*. New York: Verso Books.
22. Segerstrale, U. (2000). *Beyond the science wars: The missing discourse about science and society*. Albany: State University of New York Press.
23. Sheehan, H. (2001). The drama of the science wars: What is the plot? *Public Understanding of Science*, 10(2).
24. Sheehan, H. (2007). J.D. Bernal: Philosophy, politics and the science of science. *Journal of Physics. Conference Series*, 57, 29–39. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/57/1/003>
25. Sheehan, H. (2018). *Marxism and the philosophy of science: A critical history*. London: Verso Books.
26. Sheehan, H. (2019). *Navigating the Zeitgeist*. New York: Monthly Review Press.
27. Sheehan, H. (2020). Class, race, gender and the production of knowledge: Considerations on the decolonisation of knowledge. *Transform*, (7), 13–30.
28. Wallace, R. (2016a). *Big farms make big flu*. New York: Monthly Review Press.
29. Wallace, R. (2016b). *Dead epidemiologists: On the origins of Covid-19*. New York: Monthly Review Press.
30. Werskey, G. (1978). *The Visible college: A collective biography of British scientists and socialists of the 1930s*. London: Allen Lane.
31. Young, R. (1977). Science is social relations. *Radical Science Journal*, (5), 65–129.

Информация об авторе

Хелена Шихан, доктор философии (PhD), почетный профессор, Дублинский городской университет, Дублин, Ирландия, e-mail: helena.sheehan@dcu.ie

Information about the author

Helena Sheehan, PhD, Professor Emerita, Dublin City University, Dublin, Ireland, e-mail: helena.sheehan@dcu.ie

ОТНОШЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ В ОФИЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА 1920-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ.: КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕРОЯ И МОБИЛИЗАЦИЯ МАСС*

Ирина Борисовна Фан,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
Irina-fan@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.07.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Фан И.Б. Отношение к человеку в официальной советской политической культуре конца 1920-х – начала 1950-х гг.: конструирование героя и мобилизация масс // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 30–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_30

Аннотация

Статья посвящена исследованию содержания политической культуры сталинской эпохи, которое определяется противоречием между декларируемым идеалом человека и действительным отношением к массовому индивиду. Цель работы – представить направленность, способы, механизмы и функции конструирования такого идеала (героя как образца для идентификации) в искусстве, культуре, государственной культурной политике, направленной на производство массового индивида как сознательного коммуниста, а фактически дешёвую военную или рабочую силу. Методология исследования опирается на социологию знания П. Бергера и Т. Лукмана,

* Исследование выполнено в рамках проекта «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга» при поддержке РФФИ, грант № 20-411-660005.

© Фан И.Б., 2022

анализирующую социальную соотносительность знания и социальной реальности, смысла и объективности. Автором обобщены принципы конструирования произведений советского искусства, составляющих канон социалистического реализма. Художественная литература помогает выявить скрытый смысл политической культуры в целом: культивирование героя означает обесценивание рядового индивида, способствующее эффективному его использованию для любых целей. В ходе исследования установлено, что результатом сталинского этапа культурной революции стала трансформация официальной политической культуры в социальный конструктор, производящий героев в целях воспитания советского человека. Такой тип обладает нужным партии и государству набором морально-политических качеств – коммунистической сознательностью, дисциплинированностью, коллективностью, патриотизмом, способностью к самопожертвованию и т. п. Но поскольку в процессе функционирования сталинской политической культуры как конструктора не учитывалась повседневная реальность, условия существования, потребности и интересы массового индивида, ее фактическим конечным продуктом стал амбивалентный советский человек. Последний составляет наследие, сохраняющее определенное значение в нынешней России.

Ключевые слова:

социальное конструирование, политическая культура, сталинская эпоха, культурная революция, идеология, коммунистическая сознательность, политическая мифология, пропаганда, риторика, советский человек, гражданственность.

UDC 321

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_30

THE ATTITUDE TOWARDS MAN IN THE OFFICIAL SOVIET POLITICAL CULTURE OF THE LATE 1920S – EARLY 1950S: THE CONSTRUCTION OF A HERO AND THE MOBILIZATION OF THE MASSES**

Irina B. Fan,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
Irina-fan@yandex.ru

Article received on July 15, 2022, accepted on November 2, 2022

** The study is carried out within the framework of the project “The specifics of the construction of citizenship in the 1920–2010s based on the material of public park spaces in Sverdlovsk/Yekaterinburg” with the support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-411-660005.

For citation: Fan, I. B. (2022). The Attitude towards Man in the Official Soviet Political Culture of the Late 1920s – Early 1950s: The Construction of a Hero and the Mobilization of the Masses. *Discourse-P*, 19(4), 30–47. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_30

Abstract

The article examines the content of the political culture of the Stalin era, which was determined by the contradiction between the declared ideal of a person and the actual attitude to the mass individual. The purpose of the study is to present the direction, methods, mechanisms, and functions of constructing such an ideal (a hero as a model for identification) in art, culture, and state cultural policy aimed at producing a mass individual as a conscious communist and in fact cheap military or labor force. The research methodology is based on the sociology of knowledge by P. Berger and T. Luckmann, analyzing the social correlation of knowledge and social reality, meaning, and objectivity. The author of the article summarizes the Soviet art construction principles that make up the canon of socialist realism. Fiction helps to reveal the hidden meaning of political culture as a whole: cultivating a hero means devaluing an ordinary individual, contributing to its effective use for any purpose. The study found that the result of the Stalinist stage of the cultural revolution was the transformation of the official, state political culture into a social constructor producing heroes in order to educate the Soviet man. Such a type of mass individual possesses a set of moral and political qualities that the party and the state need – communist consciousness, discipline, collectivity, patriotism, the ability to self-sacrifice, etc. However, while the functioning of the Stalinist political culture as a constructor, everyday reality, conditions of existence, needs, and interests of the mass individual were not taken into account, the ambivalent Soviet man became its actual end product being a heritage that retains a certain significance in today's Russia.

Keywords:

social construction, political culture, Stalin era, cultural revolution, ideology, communist consciousness, political mythology, propaganda, rhetoric, Soviet man, civic consciousness.

Введение

Воспроизводство советской политической культуры в сознании россиян и советского человека как распространенного социального типа оказывает многостороннее воздействие на состояние современного российского общества. Причины этого, на наш взгляд, связаны не только с традициями государственного управления, но и с воспроизводством скрытого содержания сталинской политической культуры. Последнее определяется противоречием публично-декларативного, риторического и реального в отношении государственной власти к российскому населению и населения к власти. Речь о слепых зонах данной культуры, являющихся исторически инвариантными. Что скрывала

сталинская политическая культура и искусство, выражающее ее смысл, за сконструированным ею по заказу государства идеалом человека-героя, каково было действительное отношение власти к реальному массовому индивиду? На какой реальный политико-правовой статус советского гражданина ориентировалась государственная политика? Можно ли сталинскую политическую культуру рассматривать как определенный тип гражданственности?

Существует обширная научная литература об исторических, политических, культурных, психологических и иных аспектах отношения к человеку в сталинскую эпоху 1930–1950-х гг. Проанализированы этапы эволюции большевистского проекта нового мира и нового человека (Поршнева, 2017). Радикальный пересмотр марксистской теории и идеологии (например, разработка теории построения социализма в отдельно взятой стране), а также риторизация марксизма оценены как конец, перерождение (термидор) или похороны большевистского проекта, приведшие к обесцениванию человека (Колеров, 2017; Кур-Королев, 2011; Никандров, 2020). Изучено влияние характера Российской империи на распространение общественных ожиданий возврата к дореволюционным порядкам, на процесс реализации большевистского проекта нового человека и модернизацию общества (Баранов, 2017; Ланца, 2017; Эткинд, 2014). Описан процесс целенаправленного создания Сталиным идеологической конструкции преемственности СССР и Российской самодержавной империи, а также скрыто – преемственности власти русских самодержцев и главы всенародного социалистического государства (Никандров, 2020). Исследовано определяющее значение сталинизма для генезиса, существования и исторической трансформации советского как системы (Скоробогачкий, 2021). Сталинизм рассматривается как следствие гибели утопии, ее редукции к новой официальной мифологии и политической риторике, а также как система репрессивных механизмов и технологий управления, направленных на мобилизацию масс (Садовский, 2017). Фиксируется переход сталинской власти к Большому террору как главному способу управления и средству перековки человека (Калинин, 2012). «Великий перелом» (насильственная коллективизация, индустриализация, режим политических репрессий) был реакцией власти на разочарования и ожидания масс. Строительство СССР стало восстановлением империи и старого, имперского человека, но на иной идеологической основе.

Показана роль практик выживания в годы Гражданской войны для конструирования институциональных, поведенческих, ментальных механизмов функционирования советского общества и человека (Нарский, 2001). Осуществлен анализ структуры и семантики «советскости» и советского человека как «культурно-антропологического типа, возникшего в ходе исторической и цивилизационной катастрофы и являющего собой способ выживания массового человека в исключительных условиях»; структура советского человека как типа определена как «функциональное единство идеологии и стратегии выживания», основу данного единства составляло «стремление к власти как сверхценности советской цивилизации» (Скоробогачкий, 2014, с. 236–237). Нравоучительно-дидактическая направленность советской цивилизации воплощена в образе лагеря (исправительно-трудовой колонии) как «соединения тюрьмы со школой» для трудновоспитуемых «детей», где воспитанию, пере-

делке «буржуазного человека» в «нового человека, или коммуниста», предшествует наказание (Синявский, 2002, с. 157).

Объективная картина советской действительности с позиций социальной, экономической, культуральной, антропологической истории, а также исследования советской повседневности и других подходов представлена во множестве работ. Особенности советской системы управления как механизма мобилизации и перераспределения ресурсов (ход и последствия сталинской индустриализации, закрепощение населения в СССР, неправовой характер государства, уравниловка, взяточничество, дефициты и т. д.) проанализированы А. П. Прохоровым (2013). Детально описаны такие явления обычной советской жизни, как советское предприятие, распределение и рынок, коммунальная квартира, очередь, искусство приспособления и т. д. (Журавлев, 2004; Козлова, 1996; Осокина, 1999).

С точки зрения политической психологии, культура сталинской эпохи характеризуется как реакция на постреволюционную фрустрацию – депрессии и агрессивные настроения масс. Психодинамика данного времени определялась «симбиозом агрессии и смирения», который и обеспечивал «перверсию утопии в традицию» (Булдаков, 2012, с. 718). Раздражение в связи с социальными потрясениями, желание порядка, императивы выживания со стороны населения и политика усиления государства и органов принуждения со стороны партийной номенклатуры привели к иллюзорному упованию масс на сверхчеловеческие образы вождей, концентрирующих власть. «Революционная утопия выродилась в традиционную утопию власти в лице единоличной диктатуры» (с. 722). Система идеологического воздействия, пропаганды, агитации, политического контроля, политизация повседневного языка и досуга, вовлечение в новые политические праздники и ритуалы, символическая политика советской власти, монументальная пропаганда – все эти «конформистские лаборатории» обеспечивали выработку автоматизмов мышления и поведения, «конформизацию и внутреннюю советизацию» населения (Яров, 2014, с. 154).

Способом осуществления проекта нового человека считалась культурная революция. Она включала множество направлений и инструментов конструирования советского человека, в том числе средствами системы образования и педагогических технологий (Ильюшенко, 2017, с. 455). Однако главной характеристикой участников и результатов культурной революции стала идеологическая ангажированность, лояльность коммунистической партии и ее вождям. Существуют разные подходы к оценке роли культурной революции в формировании нового человека. В ходе культурной революции произошли сдвиги в различных сферах: религия заменена идеологией, сформирована система образования и воспитания, созданы новый канон социалистического реализма в искусстве и массовая культура, сформирован механизм взаимодействия СМИ и общества по модели реализации государственно-идеологического заказа и др. Однако в оценках этих сдвигов авторы расходятся, есть позитивные оценки (Ершова, 2017), но есть и характеристика их противоречивости (Круглова, 2005). В качестве советского наследия характеризуется политико-правовой статус российского гражданина и его политическая культура (Фан, 2011, 2013).

Тем не менее остается ощущение тайны культуры сталинской эпохи. Для чего партийно-государственной элите нужна была такая политическая культура, которую наряду со сферами политики, образования, СМИ, науки и т. д. в сфере

искусства выражал канон соцреализма? Что скрывалось за риторикой героизации народных масс? Почему советские политические мифы оказались ложными для аналитиков культуры, но исторически устойчивыми для населения? Для ответа на эти вопросы необходим анализ направленности, механизмов конструирования, тиражирования и консервации сталинской политической культуры и ее действительного продукта – советского человека. Общей методологией исследования для нас является социология знания П. Бергера и Т. Лукмана (1995), анализирующая социальную соотносительность знания и социальной реальности, смысла и объективности. Этот подход позволяет раскрыть процесс конструирования социальной реальности в единстве тенденций объективации субъективных ценностей (идеалов, знания и т. д.) и субъективации объективного институционального порядка. Эффективен этот подход и при рассмотрении соотношения искусства (культуры) и действительности.

Результаты исследования

Способ конструирования социальной реальности хорошо виден на примере литературного процесса в СССР. Обобщая имеющиеся исследования, сформулируем принципы конструирования произведений советского искусства, составляющие канон социалистического реализма: 1) соответствие «морально-политического облика», характера и жизненного пути персонажей идеологическим задачам партии; 2) выражение постулатов сталинской идеологии с помощью мифологических конструкций и мифологизации героев; 3) деиндивидуализация героев; 4) создание иллюзии реального существования героев и расцвета социалистического строя.

Соцреалистический канон, ставший стержнем политической культуры сталинской эпохи, вырабатывался постепенно, акцентируя свою противоположность нормам буржуазного искусства. Он выполнял функции стабилизации, селекции и регулирования искусства (Гюнтер, 2000b, с. 281). Все виды и жанры искусства соцреализма выполняли государственно-идеологическую функцию воспитания массового индивида, но именно литературный роман давал образец положительного героя – главного элемента соцреализма. Путь положительного героя в советском романе, в соответствии с ленинской диалектикой развития общества, представлял собой движение от стихийности к сознательности – усвоению марксистско-ленинского учения в его сталинской трактовке. Сталинская культура была нацелена на внедрение образа положительного героя во все сферы общества, занимающиеся образованием, воспитанием, профессиональной подготовкой молодого поколения.

«Для сталинского времени характерна всеобщая иерархия воспитания – партия воспитывала критиков, критики – литераторов, литераторы – массы» (Гюнтер, 2000b, с. 285). К началу 1930-х гг. партия взяла на себя задачу создания единой народной культуры и принятия ее писателями, учредив Союз советских писателей и привилегии для его членов. Чиновники, назначенные на посты в Союзе в соответствии с логикой номенклатурной системы, управляли сообществом советских писателей, манипулируя доступом к жизненным благам (Хоскинг, 2012, с. 202). Литературный процесс представал как формирование все более унифицированных способов и технологий конструирования

героев-образцов, предназначенных для идентификации молодежи и народных масс, для управления их поведением. Идеологизированное искусство транслировало читателю и зрителю государственный заказ на конкретный тип массового индивида, обладающего нужным властью «морально-политическим обликом». Часть населения пыталась честно следовать этим образцам и установкам, чем и объясняется наличие советского патриотизма и энтузиазма. Однако усвоение данных образцов большинством населения наталкивалось на многочисленные противоречия декларируемых идеалов и повседневной жизни. Так в сознание массового индивида входили «двойные стандарты» поведения на публике и в личной жизни, различие официальных и теневых практик и отношений. Массовый индивид к началу 1930-х гг. не становился сознательным коммунистом. Возникновение соцреалистического канона связано с переориентацией государственной политики с задачи формирования социалистического общества и нового человека на задачу создания иллюзии их существования в настоящем. При этом социальная реальность, якобы отражаемая искусством соцреализма, им фактически искажалась. В новом герое требовалась предсказуемость, а не психологизм и сложность, персонаж должен быть либо положительным, либо отрицательным. Героя не искали в жизни, его конструировали в соответствии с постулатами идеологии, акцентируя руководящую роль партии в становлении героев. Литературная критика жестко ставила эту задачу, заставляя самых маститых авторов переписывать произведения.

Литературная критика стала хозяйкой литературного процесса, инструментом контроля над содержанием ценностей, творцом текстов культуры. Осуществляя руководящую роль в литературе, критики выработывали канон соцреализма как теорию и практику государственного искусства. От авторов требовалось писать с позиций зова будущего, из коммунизма, быть пропагандистами идей советского патриотизма, борцами с враждебными буржуазными ценностями. Считалось, что художник находится на посту сознательного служения народу, у него нет права на самовыражение. Сознательность неотделима от ответственности художника перед народом, партией, государством (Добренко, 2000, с. 420).

Еще одним принципом соцреализма являлась мифологизация героев. Основу сталинской политической культуры к середине 1930-х гг. составлял миф о советском обществе как великой семье. Ее главой был Сталин как отец всех народов, руководитель, вдохновитель и организатор побед. Рядом с ним находилась Родина-мать (страна, Москва), воплощающая эмоциональную теплоту к детям – героическим сыновьям и дочерям. Великая семья, общество и партия отождествлялись. История семьи представляла как историю смены иерархии отцов, абсолютно сознательных членов авангарда партии, и сыновей, стихийных положительных героев. Отцы (от Ленина к Сталину), как носители партийно-дисциплинированной сознательности, выступали по отношению к сыновьям в качестве наставников. Сталин воплощал принцип сознательности, а сыновья несли заряд стихийности (страсть к приключениям, политическую незрелость). Путем борьбы, испытаний и преодоления трудностей они должны были достичь сталинского сознания. Цель пути положительного героя была заранее определена сталинской идеологией, он должен достичь статуса сознательного коммуниста в служении коммунистической идеологии (вождю, партии, государству). Путь

героя от стихийности к сознательности символизировал движение общества к коммунизму как всеобщей сознательности. Героический миф в сталинской политической культуре выполнял функцию образца человека и его пути для молодежи. Герой – архетип культуры, конструируемой по мифологическим канонам. Архетип героя входил в ряд наиболее значимых архетипов советской культуры, таких как мудрый отец, Родина-мать, враг (Гюнтер, 2000а, с. 743–784).

Мифологизация, уже как подгонка исторических лиц и их судеб под мифологическую парадигму, являлась также одним из приемов конструирования героев. Прямые фальсификации и манипулирование историческими фактами оправдывались высокими целями пропагандирования нового героя и воспитания читателя. Еще одним приемом была деиндивидуализация – лишение героев индивидуальных черт и исторической конкретики. «Массовая идентификация с героем и подражание ему ставятся на службу выполнения государственных задач» (Гюнтер, 2000а, с. 750). Пангероизм институционализируется в целях мобилизации масс. Все сферы жизни превращаются в арену борьбы, фронты, на предприятиях инсценируются «военные походы», «битвы» и «победы». Обратной, неявной функцией пангероизма является стремление держать человека в инфантильном состоянии. Герои всегда – лишь сыновья, подчиняющиеся приказам отца. Культ героя связан с культом молодости, раздуванием инфантильного «Я», препятствующим взрослению и обретению самостоятельности.

Основная функция героического мифа и соцреалистических героев в сталинской культуре амбивалентна. В этом мифе заключена магия соблазна. По отношению к авторам (писателям, художникам и т. д.) миф действует как «соблазн приобщения» (Добренко, 1999; Жолковский, 1994) – и к великой цели строительства коммунизма (посредством сотворения героев), и к партии власти, и к государственной элите, обладающей значительными привилегиями. Потребителя искусства, массы, миф тоже соблазняет доступностью обретения власти, показывая им путь к господству (это фиксируют идеологемы «государство диктатуры пролетариата», «советская власть – власть рабочих и крестьян») через путь к коммунистической сознательности, похожий на путь сказочного героя. Герой сказки (как вариации мифа) спускается в царство мертвых, чтобы обрести новую жизнь. «Сказка» советского искусства стимулирует в герое готовность принести себя в жертву ради светлого будущего новых поколений. Происходит комбинирование идеологии и мифологии. Чтобы обрести власть, нужно стать одним из сознательных коммунистов, из которых состоит правящая партия. Но в то же время миф рисует предельно идеальные качества героя. Оказывается, что цель пути положительного героя недостижима, а потому иллюзорна. Сыну никогда не стать отцом. Так высвечивается действительная функция героического мифа в советской культуре – служить идеологии и вождю, манипулировать убеждениями и поведением масс, увлечь идентификацией с властью ради мобилизации на решение любых задач партии.

В сталинскую эпоху культивировались четыре категории героев: герои социалистического труда; воины Гражданской войны; политические деятели, представленные в публицистике и биографиях (образец – В.И. Ленин в некрологе А.М. Горького); герои-жертвы, воплощавшие готовность к самопожертвованию во имя задач партии и правительства (П. Власов в романе А.М. Горького «Мать», Н. Островский в романе «Как закалялась сталь») (Гюнтер, 2000а, с. 746). Качества

таких героев выступали ядром требований к советскому человеку, обязанному стать сознательным коммунистом.

Вычлняются и элементы, из которых конструировали героев: 1) стереотипы мышления, заданные священными текстами сталинской идеологии; 2) язык советской риторики – клише, эпитеты, группы эпитетов, специфические метафоры (железа, стали и т.п.). Этот язык постепенно становился все более символическим, абстрактным, унифицированным, не предназначенным для передачи реальной информации о проблемах общества. Риторические штампы и клише о героях соотносились с риторикой пропаганды и идеологии. Закалка стали символизировала затверждение воли и тела героя, глава партии обладал железной волей вождя, партия и общество должны были образовать стальное единство. Функцию риторики в соцреалистическом романе выполняла пропаганда, а метафоры были призваны редуцировать сложности мировой истории к схеме движения от невежества к истине коммунизма как всеобщей сознательности (Кларк, 2000, с. 570). Путь положительного героя к обретению новой идентичности сознательного коммуниста символически подтверждал реальность прогресса общества, легальности и легитимности социализма.

Эпитеты, применявшиеся для характеристики положительного героя, включали стихийность, недисциплинированность, горячность, жизненную силу, улыбочивость. По мере движения к сознательности герой должен был становиться все более дисциплинированным и серьезным. Качества отца выражались такими эпитетами, как зрелый, сделанный по ленинской или сталинской модели, руководителем ленинского типа, который может проявлять отеческую заботу о простых людях. В 1930-е гг. отец из доброго дяди превращается в неподкупного, строгого, беспощадного к врагам, бдительного и сурового партийца с немигающим взглядом. Группы эпитетов – это различные формулы морально-политических добродетелей как меры стихийности или сознательности, их задача – показать политический рост героя к состоянию сознательного коммуниста, а общества – к коммунизму. Цель писателей сталинской эпохи – изобразить героя, соответствующего идеологической схеме, т.е. выполнить партийно-государственный заказ. При этом главное действующее лицо деиндивидуализируется, по сути, это образец сталинской телесности, а также «пучок мотивов, эпитетов и символических жестов» (Кларк, 2000, с. 580).

В целях усвоения данного идеала массами в постреволюционную и сталинскую эпохи систематически использовались психологические механизмы социального конструирования: цикличности, пассивного восприятия, систематического и избыточного тиражирования, эмоциональной вовлеченности, а также динамические, операционно-технические аспекты их реализации. Целью этого была социальная унификация развития перцептивных, мыслительных, эмоциональных паттернов функционирования членов культурно-исторического сообщества (Полякова, 2017, с. 688–689). Член сообщества с «социально обученным восприятием», лояльный по отношению к партийно-государственным требованиям, соответствовал социальной норме. На основе такого восприятия решения принимались автоматически, поскольку были подсказаны путем многократного тиражирования определенного социального опыта (пропаганды конкретных идей через СМИ, обучение, различные виды искусства и т.д.). Многократное стимулирование способствует формированию навыков и автоматизмов восприятия,

мышления, поведения. Перцептивные процессы запускают деятельность всех остальных психических функций. Результатом всей работы являются идеологические фильтры восприятия и осмысления происходящего и поведения людей.

Таким образом, культурная революция 1930–1950-х гг. трансформировала советскую политическую культуру в особый социальный конструктор. Культура была подчинена государственной доктрине формирования советского человека. Большевистский режим должен был изменить статус подданных империи на статус граждан, поскольку провозгласил СССР в качестве союза республик. Однако советская политика освоения территорий союзных республик, по сути, продолжила колонизацию по имперскому образцу, с ее идеями миссионерства и цивилизаторства, учением о великой советской родине и единстве народов. Тем самым были возрождены идеи имперского, по сути, государства, но в обновленном идеологическом и риторическом формате. Из перспективы настоящего времени становится ясно, что, несмотря на завесу идеологии и пропаганды, в сталинское время *Homo Imperii* продолжил свое существование как *Homo Sovieticus* (Ланца, 2017, с. 673). Эта перспектива дает возможность выделить скрытые в прошлом характерные интенции и черты сталинской культуры.

Специфика сталинской культурной революции состоит в коренном изменении отношения искусства и действительности (Круглова, 2005, с. 84). Искусство перестало отражать реальность и принялось за ее сокрытие и создание иллюзий. Причина такой смены – распространившееся в начале 1930-х гг. ощущение массами и элитами неудачи антропологического эксперимента. Власти отреагировали на это, во-первых, Большим террором – не столько более радикальным способом переделки человека, сколько обращением к насилию как более эффективному средству сохранения власти под прикрытием идеологии и пропаганды. Во-вторых, стимулированием развития массовой культуры. Культура начала строиться на всеобщем обмане (об исключительности советского образа жизни, уникальности советского человека), чтобы не раскрыть ее тайну, ее превратили в тоталитарную и массовую. Это сопровождалось деиндивидуализацией и деавтономизацией личности, уничтожением автономии любых сфер общественной жизни и культуры. Усилия были перенесены на создание иллюзии наступления социализма. Благодаря возможностям культурной индустрии XX в. искусство сталинской эпохи научилось создавать высокоэффективные иллюзии в кино, литературе, архитектуре и т. д. Искусство стало способом театрализации и ритуализации жизни, распространения иллюзорных способов самоописания общества и идентификации индивида. Отсюда любовь власти к массовым шествиям, военным парадам, демонстрациям, празднествам, похоронам – все для зрелища и видимости политической вовлеченности масс.

В советской массовой культуре, как пространстве применения манипулятивных технологий принуждения к лояльности, распространялось искусство приспособления к меняющимся требованиям власти, к постоянной новизне. Безусловной ценностью стала культурность как программа правильного поведения на публике, как возможность повышения социального статуса. Формой субъектности для бывших крестьян стала культурность как сознательность (Круглова, 2005, с. 92–93). В результате появился средний советский человек и как потребитель художественных произведений, и как их автор. Сначала правящий класс, а затем и массы начали ориентироваться на идеал культурного человека, вклю-

чающий требования личной гигиены, занятия физической культурой, культуры труда и досуга и т. п. Но главным требованием была сознательность.

Заключение

Отталкиваясь от идей В. Подороги (2010), можно сделать вывод, что в системе государственного управления культурой в данную эпоху просматривается некая мегамашина, социокультурный конструктор, скрытый от публики. Сталинская политическая культура, формируемая структурами партии, пронизывающими органы государства, экономику, образование, науку, СМИ, искусство, право, действовала как машина конструирования героя в целях воспитания, т. е. мобилизации массового индивида. На производство какого типа индивида был нацелен этот конструктор как совокупность социальных, политических, культурных, педагогических, репрессивных и соблазняющих технологий? На индивида, обладающего ориентацией на коллектив (и зависимостью от коллектива и его руководителя), идейностью – стремлением воплотить в жизнь пропагандируемые коммунистические идеалы, оптимизмом и верой в достижение поставленных целей; социальной ответственностью (страхом), сознательностью – способностью подчинять свое поведение контролю сознания, трудолюбием, бескорыстием, патриотизмом, чувством гордости за государство, которому служит. Однако на практике данный конструктор не был полностью воплощен, поскольку образ человека, предназначенный для идентификации каждого советского гражданина, представлял собой утопию. Культура была превращена в конструктор иллюзий, в том числе и образа героя как фикции существования нового человека. Сталинская мегамашина была нацелена на тотальный охват общества, но фактически цель была выполнена лишь частично. Поскольку ее «настройки» исключали учет реальности и реального человека и были ориентированы на производство нужного государству человека из имеющегося «человеческого материала», постольку ее результаты оказались не соответствующими целям, а в ее тотальности периодически возникали разрывы. Мегамашина культуры в конечном итоге произвела на свет тип амбивалентного советского человека.

Советская культура с ее явным и неявным, формальным и неформальным символическим содержанием была нацелена на массовое производство рабочей и военной силы по идеальному образцу сознательного коммуниста. Но в реальности сформировался человек советский, мотивируемый на выживание, изменчивый, манипулируемый, подавляющий собственное мнение и индивидуальность, инфантильный, лукавый. Советское общество сформировало специфическое распределение человеческих типов, придав доминирующее значение типу человека с двоемысленными критериями ценностей, фрустрированного, неспособного менять условия собственного бытия (Левада, 1993, с. 267). Советскому человеку были присущи адаптивная мораль, моральный релятивизм, идеологические лозунги он компенсировал повседневноым двоемыслием (Гудков, 2004, с. 430), оправданием действий власти и уклонением от них.

Сталинская культура как часть советской системы управления массами была эффективным прикрытием истинных намерений власти. Конструируя «героя», культура не принимала в расчет реального индивида с его потребностями, желаниями, интересами, волей, политическими и моральными ценностями. Для

государственных деятелей массовый индивид был лишь расходным (строительным) материалом, пластилином, из которого по образцу героев они пытались лепить сознательных коммунистов. Такой индивид должен был быть «всегда готовым» к «труду и обороне», причем бескорыстным и жертвенным. Презрение к реальности и реальному человеку обернулось плачевными результатами советской социальной инженерии – незавершенной социальной, экономической, политической модернизацией, неоконченной культурной революцией и формированием противоречивого человеческого типа – советского человека. Советский человек как спящее наследие – его ритуализированная политическая активность (участие в парадах и демонстрациях) и вынужденная индивидуальная пассивность, двоемыслие, лицемерие – присутствует и в российском массовом индивиде сегодня.

Подход к человеку, реализованный в культуре сталинской эпохи, называют негативной антропологией, поскольку табуировались не отдельные формы жизни людей, но абстрактный универсальный субъект – человеческое как таковое (Смирнов, 2000, с. 17). Существовал негласный запрет быть человеком: любой человек находился под подозрением и подлежал наказанию. Но что именно было запрещено и почему, составляло тайну. Скрытность, секретность и бдительность были обязанностью всех граждан. «В сталинской империи место универсального субъекта захватил строитель «социализма в одной отдельно взятой стране», человек этатический (с. 19). Огосударствленная культура не допускала никакого договора или обмена, никаких прав индивида или обязанностей государства, требуя от рядового человека исключительной самоотверженности.

Можно ли назвать комплекс черт политической культуры общества и отдельного индивида сталинской эпохи, составляющий коммунистическую сознательность, советским типом гражданственности? Нельзя, поскольку термин «гражданственность» не употреблялся в официальном дискурсе того времени в силу сохраняющейся памяти об его употреблении русскими либералами и демократами дореволюционной эпохи, которые акцентировали в нем значение активного политического участия гражданина. Можно, если оценивать коммунистическую сознательность с точки зрения формальной структуры политической культуры. Нужно лишь понимать, что это идеологизированная, риторическая, военно-патриотическая, пассивная гражданственность, в ней реализован партийно-государственный заказ на лояльного власти советского гражданина, статус которого не предполагает реализацию гражданских и политических прав. Такая гражданственность тождественна подданническому сознанию и поведению.

Список литературы

1. Баранов, А.В. (2017). Термидор в системе общественных ожиданий нэповского общества (по материалам информационных обзоров ОГПУ). В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 617–624). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
2. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности:*

Трактат по социологии знания. М.: Медиум.

3. Булдаков, В.П. (2012). *Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг.* М.: РОССПЭН.

4. Гудков, Л. Д. (2004). *Негативная идентичность.* М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ-А.

5. Гюнтер, Х. (2000а). Архетипы советской культуры. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 743–984). СПб.: Академический проект.

6. Гюнтер, Х. (2000б). Жизненные фазы соцреалистического канона. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 281–288). СПб.: Академический проект.

7. Добренко, Е. (1999). *Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры.* СПб.: Академический проект.

8. Добренко, Е. (2000). Литературная критика: Поздний сталинизм. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 390–433). СПб.: Академический проект.

9. Ершова, Г.Г. (2017). Культурная революция как механизм трансформации общества. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 381–388). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

10. Жолковский, А.К. (1994). *Блуждающие сны и другие работы.* М.: Наука; Восточная литература.

11. Журавлев, С.В., Мухин, М.Ю. (2004). «Крепость социализма»: *Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг.* М.: РОССПЭН.

12. Ильющенко, Н.С. (2017). Конструирование «советского человека» средствами педагогической технологии. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 453–460). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

13. Калинин, И. (2012). Угнетенные должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920 – начало 1930-х годов. В А. Эткин, Д. Уффельман, И. Кукулин (Ред.), *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России* (с. 587–663). М.: Новое литературное обозрение.

14. Карлтон, Г. (2000). На похоронах живых: теория «живого человека» и формирование героя в раннем соцреализме. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 339–351). СПб.: Академический проект.

15. Кларк, К. (2000). Положительный герой как вербальная икона. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 569–584). СПб.: Академический проект.

16. Козлова, Н.Н. (1996). *Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора.* М.: Институт философии РАН.

17. Колеров, М.А. (2017). *Сталин: от Фихте к Берия: Очерки по истории языка сталинского коммунизма.* М.: Модест Колеров.

18. Круглова, Т.А. (2005). *Советская художественность, или Нескромное*

обаяние соцреализма. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета.

19. Кур-Королев, К. (2011). Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке. В *История сталинизма: итоги и проблемы изучения: Материалы международной научной конференции (5–7 декабря 2008 г., Москва)* (с. 372–377). М.: РОССПЭН.

20. Ланца, Д. (2017). От человека имперского до человека советского: долгий путь антропологической науки в России XX века в поиске новой национальной идентичности. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 669–675). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

21. Левада, Ю.А. (Ред.). (1993). *Советский простой человек*. М.: Мировой океан.

22. Нарский, И.В. (2001). *Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг.* М.: РОССПЭН.

23. Никандров, А.В. (2020). Сталин и языкознание: политический смысл лингвистической дискуссии 1950 года. *История. Научное обозрение OSTKRAFT*, (2–3), 91–178.

24. Осокина, Е.А. (1999). *За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941*. М.: РОССПЭН.

25. Подорога, В. (2010). Номо ех machina. Авангард и его машины. Эстетика новой формы. *Логос*, (1), 22–50.

26. Полякова, И.В. (2017). Психологические механизмы социального конструирования. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 688–692). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

27. Поршнева, О.С. (2017). Новый человек как компонент революционного советского проекта: ключевые проблемы изучения в современной историографии. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 6–19). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

28. Прохоров, А.П. (2013). *Русская модель управления*. М.: Издательство Студии Артемия Лебедева.

29. Садовский, Я. (2017). Сталинизм как следствие гибели утопии. В Л.Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 389–399). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

30. Синявский, А.Д. (2002). *Основы советской цивилизации*. М.: Аграф.

31. Скоробогачкий, В.В. (2014). *Безвременье и время философии*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

32. Скоробогачкий, В.В. (2021). *Советское: генезис, расцвет, пути его трансформации в посткоммунистическую эпоху*. Екатеринбург-СПб.: Алетейя.

33. Смирнов, И. (2000). Соцреализм: антропологическое измерение. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 16–31). СПб.: Академический проект.

34. Фан, И.Б. (2011). Апатия вместо жажды. Свобода и справедливость в жизни российского гражданина. *Научный ежегодник Института философии*

и права УрО РАН, (11), 270–283.

35. Фан, И.Б. (2013). Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 13(1), 67–82.

36. Хоскинг, Д. (2012). *Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение.

37. Эткинд, А. (2014). *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. М.: Новое литературное обозрение.

38. Яров, С.В. (2014). *Человек перед лицом власти. 1917–1920-е годы*. М.: РОССПЭН.

References

1. Baranov, A. V. (2017). Termidor v sisteme obshchestvennykh ozhidaniy nepovskogo obshchestva (po materialam informatsionnykh obzorov OGPU) [Thermidor in the system of public expectations of the NEP society]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* (pp. 617–624). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

2. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium.

3. Buldakov, V. P. (2012). *Utopiya, agressiya, vlast'. Psikhosotsial'naya dinamika postrevoliutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of the post-revolutionary time. Russia, 1920–1930]. Moscow: ROSSPEN.

4. Clark, K. (2000). Polozhitel'nyy geroj kak verbal'naya ikona [Positive hero as a verbal icon]. In H. Giunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 569–584). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.

5. Dobrenko, E. (1999). *Formovka sovetskogo pisatelya. Social'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury* [The making of the Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.

6. Dobrenko, E. (2000). Literaturnaya kritika: Pozdnyy stalinizm [Literary Criticism: Late Stalinism]. In H. Giunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 390–433). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.

7. Ershova, G. G. (2017). Kul'turnaya revoliutsiya kak mekhanizm transformatsii obshchestva [Cultural revolution as a mechanism for the transformation of society]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* (pp. 381–388). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

8. Etkind, A. (2014). *Vnutrenniaya kolonizatsiya. Imperiskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Russia's imperial experience]. Moscow: Noye literaturnoye obozreniye.

9. Fan, I. B. (2011). Apatiya vmesto zhazhdy. Svoboda i spravedlivost' v zhizni rossiyskogo grazhdanina [Apathy instead of thirst. Freedom and justice in the life of a Russian citizen]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, (11), pp. 270–283.

10. Fan, I.B. (2013). Politicheskoe uchastie v Rossii: iskluchenie “pod prikrityem” vklucheniia [Political participation in Russia: Exclusion “under cover” of inclusion]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 13(1), 67–82.
11. Gudkov, L.D. (2004). *Negativnaia identichnost’* [Negative identity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; VTsIOM-A.
12. Gunter, H. (2000a). Arkhetipy sovetsoj kul’tury [Archetypes of Soviet culture]. In H. Gunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 743–984). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.
13. Gunter, H. (2000b). Zhiznennye fazy sotsrealisticheskogo kanona [Life phases of the socialist realist canon]. In H. Gunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 281–288). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.
14. Hosking, G. (2012). *Praviteli i zhertvy. Russkie v Sovetskom Soiuze* [Rulers and victims. The Russians in the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Ilyushenko, N.S. (2017). Konstruirovanie “sovetskogo cheloveka” sredstvami pedagogicheskoi tekhnologii [Construction of the “Soviet man” by means of pedagogical technology]. In L.N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei mify i programmy sotsial’nykh preobrazovanij* (pp. 453–460). Ekaterinburg: Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta.
16. Kalinin, I. (2012). Ugnennyye dolzhny govorit’: massovyj prizyv v literaturu i formirovanie sovetskogo sub”ekta, 1920 – nachalo 1930-kh godov [The oppressed must speak: The mass appeal to literature and the formation of the soviet subject, 1920s – early 1930s]. In A. Etkind, D. Uffelmann, & I. Kukulin (Eds.), *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizatsii v kul’turnoj istorii Rossii* (pp. 587–663). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Karlton, G. (2000). Na pokhoronakh zhivyykh: teoriia “zhivogo cheloveka” i formirovanie geroia v rannem sotsrealizme [At the funeral of the living: The theory of the “living person” and the formation of the hero in early socialist realism]. In H. Gunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 339–351). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.
18. Kolerov, M.A. (2017). *Stalin: ot Fikhte k Beriia: Ocherki po istorii iazyka stalinskogo kommunizma* [Stalin: From Fichte to Beria: Essays on the history of the language of Stalinist Communism]. Moscow: Modest Kolerov.
19. Kozlova, N.N. (1996). *Gorizonty povsednevnosti sovetskoi e’poxi: Golosa iz xora* [Horizons of everyday life of the Soviet era: Voices from the choir]. Moscow: Institut filosofii RAN.
20. Kruglova, T.A. (2005). *Sovetskaia khudozhestvennost’, ili Neskromnoe obaianie sotsrealizma* [The Soviet artistry, or the indiscreet charm of Socialist realism]. Ekaterinburg: Izdatel’stvo Gumanitarnogo universiteta.
21. Kuhr-Korolev, C. (2011). Novyj chelovek, ili sotsial’naia inzheneriia pri stalinizme: nekrolog po mechtam o novom cheloveke [The new man, or Social engineering under Stalinism]. In *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izucheniia* (pp. 372–377). Moscow: ROSSPEN.
22. Lantsa, D. (2017). Ot cheloveka imperskogo do cheloveka sovetskogo: dolgij put’ antropologicheskoi nauki v Rossii XX veka v poiske novoi natsional’noj identichnosti [From the imperial man to the soviet man: The long way of anthropological science in Russia of the 20th century in search of a new national identity]. In L.N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei mify*

i programmy sotsial'nykh preobrazovanij (pp. 669–675). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

23. Levada, Yu. A. (Ed.). (1993). *Sovetskij prostoj chelovek* [Soviet common man]. Moscow: Mirovoj okean.

24. Narskij, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN.

25. Nikandrov, A. V. (2020). Stalin i iazykoznanie: politicheskij smysl lingvisticheskoy diskussii 1950 goda [Stalin and linguistics: The political meaning of the 1950 linguistic debate]. *Istoriia. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT*, (2–3), 91–178.

26. Osokina, E. A. (1999). *Za fasadom “stalinskogo izobilija”*: *Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and the market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN.

27. Podoroga, V. (2010). Homo ex machina. Avangard i ego mashiny. Estetika novoi formy [Homo ex machina. Vanguard and its machines]. *Logos*, (1), 22–50.

28. Poliakova, I. V. (2017). Psikhologicheskie mekhanizmy sotsial'nogo konstruirovaniia [Psychological mechanisms of social construction]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei mify i programmy sotsial'nykh preobrazovanij* (pp. 688–692). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

29. Porshneva, O. S. (2017). Novyi chelovek kak komponent revoliutsionnogo sovetskogo proekta: kliuchevye problemy izuchenii v sovremennoj istoriografii [The new person in the revolutionary Soviet project: Key problems of modern historiography]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei mify i programmy sotsial'nykh preobrazovanij* (pp. 6–19). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

30. Prokhorov, A. P. (2013). *Russkaya model' upravleniya* [Russian management model]. Moscow: Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva.

31. Sadowski, Ja. (2017). Stalinizm kak sledstvie gibeli utopii [Collapse of the utopia as a cause of Stalinism]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei mify i programmy sotsial'nykh preobrazovanij* (pp. 389–399). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

32. Sinyavskij, A. D. (2002). *Osnovy sovetskoj civilizacii* [Foundations of Soviet civilization]. Moscow: Agraf.

33. Skorobogackij, V. V. (2014). *Bezvremen'e i vremya filosofii* [Timelessness and the time of philosophy]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

34. Skorobogackij, V. V. (2021). *Sovetskoe: genesis, rascvet, puti ego transformacii v postkommunisticheskuyu e'poxu* [The Soviet: genesis, blossoming, ways of its transformation in the post-Communist era]. Ekaterinburg & Saint Petersburg: Aleteja.

35. Smirnov, I. (2000). Sotsrealizm: antropologicheskoe izmerenie [Socialist realism: Anthropological dimension]. In H. Gunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskij kanon* (pp. 16–31). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.

36. Yarov, S. V. (2014). *Chelovek pered litsom vlasti. 1917–1920-e gody* [Man in the face of power. 1917–1920s]. Moscow: ROSSPEN.

37. Zholkovskij, A. K. (1994). *Bluzhdayushhie sny i drugie raboty* [Wandering dreams and other works]. Moscow: Nauka & Vostochnaya literatura.

38. Zhuravlev, S. V., & Mukhin, M. Yu. (2004). “*Krepost’ socializma*”: *Povsednevnost’ i motivaciya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg.* [“Fortress of Socialism”: Everyday life and labor motivation in a Soviet enterprise, 1928–1938.] Moscow: ROSSPEN.

Информация об авторе

Ирина Борисовна Фан, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1816-9245>, e-mail: Irina-fan@yandex.ru

Information about the author

Irina Borisovna Fan, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1816-9245>, e-mail: Irina-fan@yandex.ru

УДК 327.8+32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_48

«ОСТРАЯ СИЛА»: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Александр Олегович Наумов,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
naumovao@my.msu.ru

Марина Владимировна Белоусова,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
belousova@spa.msu.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Наумов А.О., Белоусова М.В. «Острая сила»: критический анализ в современном научном дискурсе // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 48–65. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48

Аннотация

Целью статьи является критический анализ концепции «острой силы», разработанной К. Уокером и Дж. Людвиг, сотрудниками Национального фонда в поддержку демократии. Исследователи понимают под «острой силой» все формы внешнеполитического влияния нелиберальных режимов и фактически отрицают их способность применять технологии «мягкой силы». Поскольку данный тезис приобретает особую актуальность ввиду эскалации противостояния коллективного Запада и стран, которые принято относить к нелиберальным демократиям или авторитарным режимам,

© Наумов А.О., Белоусова М.В., 2022

авторы статьи предпринимают попытку осмыслить понятие «острая сила» через призму критики трудов зарубежных и отечественных ученых, посвященных как полемике с К. Уокером и Дж. Людвиг, так и разработке альтернативных толкований концепта. Дж. Най, родоначальник понятий «мягкая» и «умная» сила, утверждает, что «острая сила» есть не что иное, как новый термин для описания одной из сторон «жесткой силы». В то же время многие западные исследователи рассматривают «острую силу» как независимый от «мягкой силы» феномен. Российские исследователи выходят за пределы западного мейнстрима и указывают не только на гибридный характер понятия, но и на его конъюнктурное толкование. Авторы статьи приходят к выводу, что применение технологий «острой силы» – это не неотъемлемое свойство деятельности нелиберальных стран, а универсальное явление, которое служит для описания деструктивных практик с применением ресурсов «мягкой силы». Для выделения рассматриваемого понятия в самостоятельную аналитическую рамку необходимо отказаться от его политизации.

Ключевые слова:

«острая сила», «мягкая сила», нелиберальные режимы, информационные войны, либеральный консенсус, бинарные оппозиции.

UDC 327.8+32.019.51

DOI 10.17506/18179568_2022_19_4_48

SHARP POWER: CRITICAL ANALYSIS IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

Aleksandr O. Naumov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
naumovao@my.msu.ru

Marina V. Belousova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
belousova@spa.msu.ru

Article received on July 5, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Naumov, O.A., Belousova, M.V. (2022). Sharp Power: Critical Analysis in Modern Scientific Discourse. *Discourse-P*, 19(4), 48–65. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48

Abstract

The purpose of the article is a critical analysis of the sharp power concept developed by Ch. Walker and J. Ludwig, the staff of the National Endowment for Democracy. The researchers comprehend sharp power as all the forms of foreign policy influence of illiberal regimes and actually deny their ability to use soft power technologies. Since this thesis is becoming particularly relevant due to the escalating confrontation between the collective West and countries that are commonly referred to as illiberal democracies or authoritarian regimes, the authors of the article attempt to conceptualize sharp power through critical analysis of works of foreign and domestic scientists devoted to both the polemic with Ch. Walker and J. Ludwig, and the development of an alternative interpretation of the sharp power concept. J. Nye, the father of the soft and smart power concepts, argues that sharp power is nothing but a new term to describe one of the aspects of hard power. At the same time, numerous Western researchers consider sharp power as a phenomenon independent of the soft power concept. Russian researchers go beyond the Western mainstream and point not only to the hybrid nature of this concept but also to its opportunistic interpretation. The authors of the article conclude that the application of sharp power technologies is not an inherent property of the activities of illiberal countries, but a universal phenomenon that serves to describe destructive practices using soft power resources. It is necessary to abandon the politicization of the sharp power concept so that it can be applied as an independent analytical framework.

Keywords:

sharp power, soft power, illiberal regimes, cyber wars, liberal consensus, binary oppositions.

Введение

Текущий переход от однополярного к многополярному миру оказывает разрушительное воздействие на продвигаемый коллективным Западом уже не одно десятилетие либеральный консенсус, под которым понимается наличие связи между либеральной демократией, свободным рынком и экономическим ростом. Вместе с этим мейнстримный дискурс, используемый для противопоставления западного общественного уклада как идеала политического устройства незападным обществам, описываемым в категориях отсталости и дефектных форм демократии, теряет свою актуальность. Как справедливо заметил В. С. Мартьянов, «...риторику недостойного правления можно с легкостью обратить против любого западного общества, чья актуальная повседневность весьма условно соответствует либерально-демократическим идеалам... Мейнстрим теряет убедительность, которая была основана на символе веры в универсальный рынок, либерализм и демократию, воплощенные в самой онтологии западных обществ» (Мартьянов, 2021, с. 118–119).

Очевидно, что в условиях экономической стагнации и вызванных ею структурных конфликтов данный мейнстрим не может обеспечивать ценностно-идеологическую легитимацию коллективных интересов Запада.

В связи с этим возникает необходимость использования вспомогательных метафор, которые выполняют роль надстройки над базовыми компонентами либерального консенсуса с целью сохранения его ключевых идеологических смыслов. Концепт «мягкой силы», а впоследствии «умной» и «острой» силы, является наглядным примером попытки сгладить в культурной плоскости снижение военно-экономического влияния западных гегемонов, таких как США и ЕС, в сравнении с незападными центрами силы – Китаем, Индией, Россией и т. д. (Мартьянов, Руденко, 2022, с. 39).

Цель данной статьи – критическое осмысление понятия «острая сила», которое было относительно недавно введено в научный оборот К. Уокером и Дж. Людвиг, сотрудниками Национального фонда в поддержку демократии. Как иностранные, так и отечественные исследователи по-разному оценили возможность формирования новой аналитической рамки, поставив под вопрос не только новизну концепта, но и его научную объективность. В этой связи основным объектом нашего исследования является интерпретация понятия «острой силы» в основополагающих работах К. Уокера и Дж. Людвиг, в отзывах на них автора концепции «мягкой» и «умной» силы Дж. Ная, в трудах ряда зарубежных и российских ученых. Гипотеза заключается в том, что многообразие толкования термина «острая сила» связано с его чрезмерной политической окрашенностью и поиском со стороны представителей западного дискурса новых форм интеллектуального противостояния с нелиберальными системами ценностей.

Результаты исследования

Как известно, термин «мягкая сила» ввел в научный оборот в 1990 г. американский политолог Дж. Най-младший. В российской научной мысли изучению этого термина посвящено большое количество статей и монографий (Борисова и др., 2015; Русакова и др., 2015; Наумов, 2016; Неймарк, 2018; Паршин, 2020). В классическом труде «Мягкая сила»: средства достижения успеха в мировой политике» Дж. Най определял «мягкую силу» как возможность достигать целей на международной арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов, как способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек (Nye, 2004, p. x). Противопоставляя «жесткую силу», под которой понималась в первую очередь военная и экономическая сила, «мягкой силе», Дж. Най утверждал, что грамотное применение последней подобно долгосрочным политическим инвестициям, доход от которых политики получают в будущем, подчеркивая, что желаемые результаты могут проявляться в формировании массового влияния на мнение зарубежных аудиторий, а не в точечном эффекте, как в случае с «жесткой силой» (Nye, 2007b, p. 396).

В 2008 г. по результатам заседания рабочей группы американского Центра стратегических и международных исследований во главе с самим Дж. Наем и Р. Армитаджем, заместителем госсекретаря США в 2001–2005 гг., было представлено понятие «умной силы», сочетавшей в себе технологии как «мягкой», так и «жесткой» силы¹. Необходимость разработки нового подхода была вызвана

¹ CSIS Commission on smart power. *A smarter, more secure America* (2007). Retrieved

стремлением руководства Соединенных Штатов гарантировать как отдельным лицам, так и целым странам доступ к объектам и ценностным подходам, которые имеют, по мнению Вашингтона, универсальный характер, но не могут быть получены без лидерства США (Nye, 2008, p. 7). «Мягкая сила» не есть решение всех проблем», – писал Дж. Най, и добавлял, что «умная сила» – это не просто «мягкая сила 2.0», речь идет о способности соединять их в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах (Nye, 2011, p. xv).

В связи с постепенной утратой странами коллективного Запада роли лидера в военной и экономической отраслях в последние годы с его стороны предпринимались многочисленные попытки сохранить первенство в идеологическом пространстве. В 2017 г. в общественно-политическом дискурсе появился термин «острая сила». Разработчиками новой концепции выступили К. Уокер и Дж. Людвиг, сотрудники американского Национального фонда в поддержку демократии. В статье «Значение «острой силы». Как авторитарные государства формируют свое влияние» (Walker & Ludwig, 2017), вышедшей в журнале *Foreign Affairs*, они утверждали, что говорить о наличии «мягкой силы» у государств, не принадлежащих к клубу демократических стран, не только неправомерно, но и опасно для тех демократий, в которых авторитарные режимы стремятся продвинуть свою систему норм и ценностей, прибегая при этом к инструментам «мягкой силы». Объектом исследования стали внешнеполитические практики Российской Федерации и Китайской Народной Республики, в то время как в коллективном докладе «Острая сила»: растущее влияние авторитаризма², выпущенном в декабре 2017 г. тем же Национальным фондом в поддержку демократии и Международным форумом демократических исследований, изучался характер влияния этих двух стран на демократические системы в ряде государств Восточной Европы и Латинской Америки. Во введении к докладу К. Уокер и Дж. Людвиг выдвинули тезис, что Россию и Китай объединяет характер распространения влияния, поскольку «некоторые из их методов, хотя и не являются жесткими в откровенно принудительном смысле, на самом деле также не являются мягкими»³.

Авторитарные инициативы имеют, по мнению американских политологов, поистине глобальный масштаб и покрывают многочисленные сферы общественной жизни в демократических странах на всех континентах. По этой причине исследователи настаивают, что практики агентов авторитарных режимов, направленные на получение одобрения зарубежной аудитории, неуместно называть «мягкой силой», несмотря на внешнее сходство с ее ресурсами, инструментами и технологиями, т. к. они являются именно «острой силой». Как отмечают К. Уокер и Дж. Людвиг, внешнеполитическая деятельность не-

May 15, 2022, from https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/071106_csissmartpowerreport.pdf

² *Sharp power: Rising authoritarian influence* (2017, December 5). Retrieved May 15, 2022, from <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/>

³ Walker Ch., & Ludwig J. (2017, December 5). From “soft power” to “sharp power”: Rising authoritarian influence in the democratic world. In *Sharp power: Rising authoritarian influence*. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/>

демократических государств по формированию привлекательного образа не является стремлением «поделиться альтернативными идеями» или «расширить дискуссию», как позиционируют свою активность российские и китайские государственные информационные агентства, поскольку речь в данном случае идет не о привлечении или убеждении, о чем писал Дж. Най, а об отвлечении внимания и разного рода манипуляциях (Walker & Ludwig, 2017).

Как отмечалось в указанной выше статье, подобное воздействие со стороны России и Китая осуществляется в первую очередь в жизненно важных сферах, которые имеют решающее значение для формирования общественного мнения, причем это делается усилиями целого ряда акторов, включая средства массовой информации, академические круги, институты культуры, аналитические центры и политические сообщества. К. Уокер и Дж. Людвиг утверждают, что только за последнее десятилетие Китай потратил десятки миллиардов долларов на программы, целью которых является формирование положительного общественного мнения о КНР в ряде стран, используя разнообразный инструментарий, включающий многочисленные двусторонние и многосторонние обмены, масштабные культурные мероприятия и образовательные программы, развитие медиапредприятий с глобальным охватом. В поле особого внимания экспертов Национального фонда в поддержку демократии оказалась сеть Институтов Конфуция, которые «претендуют на то, чтобы быть похожим на Институт Гете и «Альянс Франсез». При этом представительства Института Конфуция координируются Ханьбань (подчиненной Министерству образования КНР Канцелярией Международного совета китайского языка. – А. Н., М. Б.), его правительственной штаб-квартирой» (Walker & Ludwig, 2017).

Примерно в этот же период, по утверждению разработчиков концепции «острой силы», российское правительство приняло многочисленные меры, направленные на расширение своего присутствия среди зарубежной аудитории. В середине 2000-х гг. Кремль запустил глобальную телевизионную сеть *Russia Today*, переименованную позже в RT, а также нарастил возможности по манипулированию контентом в Интернете, усилил поддержку государственных политических институтов и в целом сформировал сеть многочисленных программ и мероприятий, направленных на изменение мнения зарубежной общественности в свою пользу (Walker & Ludwig, 2017).

Более четкое представление о намерениях российского и китайского режимов, по убеждению К. Уокера и Дж. Людвиг, можно получить из их внутривластной и медийной повестки. «Пекин и Москва методично подавляли подлинное инакомыслие, запугивали или заставляли замолчать политических оппонентов, наводняли общественную информационную повестку пропагандистским контентом и умело включали в эту систему независимые голоса и институты, при этом стремясь сохранить обманчивую видимость плюрализма, открытости и современности», – пишут американские политологи. Исходя из анализа подобных стратегий и технологий, они дают определение «острой силе», называя ее «формами влияния авторитарных государств, которые проникают в политическую и информационную среду целевых стран, пронзают ее или оставляют в ней брешу... «Острая сила» позволяет авторитарным режимам врезаться в ткань общества, разжигая и усиливая существующие разногласия» (Walker & Ludwig, 2017). Таким образом, «острая сила» отли-

чается от «мягкой» в первую очередь тем, что она основана на принуждении к принятию определенных нарративов. Субъекты, прибегающие к внедрению элементов «острой силы», не стремятся «завоевать умы и сердца», что лежит в основе концепции «мягкой силы», а пытаются манипулировать целевыми аудиториями, искажая информацию, которая доходит до них⁴.

Вместе с тем «острая сила» не является, по мнению экспертов Национального фонда в поддержку демократии, и «жесткой силой», поскольку в отличие от видимых результатов применения «жесткосиловых» инструментов технологии «острой силы» имеют элементы скрытности, за счет чего деструктивную деятельность авторитарных режимов бывает трудно обнаружить и доказать в ней наличие силовых подходов. Это дает актерам, прибегающим к «острой силе», преимущество во времени, которое используется для распространения притягательных образов для непривлекательных ценностей авторитарных систем: монополии на власть, контроля «сверху вниз», цензуры и принудительной или полученной в обмен на финансовые блага преданности⁵.

К. Уокер и Дж. Людвиг признают, что применение «острой силы» на первый взгляд соответствует проекции «мягкосилового» влияния, с той разницей, что оно исходит от авторитарных режимов, и по этой причине представляется затруднительным отличить силу принуждения от силы, с помощью которой формируются привлекательные образы (Walker & Ludwig, 2017). По сути, авторы термина «острая сила» применяют его по отношению фактически ко всем практикам внешнеполитической деятельности стран, которые коллективным Западом принято считать авторитарными. Американские эксперты подчеркивают, что даже в тех случаях, когда речь идет о продвижении элементов культуры недемократических государств, эти действия политически мотивированы, поэтому относятся к технологиям «острой силы». Более того, они настаивают на том, что авторитарные режимы в принципе не могут иметь ресурсы «мягкой силы», а вся концепция «мягкосилового» влияния на международной арене требует обновления.

Введение нового понятия в научный дискурс привлекло внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. На сегодняшний день сформировался внушительный пласт научных трудов, посвященных рассмотрению концепта «острой силы» в различных ракурсах (см., например, Волкова и др., 2020; Кузнецов, 2021; Лазоркина, 2019; Леонова, 2019; Табаринцева-Романова, 2021; Fulda, 2020; Messa, 2019; Short, 2018).

Отреагировал на появление термина и Дж. Най, обозначив его как «новое понятие для описания старой угрозы» (Nye, 2018). Он упомянул, что «острая сила», которая подразумевает обманное использование информации во враждебных целях, является разновидностью «жесткой силы» с многолетней историей. В частности, к таким методам прибегали Соединенные Штаты и Советский Союз во времена холодной войны. Новым, по мнению автора, является скорость, с которой может распространяться такая дезинформация, а также низкая стоимость ее распространения. Таким образом, проекция «острой силы» на те же самые аудитории, которые являются реципиентами об-

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

разов «мягкой силы» демократических стран, представляет собой негативную сторону роста коммуникационных технологий и связанных с ними процессов глобализации, о роли которых в применении инструментов «мягкой силы» Дж. Най писал ранее (Nye, 2002, pp. 60–76). По его мнению, основной ошибкой со стороны ведущих демократий относительно применения технологий «острой силы» авторитарными режимами может стать реакция, направленная на сдерживание деятельности этих стран, в частности, России и Китая, вне зависимости от характера этой деятельности.

Во-первых, подражание методам противников подорвет «мягкую силу» открытости общества, которая является одним из основных ресурсов формирования привлекательного образа западных стран. Поскольку основной ресурс формирования «мягкосиловых» инструментов берет истоки в большей степени в гражданском обществе, чем в рамках реализации официальных программ публичной дипломатии, наложение жестких ограничений или прекращение открытости приведет к растрате этого важнейшего актива. По мнению ученого, авторитарные страны испытывают трудности с формированием притягательного образа своих стран за рубежом именно из-за их нежелания раскрыть колоссальный потенциал своих гражданских обществ (Nye, 2020, p. 124).

Во-вторых, Дж. Най, в отличие от К. Уокера и Дж. Людвиг, признает за авторитарными государствами компетенции в области технологий применения «мягкой силы», заявляя, что хотя «острая» и «мягкая» сила работают совершенно по-разному, различие между ними бывает трудно установить – и это часть того, что затрудняет реагирование на «острую силу». Исследователь утверждает, что любые действия, направленные на убеждение реципиента, могут быть осуществлены по-разному в зависимости от того, как преподнести информацию. Только в том случае, когда подача происходит в формате, предполагающем обман, который ограничивает добровольный выбор реципиента, убеждение превращается в принуждение. Именно эти характеристики – с одной стороны, гарантия открытости, с другой стороны, наложение ограничений на преднамеренный обман – отличают «мягкую силу» от «острой» (Nye, 2018).

В-третьих, по мнению Дж. Ная, дисквалификация применения легальных китайских и российских инструментов «мягкой силы» может быть контрпродуктивной, поскольку они играют значительную роль для формирования конструктивной повестки в ряде областей. Например, программы обмена между США и КНР, которые повышают их обоюдную привлекательность, полезны для обеих стран. Также в рамках поиска решений для транснациональных проблем, таких как изменение климата, киберпреступность или борьба с пандемией, «мягкая сила» может помочь укрепить доверие и сформировать сети, которые облегчают взаимодействие (Nye, 2018).

Дж. Най констатирует, что западные демократии еще не разработали адекватные стратегии противодействия технологиям «острой силы». По мнению ученого, открытость остается лучшей защитой: столкнувшись с элементами подобных техник влияния, представители медийного пространства, ученые, общественные организации, правительство и частный сектор должны сосредоточиться на разоблачении методов информационной войны, воздействуя на общественность путем распространения информации о подобной деятельности. «Даже при растущем применении инструментов «острой силы» им (де-

мократическим странам. – А. Н., М. В.) нечего бояться в открытой конкуренции с автократиями за успешное использование технологий «мягкой силы» (Нуе, 2018).

Интересно, что ряд иностранных авторов, анализируя концепцию «острой силы», наполняют понятие смыслами, значительно отличающимися от содержания, которое вкладывали в него К. Уокер и Дж. Людвиг, несмотря на то, что продолжают соотносить его исключительно с нелиберальными политическими системами. К примеру, британский исследователь А. Фульда в монографии «Борьба за демократию в материковом Китае, Тайване и Гонконге. «Острая сила» и ее несоответствия» определяет подход к применению «острой силы» Коммунистической партии Китая (КПК) как «масштабирование метода Единого фронта, концептуализация политического процесса как игры с нулевой суммой и мировоззрение, которое делит реальность на друзей и врагов» (Fulda, 2020, p. 212). Применяя принцип историзма, автор сравнивает и противопоставляет политическую траекторию развития материкового Китая, Тайваня и Гонконга с 1970-х гг. до наших дней. Одним из центральных тезисов книги является заявление, что КПК эффективно применила тактику «острой силы» для сдерживания политической оппозиции в материковом Китае, в то время как ее попытки повлиять на политическое развитие на Тайване и в Гонконге были значительно менее успешными; более того, их граждане «за последние два десятилетия... сформировали надежную оборону в виде демократических ценностей и практик» (Fulda, 2020, p. 2). Очевидно, что в данном случае термин «острая сила» используется для характеристики отдельных аспектов политико-исторического процесса, который не имеет прямого отношения к дихотомии «мягкой» и «острой» силы, которая лежит в основе подхода К. Уокера и Дж. Людвиг.

С. Шорт в своей работе «Острая сила» пишет: метод КНР для обеспечения легитимности ее политики невмешательства также прибегает к концепту «острой силы» для изучения того, как отдельные подразделения КПК, ответственные за воздействие на нарративы за рубежом, используют новые методы влияния. При этом автор утверждает, что «острой силой» в данном случае выступают технологии, которые направлены на сохранение политики невмешательства КНР во внутренние дела суверенных стран при одновременном укреплении собственного влияния в мире. В работе на примере кейсов Австралии и Аргентины описывается, как КПК использует методы «острой силы» в этих странах. Как и А. Фульда, С. Шорт отходит от первоначального предметно-понятийного содержания термина и утверждает, что основной причиной разработки инструментов «острой силы» является стремление КНР расширить свое влияние в мире, сохраняя преемственность в политике невмешательства⁶.

Таким образом, в зарубежном дискурсе становится очевидным ряд противоречий относительно того, что представляет собой «острая сила», как этот

⁶ Short, S. (2018, May 4). *Sharp power: China's solution to maintaining the legitimacy of its non-interference policy*. Retrieved May 15, 2022, from <https://iro.uiowa.edu/esploro/outputs/undergraduate/Sharp-Power-Chinas-Solution-to-Maintaining/9984111232602771#details>

термин соотносится с понятиями «жесткой» и «мягкой» силы, а также в каких случаях можно говорить о технологиях применения «острой силы», сохраняя при этом научную объективность. Тем не менее, несмотря на несоответствия и нестыковки, иностранные исследователи в большинстве трудов по этой теме настаивают на том, что феномен «острой силы» проявляется исключительно в тех случаях, когда ее технологии используют для продвижения интересов и ценностей тех стран, которые на Западе принято относить к авторитарным.

Среди отечественных исследователей, анализирующих концепт «острой силы», также нет единого мнения относительно того, каким содержанием его наполнять. К. М. Табаринцева-Романова, проведя в своей работе «Новые S-мощи государства: теоретический аспект» сравнительный анализ «мягкой», «жесткой», «умной», «острой» силы, а также других видов внешнеполитической деятельности, например, таких как «нормативная» и «идеологическая» сила, приходит к выводу, что реальное разделение существует между «жесткой» и «мягкой» силой, все остальные виды, включая «острую силу», представляют собой их гибридные формы (Табаринцева-Романова, 2021, с. 77). О. И. Лазоркина в публикации «Sharp power» или авторитаризм в действии» критикует концепцию К. Уокера и Дж. Людвиг, поскольку в ее основе лежат «эмоции, которые подпитываются фактами», а «оценки, представленные в докладе, несут крайне субъективный характер» (Лазоркина, 2019, с. 30). Исследователь призывает критически подходить к новой терминологии, поскольку она направлена скорее на закрепление обострившегося в последние годы идеологического и информационного противостояния стран либерального лагеря и остального мира.

Схожую аргументацию приводят авторы публикации «Концепт «острой силы» в исследованиях внешнеполитических стратегий», указывая на негативные последствия попытки разграничения «мягкой» и «острой» силы. По их мнению, реализация такого подхода на практике сопряжена с разделением поступающей в общественное пространство информации в соответствии с ее источником. Согласно концепту «острой силы», позиция стран с нелиберальными формами правления должна восприниматься как заведомо искаженная, поскольку формирование объективной точки зрения в условиях государственной монополии на информационную повестку представляется априори невозможным. Очевидно, что введение термина «острая сила» действительно не расширяет аналитическую рамку для исследования внешнеполитической деятельности, зато создает новую разделительную линию, которая способствует обострению информационной войны (Волкова и др., 2020, с. 21).

Отдельный пласт отечественных исследований в области «острой силы», в рамках которого раскрывается ее суть как набора дискурсивных и коммуникативных практик, представлен в работах А. А. Романова и Л. А. Романовой. Как утверждают исследователи, технологии «острой силы» являются функциональным инструментарием реализации комплексной стратегии перформативного общественного мнения в стране-реципиенте. При этом основная цель использования подрывных механизмов в информационно-психологическом противостоянии сводится к формированию вербальных практик, максимально коррелирующих с болевыми точками объекта воздействия (Романов, 2020; Романов, Романова, 2020; Романов и др., 2020).

О. Г. Леонова в работе «Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире» рассматривает ряд исследований, в которых данный термин изучается с точки зрения применения информационных технологий в деструктивных целях. Автор также предлагает определение «острой силы» как совокупности «информационных операций влияния и методов информационного кибертерроризма» (Леонова, 2019, с. 22). В соответствии с направлением исследований западных коллег в этой области О. Г. Леонова анализирует «острую силу» Китая, России и Ирана, однако не задается вопросом, насколько правомерно говорить о технологиях применения «острой силы» западными странами.

В целом проблема изучения феномена «острой силы», на наш взгляд, сопряжена в первую очередь с политизацией термина «мягкая сила» в связи с попытками западных исследователей оправдать мейнстрим, страдающий от неспособности его носителей – либеральных демократий – обеспечить человечеству постоянный рост уровня жизни и возможностей. Противопоставление «мягкой» и «острой» силы по признаку либеральной/нелиберальной ориентированности субъекта является одним из проявлений конструирования «бинарных оппозиций, выстроенных в контрастных моральных категориях добра и зла, рая и ада, праведности и греха» (Мартьянов, Руденко, 2022, с. 31).

Очевидно, что логика мейнстрима коллективного Запада сводится к нормативной фиксации отклонений незападных стран от универсальных западных норм как патологии и несовершенства (Мартьянов, 2021, с. 125). На подобную неадекватность применения выработанного западными исследователями понятийно-категориального аппарата справедливо указывают В. Китинг и К. Качмарска, утверждая, что изучение «мягкой силы» в международных отношениях страдает от либерально-демократического смещения. В научной литературе либеральные концепции и ценности априори считаются универсальными по своей привлекательности. «Никакой другой набор ценностей не может быть концептуализирован как привлекательный; никакой другой набор ценностей не может распространиться за пределы узкой культурной среды. Эта некритическая вера в либерально-демократические ценности приводит к особому типу эмпирической слепоты: неспособности видеть нелиберальные политические ценности как потенциально привлекательные», – утверждают исследователи из Дании и Великобритании (Keating & Kaczmarek, 2019, p. 4).

Таким образом, в рамках превалирующего на Западе дискурса нелиберальные государства, такие как Китай и Россия, не могут генерировать инструменты «мягкой силы» без принятия либеральных норм, на основании которых правительства «проявляют самокритику и полностью раскрывают потенциал своего гражданского общества» (Nye, 2013). В лучшем случае продвижение ценностей, отличных от либеральных, преследует геополитические и прочие цели, но при этом не может соотноситься с «мягкосиловыми» стратегиями, поскольку исключительно ресурсы, берущие происхождение в странах с либерально-демократическими режимами, способствуют естественному развитию симпатий у реципиентов. К примеру, концепция Русского мира рассматривается рядом ученых как продвижение русского языка для легитимации цивилизационных амбиций России на постсоветском пространстве (Kudors, 2010) или для отчуждения бывших советских республик от Запада (Laruelle, 2015, pp. 17–19).

Если же отказаться от либерально-демократической парадигмы и допустить, что доверие у целевых аудиторий может вызывать не только формируемая западными странами повестка, то ситуация выглядит иначе. Нельзя не согласиться с В.С. Мартьяновым, что в глобальном мире вышеупомянутые бинарные оппозиции утратили свою убедительность и уступили место многообразию форм демократий и конфигурации рыночных отношений, когда «нелиберальная, авторитарная, заблокированная, фасадная, элитарная, ограниченная, электоральная, частичная, олигархическая демократия – тоже демократия» (Мартьянов, 2021, с. 123–124). Исходя из этого, можно утверждать, что «мягкая сила» незападных режимов – это не элемент информационной войны, пропаганды или генерации фейкового контента, а аутентичная «мягкая сила», соответствующая определению Дж. Ная, однако основанная на нелиберальных ценностях, таких, например, как политический консерватизм, примат государства, а не рынка, центральная роль политического лидера.

На наш взгляд, сложно найти аргументы, говорящие в пользу того, что продвижение подобных ценностей среди аудиторий, разделяющих их, равно как в тех странах-реципиентах, где они конкурируют с другими наборами ценностей и системами мировоззрений, является попыткой подорвать существующий общественный порядок. Безусловно, необходимо принимать во внимание, как, прибегая к каким средствам, субъекты распространяют соответствующие образы и убеждения, но в таком случае речь идет не об основополагающих источниках или содержательном наполнении ресурсов «мягкой силы», а о технологиях осуществления влияния на объект.

Мы допускаем, что термин «острая сила» можно определить как форму манипулирования общественным мнением с использованием ресурсов «мягкой силы» для дестабилизации социально-политической ситуации в зарубежных странах, и ресурсы «мягкой силы», такие как культура или политические ценности, могут служить основой для формирования стратегий и технологий «острой силы». К примеру, в том случае, когда подача информации происходит в формате, предполагающем обман или ее одностороннее освещение и ограничивающем тем самым добровольное принятие реципиентом решения, убеждение превращается в принуждение, а ресурсы «мягкой силы» используются в технологиях, которые Дж. Най охарактеризовал как «выкручивание мозгов» (Nye, 2007a, p. 170). Тем не менее, за исключением тех случаев, когда фальсификация информации или наложение запрета на критическую дискуссию доказуемы, отсутствие четкой границы между ситуациями, когда применяются технологии «мягкой» и «острой» силы, оставляет большое пространство для субъективной оценки. Исходя из этого, можно предположить, что термин «острая сила» действительно является политически окрашенной терминологической инновацией, изобретенной с целью формирования дискриминационного образа нелиберальной системы ценностей.

Заключение

Авторы термина «острая сила» К. Уокер и Дж. Людвиг применяют его по отношению фактически ко всем практикам внешнеполитической деятельности стран, которые принято относить к нелиберальным режимам, поскольку

эта деятельность является политически окрашенной и несет отпечаток политической системы, которая расценивается западным мейнстримом как дефектная или неполноценная. По этой причине страны, не разделяющие либеральный консенсус, не могут иметь ресурсов «мягкой силы», в связи с чем вся концепция «мягкосилового» влияния требует обновления.

Дж. Най представляет точку зрения, согласно которой нет необходимости переосмысливать концепцию «мягкой силы», потому что «острая сила», по сути, является разновидностью «жесткой силы». Политолог соотносит явления, приписываемые «острой силе», преимущественно с пропагандой и дезинформацией, применение которых сопоставимо с принудительными действиями по отношению к целевым аудиториям. Другими словами, К. Уокер и Дж. Людвиг постулируют, что «острая сила» является отдельной категорией, а не разновидностью «жесткой» или «мягкой» силы, в то время как Дж. Най видит в ней не что иное, как новый термин для описания одной из сторон «жесткой силы» – оказания принудительного воздействия через агрессивное продвижение информационной повестки, часть которой может быть искусственно сфабрикована и не соответствовать действительности.

В отечественной науке также нет единого мнения относительно того, что представляет собой «острая сила». Однако в отличие от западного научного дискурса российские исследователи выходят за пределы мейнстрима и указывают не только на гибридный характер понятия, но и на его конъюнктурное толкование, в соответствии с которым «острая сила» является таковой ситуативно, в зависимости от того, какой политический субъект выступает ее носителем.

Очевидно, что применение технологий «острой силы» представляет собой не неотъемлемое свойство деятельности нелиберальных стран, а универсальное явление, которое служит для описания деструктивных практик с применением ресурсов «мягкой силы». По этой причине определение К. Уокером и Дж. Людвиг «острой силы» как «формы влияния авторитарных государств с целью усиления существующих разногласий в странах-реципиентах» (Walker & Ludwig, 2017) нуждается, как минимум, в очень серьезной корректировке. Тот факт, что западные государства активно применяли в прошлом и применяют сейчас деструктивные технологии «острой силы», приписываемые авторами концепции исключительно таким странам, как Россия и Китай, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Список литературы

1. Борисова, Е.Г. (Ред.). (2015). *Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ*. М.: Флинта.
2. Волкова, Е. А., Лукина, Л. В., Лаптева, Ю. И. (2020). Концепт «острой силы» в исследованиях внешнеполитических стратегий. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, (1), 17–22.
3. Кузнецов, Д. В. (2021). «Острая сила» в современном политическом дискурсе стран Запада и внешняя политика России и Китая. *Проблемы Дальнего Востока*, (3), 145–159. <https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3>

4. Лазоркина, О.И. (2019). «Sharp power» или авторитаризм в действии. В *Дипломатия Беларуси: прошлое и настоящее: материалы научного семинара (28 марта 2019 г., Минск)* (с. 27–31). Минск: БГУ.
5. Леонова, О.Г. (2019). Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире. *Мировая экономика и международные отношения*, 63(2), 21–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28>
6. Мартьянов, В.С. (2021). В поисках другого мейнстрима. *Полис. Политические исследования*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>
7. Мартьянов, В.С., Руденко, В.Н. (2022). Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности. *Полития*, (1), 24–49. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>
8. Наумов, А.О. (2016). «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: Аргмак-Медиа.
9. Наумов, А.О. (2018). Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций». *Дискурс-Пи*, (3–4), 79–87. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987>
10. Неймарк, М.А. (2018). «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Дашков и Ко.
11. Паршин, П.Б. (2020). «Мягкая сила» в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО-Университет.
12. Романов, А.А. (2020). «Войны без войн»: роль и влияние постправдивых дискурсивных практик «острой силы» в информационном противостоянии. В *Цифровизация: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции* (с. 434–441). Тверь: ТГСХА.
13. Романов, А.А., Романова, Л.А. (2020). Стратегический ресурс коммуникативных практик острой силы» в информационном противостоянии «война без войны». *Человек и язык в коммуникативном пространстве*, (11), 46–53.
14. Романов, А.А., Романова, Л.А., Морозова, О.Н. (2020). Коммуникативные практики «острой силы» как стратегические маркеры вербальной агрессии в информационных «войнах без войны». *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*, (1), 97–155.
15. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Дискурс-Пи.
16. Табаринцева-Романова, К.М. (2021). Новые S-мощи государства: теоретический аспект (soft, smart, sharp power). *Дипломатическая служба*, (1), 72–77. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2101-08>
17. Fulda, A. (2020). *The struggle for democracy in Mainland China, Taiwan and Hong Kong. Sharp power and its discontents*. London & New York: Routledge.
18. Keating, V.C., & Kaczmarek K. (2019). Conservative soft power: Liberal soft power bias and the ‘hidden’ attraction of Russia. *Journal of International Relations and Development*, 22(1), 1–27. <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
19. Kudors, A. (2010). “Russian World” – Russia’s soft power approach to compatriots policy. *Russian analytical digest*, (81). Retrieved May 15, 2022, from https://www.files.ethz.ch/isn/117631/Russian_Analytical_Digest_81.pdf
20. Laruelle, M. (2015). *The “Russian World”: Russia’s soft power*

- and geopolitical imagination. Washington, D.C.: Center on Global Interests.
21. Messa, P. (2019). *The age of sharp power: China, Russia and Iran: The interference is not soft. The Italian Case*. Bocconi University Press.
 22. Nye, J. (2002). The information revolution and American soft power. *Asia Pacific Review*, 9(1), 60–76. <https://doi.org/10.1080/13439000220141596>
 23. Nye, J. (2004). *Soft power: The Means to success in world politics*. New York: Public Affairs.
 24. Nye, J. (2007a). Notes on a soft power research agenda. In F. Berenskoetter, & M.J. Williams, *Power in world politics* (pp. 162–172). Routledge.
 25. Nye, J. (2007b) The place of soft power in state-based conflict management. In C.A. Crocker, & F.O., Hampson (Eds.), *Leashing the dogs of war: Conflict management in a divided world* (pp. 389–400). United States Institute of Peace Press.
 26. Nye, J. (2008). Smart power and the war on terror. *Asia-Pacific Review*, 15(1), 1–8. <https://doi.org/10.1080/13439000802134092>
 27. Nye, J. (2011). *The Future of power*. Public Affairs.
 28. Nye, J. (2013, April 29). *What China and Russia don't get about soft power?* Retrieved May 15, 2022, from <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>
 29. Nye, J. (2018, January 24). *How sharp power threatens soft power*. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
 30. Nye, J. (2020). Perspectives for a China strategy. *Prism*, 8(4), 121–131.
 31. Walker, Ch., & Ludwig, J. (2017, November 16). *The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence*. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>

References

1. Borisova, E.G. (Ed.). (2015). *Soft power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz* [Soft power, soft authority. An interdisciplinary analysis]. Moscow: Flinta.
2. Fulda, A. (2020). *The struggle for democracy in Mainland China, Taiwan and Hong Kong. Sharp power and its discontents*. London & New York: Routledge.
3. Keating, V.C., & Kaczmarek K. (2019). Conservative soft power: Liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia. *Journal of International Relations and Development*, 22(1), 1–27. <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
4. Kudors, A. (2010). "Russian World" – Russia's soft power approach to compatriots policy. *Russian analytical digest*, (81). Retrieved May 15, 2022, from https://www.files.ethz.ch/isn/117631/Russian_Analytical_Digest_81.pdf
5. Kuznetsov, D.V. (2021). "Ostraya sila" v sovremennom politicheskom diskurse stran Zapada i vneshnyaya politika Rossii i Kitaya ["Sharp power" in the modern political discourse of Western countries and the foreign policy of Russia and China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (3), 145–159. <https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3>
6. Laruelle, M. (2015). *The "Russian World": Russia's soft power and geopolitical imagination*. Washington, D.C.: Center on Global Interests.

7. Lazorkina, O.I. (2019). “Sharp power” ili avtoritarizm v dejstvii [“Sharp power” or authoritarianism in action.] In *Diplomatiya Belarusi: proshloe i nastoyashchee: materialy nauchnogo seminara (28 marta 2019 g., Minsk)* (pp. 27–31). Minsk: BGU.
8. Leonova, O.G. (2019). Sharp power – novaya tekhnologiya vliyaniya v global’nom mire [Sharp power – the new technology of influence in a global world]. *Mirovaya e’konomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 63(2), 21–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28>
9. Martianov, V.S. (2021). V poiskah drugogo mejnstrima [In search of another mainstream]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>
10. Martianov, V.S., & Rudenko, V.N. (2022). Magiya belogo progressora: ot global’nogo kargokul’ta k novoj politicheskoj normal’nosti [The magic of the white progressor: From global cargo cult to a new political normality]. *Politiya*, (1), 24–49. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49>
11. Messa, P. (2019). *The age of sharp power: China, Russia and Iran: The interference is not soft. The Italian Case*. Bocconi University Press.
12. Naumov, A.O. (2016). “Myagkaya sila”, “cvetnye revolyucii” i texnologii smeny politicheskix rezhimov v nachale XXI veka [Soft power, color revolutions and regime change technology in the beginning of the XXI century]. Moscow: Argamak-Media.
13. Naumov, A.O. (2018). Tradicionnye i novye media kak aktory “cvetnyx revolyucij” [Traditional and new media as actors of color revolutions]. *Diskurs-Pi*, (3–4), 79–87. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987>
14. Neimark, M.A. (2018). “Myagkaya sila” v mirovoj politike [Soft power in world politics]. Moscow: Dashkov i Ko.
15. Nye, J. (2002). The information revolution and American soft power. *Asia Pacific Review*, 9(1), 60–76. <https://doi.org/10.1080/13439000220141596>
16. Nye, J. (2004). *Soft power: The Means to success in world politics*. New York: Public Affairs.
17. Nye, J. (2007a). Notes on a soft power research agenda. In F. Berenskoetter, & M.J. Williams, *Power in world politics* (pp. 162–172). Routledge.
18. Nye, J. (2007b) The place of soft power in state-based conflict management. In C.A. Crocker, & F.O., Hampson (Eds.), *Leashing the dogs of war: Conflict management in a divided world* (pp. 389–400). United States Institute of Peace Press.
19. Nye, J. (2008). Smart power and the war on terror. *Asia-Pacific Review*, 15(1), 1–8. <https://doi.org/10.1080/13439000802134092>
20. Nye, J. (2011). *The Future of power*. Public Affairs.
21. Nye, J. (2013, April 29). *What China and Russia don’t get about soft power?* Retrieved May 15, 2022, from <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>
22. Nye, J. (2018, January 24). *How sharp power threatens soft power*. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
23. Nye, J. (2020). Perspectives for a China strategy. *Prism*, 8(4), 121–131.
24. Parshin, P.B. (2020). “Myagkaya sila” v labirinte diskussij [Soft power in the maze of discussions]. Moscow: MGIMO-Universitet.

25. Romanov, A. A. (2020). “Vojny bez vojn”: rol’ i vliyanie postpravdivykh diskursivnykh praktik “ostroj sily” v informacionnom protivostoyanii [“Wars without warfares”: The role and influence of post-truth discursive practices of “sharp power” in information confrontation]. In *Cifrovizaciya: tekhnologicheskie resursy, novye vozmozhnosti i vyzovy vremeni. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (pp. 434–441). Tver: TGSXA.
26. Romanov, A. A., & Romanova, L. A. (2020). Strategicheskij resurs kommunikativnykh praktik “ostroj sily” v informacionnom protivostoyanii “voina bez vojny” [Strategic resource of communicative practices of “sharp power” in the situation of “wars without warfares”]. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statej*, (11), 46–53.
27. Romanov, A. A., Romanova, L. A., & Morozova, O. N. (2020). Kommunikativnye praktiki “ostroj sily” kak strategicheskie markery verbal’noj agressii v informacionnykh “vojnah bez vojny” [Communicative practices of “sharp power” as strategic markers of verbal aggression in informative “wars without warfares”]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, (1), 97–155.
28. Rusakova, O. F. (Ed.). (2015). *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: Theory, resources, and discourse]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi.
29. Tabarintseva-Romanova, K. M. (2021). Novye S-moshchi gosudarstva: teoreticheskij aspekt (soft, smart, sharp power) [New “S” powers of the state: Theoretical aspect (soft, smart, sharp power)]. *Diplomaticeskaya sluzhba*, (1), 72–77. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2101-08>
30. Volkova, E. A., Lukina, L. V., & Lapteva, Yu. I. (2020). Koncept “ostroj sily” v issledovaniyah vneshnepoliticheskikh strategij [The concept of sharp power in foreign policy strategies studies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*, (1), 17–22.
31. Walker, Ch., & Ludwig, J. (2017, November 16). The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence. Retrieved May 15, 2022, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>

Информация об авторах

Александр Олегович Наумов, доктор исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления, факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

Марина Владимировна Белоусова, ассистент кафедры международных организаций и проблем глобального управления, факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2260-8522>, e-mail: belousova@spa.msu.ru

Information about the authors

Aleksandr Olegovich Naumov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Organizations and Global Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

Marina Vladimirovna Belousova, Assistant, Department of International Organizations and Global Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2260-8522>, e-mail: belousova@spa.msu.ru

И СКАЗАЛ ИНТЕРНЕТ: СОТВОРИМ НЕТОКРАТИЮ ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ НАШЕМУ. КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КОНЦЕПЦИЮ ПОСТКАПИТАЛИЗМА А. БАРДА И Я. ЗОДЕРКВИСТА

Дмитрий Александрович Давыдов,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
davydovdmitriy90@gmail.com

Статья поступила в редакцию 16.09.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Давыдов Д.А. И сказал Интернет: сотворим нетократию по образу и подобию нашему. Критический взгляд на концепцию посткапитализма А. Барда и Я. Зодерквиста // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 66–81. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_66

Аннотация

В статье рассматривается концепция посткапитализма А. Барда и Я. Зодерквиста, согласно которой важнейшие ресурсы посткапиталистического будущего – информация, доверие, внимание, а также принадлежность к тем или иным виртуальным «племенам». Новой правящей элитой будет нетократия, состоящая из тех, кто отсеивает и сортирует информацию, а новым «низшим» классом – консьюмтариат как социальная прослойка потребителей. Однако стремление выстроить образ посткапиталистического будущего по образу и подобию Сети приводит Барда и Зодерквиста к наивным надеждам на Интернет как таковой. Отбросив демократию, национальное государство и гуманизм/индивидуализм как буржуазные пережитки, они в итоге не предлагают каких-то убедительных и реалистичных альтернатив. Исследователи

© Давыдов Д.А., 2022

ассоциируют индивидуализацию, превращение политики в клоунату и загрязнение СМИ инфомусором с отживающими свой век институтами капитализма, но не замечают, что Интернет лишь усиливает эти тенденции. В итоге вместо привлекательного образа будущего они представляют читателю антиутопию: таинственные нетократы становятся мировыми заговорщиками и манипуляторами общественного мнения. По мнению автора статьи, главная уязвимость рассматриваемой концепции заключается в превращении Сети в фетиш. В этой связи предлагается не уходить от реальной реальности, а стремиться к более достойным версиям посткапитализма, где общественное единство, социальное государство, всестороннее развитие личности, качественное образование, высокотехнологичная промышленность, труд и демократия станут главными целями и приоритетами, а также, что примечательно, эффективными инструментами борьбы с различными «сетевыми» масонскими ложами «сортировщиков информации».

Ключевые слова:

посткапитализм, нетократия, информационное общество, капитализм, антикапитализм, индивидуализм, антииндивидуализм, коммунизм, марксизм, постмарксизм, классовая стратификация.

UDC 008.2

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_66

AND THE INTERNET SAID, LET US MAKE NETOCRACY IN OUR IMAGE, AFTER OUR LIKENESS. A CRITICAL VIEW ON THE CONCEPT OF POST-CAPITALISM BY A. BARD AND J. SÖDERQVIST

Dmitriy A. Davydov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
davydovdmitriy90@gmail.com

Article received on September 16, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Davydov, D.A. (2022). And The Internet Said, Let Us Make Netocracy in Our Image, After Our Likeness. A Critical View on the Concept of Post-Capitalism by A. Bard and J. Söderqvist. *Discourse-P*, 19(4), 66–81. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_66

Abstract

The article considers the concept of post-capitalism by A. Bard and J. Söderqvist. According to this concept, the most important resources of the post-capitalist future are information, trust, attention, as well as belonging to one or another virtual “tribe”. The new ruling elite will be the netocracy consisting of those who filter out and sort information, and the new “lower” class will be the consumtariat as a social stratum of consumers. Nevertheless, the desire to build an image of the post-capitalist future in the image and after the likeness of the Network leads Bard and Söderqvist to naive hopes for the Internet as such. By discarding democracy, nation-states, and humanism/individualism as bourgeois relics, they end up offering no credible and realistic alternatives. The researchers associate individualization, turning politics into clowning, and media information pollution with the obsolete institutions of capitalism, but do not see that the Internet only strengthens these trends. As a result, instead of an attractive image of the future, they try to make their concept consistent, presenting the reader with a dystopia: mysterious netocrats become world conspirators and manipulators of public opinion. According to the author of the article, the main vulnerability of the ideas of Bard and Söderqvist is the transformation of the Network into a fetish. In this regard, it is proposed not to get away from reality, but to strive for more worthy versions of post-capitalism, when social unity, the welfare state, comprehensive personal development, quality education, high-tech industry, labor, and democracy will become the main goals and priorities and, notably, will be effective tools to combat various “network” Masonic lodges of “information sorters”.

Keywords:

post-capitalism, netocracy, information society, capitalism, anti-capitalism, individualism, anti-individualism, communism, Marxism, post-Marxism, class stratification.

Введение

В последние годы все чаще говорят о наступающем посткапитализме. На мир «после» капитализма возлагают надежды, ведь недалеко что-то вроде «полностью автоматизированного лакшери-коммунизма» (Bastani, 2019), где роботы и искусственный интеллект обеспечивают всех всем необходимым и даже сверх того. Многие сегодня пишут о возможности приятного посткапитализма, когда люди занимаются творческой деятельностью (Бузгалин, Колганов, 2019), делятся бесплатно неисчерпаемыми знаниями (Gorz, 2010), производят товары с нулевыми предельными издержками (Rifkin, 2015), организуют сетевые сообщества, занимаются разработкой программного обеспечения на безвозмездной основе (Mason, 2017), печатают изобильные блага на 3D-принтерах (Fraser, 2016), не имеют нужды в материальных благах, т.к. получают «бесплатные деньги» в форме безусловного дохода (Vregman, 2018). Действительно, если смотреть на мир с позиций технооптимизма, кажется, что мы вот-вот приблизимся к реализации мечты К. Маркса и Ф. Энгельса, согласно которой каждый должен давать обществу по способностям, а получать по потребностям. Но далеко не все согласны со столь позитивными прогнозами. Некоторые теоретики уже сравнительно

давно скептически смотрят на идею безоблачного посткапитализма. Авторы антиутопий (например, «Мы» Е. Замятина с его «блистательным, абсолютным и совершеннейшим обществом») часто рисовали некапиталистические общества как абсолютно тоталитарные. Были и относительно нейтральные прогнозы. Уже Д. Белл в 1974 г. в своем «Постиндустриальном обществе» связывает со словом «посткапитализм» возвышение класса технократов (профессионалов) и меритократов, «владеющих знаниями, а не собственностью» (Белл, 2004). Однако попытки представить «реалистичную» картину посткапитализма на основе реальных тенденций, а не марксистских или околomarксистских утопий, пока еще чрезвычайно редки. В этом смысле примечательна концепция посткапитализма шведских философов А. Барда и Я. Зодерквиста. С момента публикации их главной книги «Нетократия» прошло уже почти 23 года. На русский язык была переведена только она. И хотя в дальнейшем вышло еще три книги (первые объединены в трилогию «Футурика»), в русскоязычном академическом сообществе обсуждается преимущественно первая. При этом в целом их концепция относительно редко упоминается. Здесь хотелось бы, с одной стороны, подчеркнуть актуальность некоторых отчасти забытых идей шведских авторов. С другой стороны, стоит обратить внимание на то, что уже давно перестало быть актуальным, является пережитком эпохи больших надежд на все сетевое и связанное с Интернетом. Иными словами, хотя Бард и Зодерквист являются одними из тех редких авторов, смотрящих на посткапитализм не сквозь розовые очки, они не избежали ловушки собственных утопических взглядов.

Жизнь «после капитализма»

Уже само название первой и главной их книги «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма» отчасти раскрывает суть главного посыла авторов: на смену капитализму приходит что-то другое, но это другое подразумевает не коммунизм, а господство новой элиты. Стоит заметить сразу, что А. Бард и Я. Зодерквист не академические ученые. Бард, например, совмещает свою «киберфилософию» с музыкальной карьерой. Отчасти по этой причине их футурологические тексты во многих местах достаточно сумбурны. Поэтому то, как они понимают *капитализм* и *посткапитализм*, весьма специфично. В одном месте в качестве одной из важнейших основ капитализма выступает гуманизм Просвещения, пришедший на смену теологической картине мира (Бард, Зодерквист, 2004, с. 31). В другом – это уже набор специфических «мемов» как институциональных форм, преуспевающих в борьбе за выживание (социальный дарвинизм): торговля, аппарат государственной власти, формирующейся вокруг мема выборной демократии, академическая сфера вокруг мема науки (с. 53). В третьем месте капитализм есть нечто, всецело обусловленное «вертикальной» коммуникацией по модели «неинтерактивных», «несетевых» СМИ (с. 75). В четвертом – капитализм связывается с деятельностью национальных государств (с. 83). В общем, развернутого анализа капиталистического способа производства у данных авторов нет. Чтобы понять, о чем идет речь, необходимо учитывать интеллектуальный контекст, в котором рождались идеи Барда и Зодерквиста. Это было время, когда об информационном или сетевом (см., например, Castells, 2000) обществе говорили все, а на Интернет смо-

трели как на источник глобальных перемен. Казалось, Сеть сама по себе есть нечто принципиально новое, некий способ бытия «в себе и для себя». Поэтому основным представлялся конфликт между старыми институтами индустриальной эпохи и новыми – постиндустриальными и «информационными». Вот что писал Э. Тоффлер еще в 1980 г.: «...сегодня единственный и самый важный политический конфликт уже происходит не между богатыми и бедными, между возвышенными и униженными этническими группами и даже не между капитализмом и коммунизмом. Сегодня решительная борьба идет между теми, кто пытается поддержать и сохранить индустриальное общество, и теми, кто готов двигаться вперед, за его пределы. Это сверхборьба завтрашнего дня» (Тоффлер, 2004, с. 686–687). Такая сверхборьба складывается из конфликтов между бюрократическим и сетевым, централизованным и гибким, монолитным и множественным. Бард и Зодерквист сделали небольшой шаг вперед, допустив, что все вышеуказанное есть свидетельство упадка капитализма как такового. Не представив развернутой концепции капитализма (о самовозрастающей стоимости или маргиналистской теории ничего не говорится), они пытаются разглядеть в том, как функционирует Интернет, сущностные черты посткапитализма.

Нетократия, по их мнению, – это новые элиты, которые распоряжаются информацией и занимают лидирующие позиции в сетевых взаимодействиях, пользуясь *вниманием* как ценнейшим ресурсом в мире, заполненном информационным мусором, отвлекающим от того, что важно. Нетократы становятся элитой не в результате «низовой» революции, а просто потому, что оказываются «в нужном месте в нужное время». Как и раньше в эпоху перехода к капитализму, посткапиталистическим элитам благодатную почву создают элиты старые (Бард и Зодерквист часто говорят про патенты и авторское право как способы «владения информацией»). Но в результате «сетевой революции» старый мир неизбежно разрушается. Политика и представительная демократия переживают тяжелейший кризис, т. к. традиционные СМИ превращают их в соревнование клоунов. Поскольку политикам больше нет доверия, люди начинают «жить» в виртуальных сетевых сообществах, подчиняясь внутренним, «сетевым» нормам (сетикет). Национальные государства переживают крах, поскольку сети уничтожают национальные барьеры. Гуманистическая вера в индивида приходит в упадок под натиском постструктурализма и прочих антииндивидуалистических философских тенденций (типа агентного реализма К. Барад), а Сеть формирует «шизоида», имеющего множество личностей и вообще по большей части сливающегося с сетевым коллективом. На смену индивидуальности приходит дивидуальность («тело – это мыслящая машина»). Низшим классом становится консьюмтариат – те, кто просто потребляет информацию, развлекается и не создает новых ценностей. «Старомодный индивидуализм, – пишут Бард и Зодерквист, – и приверженность своему «я» – теперь атрибуты низшего класса. Неспособность выйти за пределы своего «я» и его желаний означает, что низший класс так и останется низшим. Самовыражение как цель бытия становится формой своеобразной терапии для буржуазии и консьюмтариата, занятых, таким образом, своими личными проблемами и не интересующихся мировым порядком. Каждый, кто продолжает «верить в себя», есть, по определению, беспомощный неудачник в обществе, в котором правят нетократы. Власть определяется не капиталом как совокупностью материальных активов, а информацией, социальными

связями и способностью привлечь внимание нужных людей» (Бард, Зодерквист, 2004, с. 125). Иерархии превращаются в плюархии, на место организаций приходят «сетевые племена», а они в будущем сольются в один большой глобальный мир. Нетократы создают социальные идентичности¹, а консьюмтариат будет только потреблять смыслы. Самые влиятельные сети закрыты, поскольку информация ценна тогда, когда ее не раскрывают (своеобразное сетевое масонство), в то время как самые «открытые» сети состоят из консьюмтариата. «Это общество, по определению, является посткапиталистическим, поскольку ни деньги, ни титулы, ни слава в нем не имеют значения при вступлении в ту или иную сеть высшего уровня. Нетократический статус, который ныне в цене, определяется совершенно другими характеристиками – знанием, контактами, кругозором, видением» (Бард, Зодерквист, 2004, с. 198).

Так можно вкратце пересказать концепцию А. Барда и Я. Зодерквиста. Является ли она убедительной сегодня?

Сетевая (анти-)утопия

Согласно А. Барду и Я. Зодерквисту, посткапитализм выстраивается по образу и подобию Сети. Они не утописты и не марксисты (Бард считает себя ницшеанцем и сторонником философии зороастризма), поэтому имеют, грубо говоря, «реалистичный» взгляд на мир. К примеру, крайне актуален их attentionalism, подчеркивающий дефицитность внимания в современную эпоху. О проблеме новой прослойки «лишних людей», растущей по мере автоматизации производства, пишут сегодня очень многие (см., например, Форд, 2019; Сасскинд, 2021). Бард и Зодерквист также не считают, что все без исключения нетократы являются воплощением добра: медийные сетевые лидерские качества могут приводить к чистому злу вроде террористических актов, нацеленных на внушение страха, или киберпреступности. Однако суждения шведских философов все же во многом утопичны, поскольку они делают из Сети как таковой фетиш, провозглашая себя борцами со всем несетевым. Это у них, к слову, действительно фетиш или даже божество, поскольку в книге «Синтеизм» представлено нечто вроде религии, созданной Интернетом (авторы даже изобретают свои «религиозные» праздники). Самоотверженная политическая борьба за «свободный и открытый Интернет» основана на слепой вере в то, что Сеть обладает священным для человечества потенциалом (Bard & Söderqvist, 2014). При этом противоречий в их концепции немало.

Начать, пожалуй, стоит с акцента на информации. Поскольку Бард и Зодерквист не дают четкого определения капитализму (как в оригинальной «Нетократии», так и в трилогии «Футурика»), они также оставляют читателей без внятного ответа на вопрос, почему капитализм не в состоянии адаптироваться к сетевому обществу. О «гибком» или «постфордистском» капитализме пишут относительно давно (см., например, Китар, 1995; Ильченко, Мартьянов, 2015), но Бард и Зодерквист не перестают придерживаться своего мнения о «некапиталистичности» Сети.

¹ «Как сетевые дивидуумы, мы больше не производим вещи, мы производим саму социальную жизнь» (Bard & Söderqvist, 2014, p. 261).

Сеть – просто один из каналов коммуникации, существенно ее ускоряющий, но не обязательно меняющий принципиально. Здесь можно, конечно, сослаться на «нематериальную» информацию, но сама по себе она ничего не производит. Информация может давать определенные преимущества тем, кто ею располагает (или скрывает ее от всех), но тогда следует говорить о рентных выгодах в виде уже произведенного. На вопрос, каким образом нечто производится и распределяется, какие общественные отношения вокруг этого выстраиваются, Бард и Зодерквист развернуто не отвечают. Для них важно, чтобы в центре рассмотрения была информация, циркулирующая по Интернету. Отсюда странные умозаключения, когда авторы переходят от абстрактных и спекулятивных рассуждений к конкретике. Скажем, в одном из интервью А. Бард утверждает, что основатели *Google* Л. Пейдж и С. Брин являются нетократами. Тот факт, что *Google* – технологическая корпорация, существующая на деньги бесчисленного количества рекламодателей (т.е. взносов со стороны корпораций и прочих агентов капитализма), им не упоминается. Вместо этого Бард отмечает, что проект *Google* «отличала заинтересованность во власти ради власти, а также в получении власти с помощью внимания»². С. Жижек, реагируя на книгу Барда и Зодерквиста, справедливо замечает, что «против таких искушений следует настаивать на том, что «информационное общество» просто НЕ является понятием того же уровня, что «феодализм» или «капитализм»³.

Да, можно возразить, что А. Бард имеет в виду то самое влияние как воздействие на внимание, которое получили агенты «надзорного капитализма» (или клаудалы Я. Варуфакиса как управляющие «облачным капиталом» – формой командного капитала, живущего в «облаке»⁴) в лице владельцев интернет-платформ и социальных сетей, определяющих сегодня, что можно, а что нельзя говорить (Zuboff, 2019; York, 2021; Knowles, 2021 и др.), «отменяющих» таких личностей, как президент США (кейс «отмены» Д. Трампа в январе 2020 г.), манипулирующих общественным мнением с помощью «умных» алгоритмов и т. д. Но здесь концепция Барда и Зодерквиста попадает в собственную ловушку. Если сегодня несколько нетократов (т.е. владельцев платформ-монополий вроде *Facebook*⁵ или *YouTube*) контролируют информационную повестку, причем, как мы убедились по событиям января 2020 г. в Капитолии США, демонстрируют единодушие, то сильно ли это отличается от «блистательного, абсолютного и совершеннейшего общества» из антиутопии «Мы»? Чем это (хотя бы) принципиально отличается от банальной тоталитарной «вертикальной» пропаганды,

² Гостев, А. (2009, 17 ноября). *Александр Бард: Кризис – уловка, при помощи которой нетократы украли деньги у буржуазии*. Взято 15 сентября 2022, с <https://snob.ru/selected/entry/9084/>

³ Zizek, S. (2005). *Objet a as inherent limit to capitalism: On Michael Hardt and Antonio Negri*. Retrieved September 15, 2022, from <https://www.lacan.com/zizmultitude.htm>

⁴ Varoufakis, Y. (2022, April 10). *Cloudalists: The new ruling class & how can we confront its technofeudal order – iai lecture*. Retrieved September 15, 2022, from <https://www.yanisvaroufakis.eu/2022/04/25/cloudalists-the-new-ruling-class-how-can-we-confront-its-technofeudal-order-iai-lecture-10-apr-2022/>

⁵ Принадлежит *Meta Platforms*, признанной в России экстремистской организацией. Запрещен и заблокирован на территории РФ.

существовавшей в нацистской Германии и сталинском СССР? Как отмечают многие наблюдатели, современные медиаплатформы превратились в инструменты доминирования прогрессивной постматериалистической «леваческой» культуры «пробужденных» с ее постмарксистскими дискурсами о «жертвах», привилегиях белых, интерсекциональности и т.п. (Knowles, 2021). Все, кто не согласен с мнением, скажем, о том, что транс-женщины не являются женщинами (как было с Дж. Роулинг), «отменяются» или подвергаются опустошительным набегам сетевых «толп» (Мюррей, 2021). Какими бы «вертикальными» и централизованными ни были традиционные СМИ, они не могли «отменять» людей и направлять толпы сетевых троллей с целью уничтожить репутацию той или иной личности. Если в современных западных социальных платформах и есть какое-то разнообразие мнений, то больше вопреки внутренней логике Сети, порождающей монопольные платформы, нежели благодаря ей. В сущности, Интернет может способствовать не только и не столько разнообразию мнений, сколько предельной «вертикализации» коммуникации. Мегаплатформа *Facebook*⁶ имеет 2,5 млрд активных пользователей. Ни один телеканал никогда даже близко не приближался к таким огромным аудиториям. Монополизму Сети противостоят скорее отдельные личности, от которых Бард и Зодерквист так активно пытаются отстраниться.

Шведские философы считают, что в будущем реальной властью и привилегиями будут обладать не все «граждане Интернета», а только те, кто вхож в наиболее влиятельные сети. В чем конкретно выражается эта влиятельность, читателю тоже довольно трудно понять. Если, как они утверждают, скоро все производство будет автоматизировано и алгоритмизировано, т.е. наступит настоящее изобилие материальных благ (так что даже консьюмтариату ничего не нужно делать), то не совсем понятно, какие же привилегии обеспечит членство в «закрытых сетевых клубах». Бард и Зодерквист пытаются выстроить свою логику по аналогии с марксистской: дескать, консьюмтариат – следующий эксплуатируемый класс. Но каков смысл эксплуатировать абсолютно бесполезных людей? Эксплуатация – это присвоение *произведенного*. Более того, по поводу чего будут возникать конфликты? В чем смысл властвовать над абсолютно бесполезными людьми? В «Футурике» Бард и Зодерквист пишут, что нетократы создают социальные идентичности. Но тогда, опять же, трудно понять, зачем «закрываются» от остального мира, скрывая некую «ценную информацию». Идентичности – часть культуры, они не могут быть дефицитными. «Господство элиты, – считают Бард и Зодерквист, – подкрепляется тем, что вся ценная информация и изоциренный анализ станут буквально недоступны для широких масс населения. Вся эта неистовая и бессодержательная болтовня – новый опиум народа. Интеллектуальный анализ, с другой стороны, станет нетократической привилегией и инструментом власти» (Bard & Söderqvist, 2012, p. 401). Но если нетократы являются элитой лишь постольку, поскольку вхожи в некие узкие круги по типу масонских объединений, то какова новизна «сетевого общества»? Новация Интернета заключается именно в вовлечении в коммуникацию максимального числа людей. Если степень «элитности» обратно пропорциональна

⁶ Принадлежит *Meta Platforms*, признанной в России экстремистской организацией. Запрещен и заблокирован на территории РФ.

ширине социальной сети, то тогда мировым элитам (заговорщикам?) будущего стоило бы скрывать свои знакомства от сетевой открытости. Они будут скорее созваниваться по закрытым каналам связи, нежели публиковать статусы в социальных сетях. Отсюда странные попытки залатать концептуальные дыры первых книг в «Синтеизме»: создание религии синтеизма как религии борьбы за свободный и открытый Интернет. Где гарантия, что нетократы будут реально бороться за свободный Интернет там, где подавляющее большинство людей обречены только потреблять информацию и «болтать и пустословить»?

Дискурс Барда и Зодерквиста подвержен влиянию веры в целительную силу Сети как таковой. Политика эпохи капитализма умирает потому, что люди перестают верить традиционным СМИ и политикам-клоунам, которых эти СМИ продвигают. Сеть – другое дело. Здесь якобы публикуется более правдивая информация, а политика становится ненужной, ведь есть сетикет. Правда, он оказывается присутствующим лишь в вакууме, как и вся власть нетократов, отрывающаяся от национального государства. Возникает иллюзия, будто Сеть сама по себе является источником власти: Сеть производит, Сеть распределяет, Сеть строит дороги, Сеть ликвидирует преступность, Сеть печатает деньги, Сеть создает научные мегаустановки (или наука ограничивается философами вроде Барда и Зодерквиста?). Но проблема в том, что Сеть этого всего не может. Для этого нужны конкретная материальная основа и конкретные институты с иерархической организацией (может ли Сеть вовремя спасти человека от остановки сердца?) Как показывает опыт, национальные государства не спешат уходить с глобальной арены. Социальные расходы государства в странах ОЭСР растут⁷, а фундаментальная наука и технологии не могут активно развиваться без государственных инвестиций. «Политика – это уже старая забава, – утверждает Бард в недавнем интервью, – для старых людей. Думаю, в Америке блогер Пьюдипай в некоторых смыслах куда влиятельней Трампа. Для молодых людей он точно больший авторитет, чем Дональд Трамп. Никто больше не хочет идти в политику»⁸. Бард и сам не замечает, как наступают на собственную мину, ссылаясь на Пьюдипая, которого он то ли ставит в пример, то ли с саркастической целью возвышает, чтобы принизить Трампа. Тот факт, что Интернет превратился в информационную помойку, где количество так называемых «клоунов» растет в геометрической прогрессии, остается крайне некомфортным для Барда, и он вынужден оправдываться в ответ на закономерный вопрос интервьюера о постправде и постоянных фейках в Сети: «Я не верю во всю эту постправду. Я даже считаю, что мы, наконец, приближаемся к правде, которую сможем получить благодаря накопленной информации и алгоритмам»⁹. Иными словами, он так и не отвечает убедительно на заданный вопрос. Для Барда и Зодерквиста «Википедия» авторитетнее ученых¹⁰.

⁷ *How was life? Vol. 2: New perspectives on well-being and global inequality since 1820* (2021, March 25). Retrieved September 15, 2022, from <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/6a204f6e-en/index.html?itemId=/content/component/6a204f6e-en>

⁸ Александр Бард: *И Мессия будет машиной* (2020, 4 апреля). Взято 15 сентября 2022, с <https://all-andorra.com/ru/aleksandr-bard-i-messiya-budet-mashinoj/>

⁹ Там же.

¹⁰ «С другой стороны, производство правды автоматизировано и само по себе

Вместо политики, как мы уже выяснили, Бард и Зодерквист полагают существование конкурирующих за «мемы» цифровых племен (в рамках плюрархии). При этом они парадоксальным образом выводят из этой конкуренции необходимость движения к мировому государству, или так называемой «империи»¹¹. В их книгах, правда, мы не находим реального ответа на вопрос, как конкретно разрозненные «племена», существующие в своих цифровых реальностях, а также подверженные постоянным трансгуманистическим метаморфозам, будут достигать какой-то общемировой целостности (если не считать совсем уж спекулятивных тезисов в духе «к умным прислушиваются»). Как показывают современная политика идентичности и свойственный ей «прикладной постмодернизм» (Pluckrose & Lindsay, 2020), мы имеем все более и более «отчужденное» общество, в котором различные культурные образования и меньшинства не столько достигают консенсуса, сколько постоянно враждуют друг с другом (к примеру, черные феминистки против белых феминисток или трансгендерные феминистки против «исключающих транс-людей радикальных феминисток»). Конструируемые с помощью «шизоидного» языка виртуальные идентичности в принципе не имеют объективных оснований для общего жизненного мира.

В общем, противоречий в книгах Барда и Зодерквиста немало. Иногда нарушаются правила элементарной логики. Так, авторы противоречат сами себе, когда говорят о мировом государстве. Данное государство якобы установит стабильные «правила игры» и начнет следить за реализацией авторских прав и действиям патентов, т. е. неизбежно унаследует многие признаки национального государства (к тому же будет привлекать «военные средства с целью обеспечения легитимности системы» (Bard & Söderqvist, 2012, p. 180)). Но в «Синтеизме» они внезапно начинают писать о свободе Интернета: «Поэтому как для синтетической этики, так и для творческого развития крайне важно, чтобы идеи в обществе не были заперты за виртуальными брандмауэрами или башнями юридических бумаг, чтобы ими можно было обмениваться в полной свободе между активными дивидуумами в Интернете» (Bard & Söderqvist, 2014, p. 177).

становится сетевым эффектом. В условиях информатизма вполне достаточно использовать коллективно созданные и свободно доступные источники знаний в Интернете (такие как Википедия), чтобы не консультироваться с академическими экспертами, если кто-то хочет сформулировать социально приемлемую истину» (Bard & Söderqvist, 2014, p. 50).

¹¹ «Подлинная империя есть открытая, а не закрытая социальная конструкция, единственной границей которой является всеобщее коллективное существование всего человечества. Впервые в истории нет ничего вне целостности общества, а значит, нет возможности возвращать какую-либо форму демонизированной Инаковости, кроме почти игривых демонологий, сконструированных между субкультурами в границах империи» (Bard & Söderqvist, 2012, p. 170). И далее: «Ситуация беззакония никому не выгодна, по крайней мере, в долгосрочной перспективе. Самые маленькие производственные компании в бедных развивающихся странах и крупнейшие наднациональные конгломераты западного мира одинаково заинтересованы в том, чтобы быть связанными в понятную структуру, экономическую, а также политическую и юридическую. Следовательно, не государство как распорядитель власти и юрисдикции устаревает при информатизации, а нация как основа государства. Государство как институт переводится с национального на глобальный уровень» (p. 173).

Можно допустить, что это противоречие – следствие интеллектуальной эволюции авторов (работа опубликована в 2014 г.). Однако в той же книге они пишут следующее: «В Интернете человек склонен выбирать источники информации, которые говорят именно то, что он хочет услышать, и которые подтверждают его собственное мировоззрение. И это при том, что человек эффективно изолирует себя от тех, кто расходится во мнениях, с кем просто воздерживается от дискуссии и с кем содержательный разговор в принципе всегда невозможен <...>. Интернет не превратился в одну большую глобальную деревню, где все общаются друг с другом таким образом, который отражает взаимопонимание и доверие, на что наивно надеялись многие пионеры цифровых технологий. Вместо этого ландшафт, возникающий в Сети, представляет собой слишком обширный архипелаг закрытых сообществ без фиксированных связей между ними» (Bard & Söderqvist, 2014, p. 13). Подходящую интерпретацию читатель, видимо, волен выбирать сам. Далее, в «Нетократии» они пишут, что «в постоянно меняющейся сетевой системе невозможно создать формальные законы» (Бард, Зодерквист, 2004, с. 211), но во втором томе «Футурики» уже утверждают, что «необходимо требование надзора, выходящего за рамки границ, как гарантии того, что уже действующее законодательство соблюдается» (Bard & Söderqvist, 2012, p. 178). Религия синтеизма противоречива в чисто социологическом смысле. Бард и Зодерквист нацеливаются на нечто вроде общечеловеческого глобального сетевого единства, но это совсем не сочетается с их картиной «обреченного» на полную антиисторичность консьюмтариата. Они верят в то, что Интернет является почти лекарством от всех экологических бед¹², но тут же пишут о необходимости сетевого анархизма. Кто в условиях свободного Интернета будет волен препятствовать какому-нибудь племени глобальных загрязнителей планеты или, что более насущно, отрицателей глобального потепления (а также клубам самоубийц, растлителей малолетних и т. д. и т. п.)? Бард и Зодерквист как бы мечутся между стремлением подчеркнуть эксклюзивную ценность информации и желанием утвердить свободу Сети как таковой; между элитизмом «избранных» нетократов и верой в повсеместную интерактивность Интернета; между социальным дарвинизмом войны «мемов» и космополитизмом чего-то вроде «вечного мира». Отказавшись от идеи демократии, которую они искусственным образом ассоциируют с капитализмом, они так и не находят ей убедительной альтернативы (некие «игры с ненулевыми суммами», делегирования сетевых «кураторов» по меритократическому принципу и прочая фантастика). Возникает впечатление, что шведские философы просто перечисляют наблюдаемые ими тенденции вроде глобализации и информатизации, не особенно задумываясь над тем, чтобы непротиворечиво связать свои концепты. Даже если Бард и Зодерквист переосмыслили свои взгляды, об этом можно было сообщить, но читателя постоянно отсылают к старым книгам, т. е. создается впечатление последовательного повествования.

Наверное, самая большая проблема концепции Барда и Зодерквиста связана с их взглядами на индивидуализм и роль отдельных личностей в изучаемых

¹² «Чем ближе человечество подходит к экологическому апокалипсису, тем яснее выступает свободный и открытый Интернет как единственный инструмент, с помощью которого можно спасти планету для жизни человека» (Bard & Söderqvist, 2014, p. 183).

процессах. Как они пишут в «Футурике», «на протяжении всей истории мы шли неуклонно, коллективно, шаг за шагом, от нашего первоначального детского нарциссизма, с отдельным индивидуумом и его ближайшими друзьями (кочевым племенем) как центром вселенной, к взрослой децентрализации нашего представления о себе, где человечество в конце концов не только сводится к ничтожной капле на краю вселенского океана, но даже теряет веру в собственную непреходящую субстанцию. В конце концов, эта капля не просто периферийная и минимальная, а изначально расщепленная изнутри, а также на самом глубоком уровне иллюзия» (Bard & Söderqvist, 2012, p. 469). Бард и Зодерквист – убежденные антииндивидуалисты и антигуманисты (точнее, постгуманисты). Для них Сеть значимее индивида. В этом, как они считают, главная позитивная сила «сетевой революции». Как отмечает Бард, «чистый алгоритм, способный привести ко всем вашим желаниям и жизненным потребностям, – абсолютная ценность и сила нового нетократического мира. И эти алгоритмы будут для всех разными, сформированными вашим поведением и поведением людей, имеющих отношение к вашей субкультуре. То есть алгоритмы будут отражать ваше окружение. И это означает конец индивидуализма. Все будет крутиться вокруг создания сообществ и субкультур. По-настоящему успешные люди будут создавать вещи в сотрудничестве друг с другом»¹³. Проблема только в том, что Интернет не уничтожает индивида и индивидуальность, а способствует тому, чтобы «расцветали сто цветов» индивидуализма. Казалось бы, Бард и Зодерквист начинают прощупывать очень важный аспект происходящих изменений, связанный с повышением роли *внимания*, становящегося дефицитным «капиталом». Но внезапно они начинают двигаться в диаметрально противоположном направлении, отказываясь от индивида и индивидуальности. Если бы они сделали еще один шаг вперед, то увидели бы, что одной из ключевых черт посткапиталистической трансформации является не столько Сеть, сколько как раз *личность*, которая благодаря Интернету обретает огромные возможности для самореализации и роста политического влияния. Более того, они так и не поняли, что для людей их личность является важнейшим нематериальным *благом*, которым они наслаждаются и которое будут все активнее «производить» (все эти модные бьюти-блогеры, красующиеся перед камерой звезды ТикТока, и т. д.). Как показывают социологические исследования, индивидуализм никуда не делся, а только прогрессировал. Молодые люди стремятся стать заметными и креативными, выделиться на фоне остальных. Они не хотят быть безликой частью «сетевого племени» (Davudov, 2021). Интернет-персоны (блогеры и микроселебрити) не сильно отличаются от знаменитостей «индустриальной эры». Это те же яркие *персоны*, но все чаще взаимодействующие с политиками или даже становящиеся политиками (Давыдов, 2020). Данные факты не означают, что всеобщая погоня за лайками и вниманием, за популярностью и политической влиятельностью есть априори нечто хорошее. Напротив, там, где Бард и Зодерквист увидели какую-то надежду на сетевую коллективность, наблюдается движение к обществу «всеобщего самоутверждения».

¹³ Александр Бард: *И Мессия будет машиной* (2020, 4 апреля). Взято 15 сентября 2022, с <https://all-andorra.com/ru/aleksandr-bard-i-messiya-budet-mashinoj/>

Заключение

Итак, чем примечательна концепция посткапитализма А. Барда и Я. Зодерквиста? Думается, они верно отметили ряд тенденций, свидетельствующих о появлении ростков посткапитализма в современном обществе. Информация действительно является нематериальным ресурсом, а внимание сегодня – ценнейший «капитал». Элиты все меньше напоминают старых капиталистов промышленной эпохи. Другой вопрос – насколько взгляды шведских философов верно характеризуют ростки посткапитализма. Точнее так: стоит ли превращать Сеть и информационные технологии в фетиш, ища ответы на глобальные вызовы современности? Концентрируясь на технологиях, мы забываем о «человеческих» аспектах наблюдаемых процессов. Далеко не все хотят поглощения личности Сетью, а большинство – желает творческой *самореализации*. С другой стороны, если брать в качестве основы посткапитализма исключительно информацию и внимание, то избежать антиутопической перспективы, в рамках которой очень многим людям остается только потреблять, невозможно. Но такой основой может быть *творчество* (Давыдов, 2021) как создание нематериальных благ. К примеру, ученые, работающие с научными установками класса «мегасайенс», способны производить куда больше ценностей (в виде знаний), нежели абстрактные созидатели «сетевых идентичностей». Более того, сетевой фетишизм отвлекает внимание от тех проблем, решение которых нужно искать в конкретной материальной реальности с ее политиками, государствами, иерархически организованными институтами. Главный недостаток концепции Барда и Зодерквиста заключается в том, что они делают ставку либо на то, что себя не оправдывает и не оправдает (например, «дивидуализм»), либо на Сеть как таковую, являющуюся по факту источником многочисленных проблем (постправа, монополизм социальных платформ, еще большая «клоунада» со стороны некоторых блогеров и сетевых «лидеров мнений», нежели то, что происходит в условных «индустриальных» СМИ). В связи с этим стоит задаться другим вопросом: не следует ли стремиться «лечить» болезни Сети, нежели боготворить ее как таковую? Не уходить от реальной реальности, рассуждая об абстрактных «сетевых кураторах», «событиях» и «цифровых племенах», а возвращаться к конкретным задачам; нацеливаться на формулирование более достойных версий посткапитализма, в которых общественное единство, социальное государство, всестороннее развитие личности, качественное образование, высокотехнологичная промышленность, труд и демократия станут главными целями и приоритетами, а также, что примечательно, будут являться эффективными инструментами борьбы с различными «сетевыми» масонскими ложами «сортировщиков информации».

Список литературы

1. Бард, А., Зодерквист, Я. (2004). *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге.
2. Белл, Д. (2004). *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт*

социального прогнозирования. М.: Academia.

3. Брегман, Р. (2018). *Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир*. М.: Альпина Паблишер.

4. Бузгалин, А.В., Колганов, А.И. (2019). Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? *Социологические исследования*, (1), 18–28. <https://doi.org/10.31857/S013216250003744-1>

5. Давыдов, Д.А. (2020). Революция личности, или восхождение персоналиата, *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (4), 68–89. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-99-4-68-89>

6. Давыдов, Д.А. (2021). *Посткапитализм и рождение персоналиата*. М.: Рипол Классик.

7. Ильченко, М.С., Мартьянов, В.С. (Ред.). (2015). *Постфордизм: концепции, институты, практики*. М.: Политическая энциклопедия.

8. Мюррей, Д. (2021). *Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем*. М.: Рипол Классик.

9. Сасскинд, Д. (2021). *Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться*. М.: Individuum.

10. Тоффлер, Э. (2004). *Третья волна*. М.: АСТ.

11. Форд, М. (2019). *Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы*. М.: Альпина нон-фикшн.

12. Bard, A., & Söderqvist, J. (2012). *The Futurica trilogy*. Stockholm: Stockholm Text.

13. Bard, A., & Söderqvist, J. (2014). *Syntheism – Creating God in the Internet age*. Stockholm: Stockholm Text.

14. Bastani, A. (2019). *Fully automated luxury Communism*. New York: Verso.

15. Castells, M. (2000). *The rise of the Network society: The information age: Economy, society and culture*. New York: John Wiley & Sons.

16. Davydov, D. (2021). The value foundations of post-Capitalism: From the “mode of having” to the individualism of self-actualizing personalities? *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (12), 232–241. <https://doi.org/10.31857/S013216250017623-8>

17. Frase, P. (2016). *Four futures: Life after Capitalism*. London: Verso Books.

18. Gorz, A. (2010). *The Immaterial: Knowledge, value and capital*. New York & London: Seagull Books.

19. Knowles, M. (2021). *Speechless: Controlling words, controlling minds*. Washington, D.C.: Regnery.

20. Kumar, K. (1995). *From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world*. Oxford: Blackwell.

21. Mason, P. (2017). *Postcapitalism: A Guide to our future*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

22. Pluckrose, H., & Lindsay, J. (2020). *Cynical theories: How activist scholarship made everything about race, gender, and identity – and why this harms everybody*. Durham, DC: Pitchstone.

23. Rifkin, J. (2015). *The zero marginal cost society: The Internet of things, the collaborative commons and the eclipse of Capitalism*. New York: Palgrave.

24. York, J.C. (2021). *Silicon values: The future of free speech under surveillance Capitalism*. New York: Verso.

25. Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance Capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. London: Profile Books.

References

1. Bard, A., & Söderqvist, J. (2004). *Netokratija. Novaja pravjashhaja jelita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy. The new power elite and life after Capitalism]. Saint Petersburg: Stokgol'mskaja shkola jekonomiki v Sankt-Peterburge.

2. Bard, A., & Söderqvist, J. (2012). *The Futurica trilogy*. Stockholm: Stockholm Text.

3. Bard, A., & Söderqvist, J. (2014). *Syntheism – Creating God in the Internet age*. Stockholm: Stockholm Text.

4. Bastani, A. (2019). *Fully automated luxury Communism*. New York: Verso.

5. Bell, D. (2004). *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting]. Moscow: Academia.

6. Bregman, R. (2018). *Utopija dlja realistov. Kak postroit' ideal'nyj mir* [Utopia for realists: The case for a universal basic income]. Moscow: Al'pina Publisher.

7. Buzgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2019). Transformacii social'noj struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuazii k prekariatu i kreativnomu klassu? [Social structure transformation of late Capitalism: From proletariat and bourgeoisie towards precariat and creative class?]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (1), 18–28. <https://doi.org/10.31857/S013216250003744-1>

8. Castells, M. (2000). *The rise of the Network society: The information age: Economy, society and culture*. New York: John Wiley & Sons.

9. Davydov, D. (2021). The value foundations of post-Capitalism: From the “mode of having” to the individualism of self-actualizing personalities? *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (12), 232–241. <https://doi.org/10.31857/S013216250017623-8>

10. Davydov, D. A. (2020). Revoljucija lichnosti, ili voshozhdenie personaliata [Revolution of personality, or The rise of the personaliat]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, (4), 68–89. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-99-4-68-89>

11. Davydov, D. A. (2021). *Postkapitalizm i rozhdenie personaliata* [Postcapitalism and the birth of the personaliat]. Moscow: Ripol Klassik.

12. Ford, M. (2019). *Roboty nastupajut. Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty* [Rise of the robots: Technology and the threat of a jobless future]. Moscow: Al'pina non-fikshn.

13. Frase, P. (2016). *Four futures: Life after Capitalism*. London: Verso Books.

14. Gorz, A. (2010). *The Immaterial: Knowledge, value and capital*. New York & London: Seagull Books.

15. Ilchenko, M. S., & Martianov, V. S. (Eds.). (2015). *Postfordizm: koncepcii, instituty, praktiki* [Postfordism: Concepts, institutions, practices]. Moscow:

Politicheskaja e'nciklopediya.

16. Knowles, M. (2021). *Speechless: Controlling words, controlling minds*. Washington, D.C.: Regnery.

17. Kumar, K. (1995). *From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world*. Oxford: Blackwell.

18. Mason, P. (2017). *Postcapitalism: A Guide to our future*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

19. Murray, D. (2021). *Bezumie tolpy. Kak mir soshel s uma ot tolerantnosti i popytok ugodit' vsem* [The Madness of crowds]. Moscow: Ripol Klassik.

20. Pluckrose, H., & Lindsay, J. (2020). *Cynical theories: How activist scholarship made everything about race, gender, and identity – and why this harms everybody*. Durham, DC: Pitchstone.

21. Rifkin, J. (2015). *The zero marginal cost society: The Internet of things, the collaborative commons and the eclipse of Capitalism*. New York: Palgrave.

22. Susskind, D. (2021). *Budushhee bez raboty. Tehnologii, avtomatizacija i stoit li ih bojat'sja* [A World without work: Technology, automation, and how we should respond]. Moscow: Individuum.

23. Toffler, A. (2004). *Tret'ja volna* [The third wave]. Moscow: AST.

24. York, J.C. (2021). *Silicon values: The future of free speech under surveillance Capitalism*. New York: Verso.

25. Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance Capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. London: Profile Books.

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Давыдов, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>, e-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Information about the author

Dmitry Alexandrovich Davydov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>, e-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

УДК 316.422

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_82

КРИЗИС ВНЕШНЕЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Елена Григорьевна Дьякова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
falcon343@bk.ru

Анна Давидовна Трахтенберг,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
cskiit@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.06.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Кризис внешней управленческой экспертизы в условиях пандемии COVID-19 // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 82-103. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_82

Аннотация

Пандемия COVID-19 резко повысила востребованность внешней управленческой экспертизы, осуществляемой профессионалами, не включенными непосредственно в структуру государственного управления. Произошла массовая кооптация профессионалов в экспертные органы, как уже существовавшие, так и чрезвычайные. Эксперты-профессионалы, успешно выполнявшие прагматическую функцию выработки стратегии и тактики противодействия пандемии, не смогли справиться с функцией

© Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д., 2022

рациональной легитимации решений властей, основанных на предлагаемых ими противоэпидемических мерах. В статье на основе обзора литературы о роли экспертов в борьбе с COVID-19 предлагается модель взаимодействия экспертов, органов власти и гражданского общества в ситуации информационной революции и исчезновения «привратников», контролирующих потоки информации в публичном пространстве. Отмечается, что власти, опасаясь в том числе превращения управленческой экспертизы в политическую, использовали для набора экспертов очень узкий круг медико-технологически ориентированных профессионалов, практически полностью игнорируя «экспертов-мирян», являющихся носителями «здорового смысла» заинтересованных сообществ. Подобный поход к набору экспертов, а также конфликты внутри самой экспертной среды создали предпосылки для роста эпистемологического недоверия к предлагаемым мерам. В условиях информационной революции это привело к формированию слоя контрэкспертов, опирающихся на стигматизированное официальными экспертами знание. Авторы статьи на конкретных примерах рассматривают основные характеристики контрнаучного дискурса (мимикрия под научный дискурс, конспирологический и популистский характер) и делают общий вывод о том, что пандемия COVID-19 привела к усилению тенденций рефлексивной модернизации.

Ключевые слова:

COVID-19, внешняя управленческая экспертиза, рациональная легитимация, эксперты-профессионалы, научная рациональность, научный натурализм, «эксперты-миряне», социальная рациональность, эпистемологическое недоверие, контрэксперты.

UDC 316.422

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_82

THE CRISIS OF POLICY ADVICE IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Elena G. Dyakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
falcon343@bk.ru

Anna D. Trakhtenberg,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
cskiit@yandex.ru

Article received on June 15, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Dyakova, E.G., Trakhtenberg, A.D. (2022). The Crisis of Policy Advice in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Discourse-P*, 19(4), 82-103. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_82

Abstract

The COVID-19 pandemic has sharply increased the demand for policy advice carried out by professionals not directly involved in the structure of public administration. There has been a massive co-optation of professionals into expert bodies, both already existing and emergency ones. Successfully performing the pragmatic function of developing a strategy and tactics to counter the pandemic, professional experts could not cope with the function of rational legitimation of the decisions made by the authorities based on the anti-epidemic measures being proposed. Based on a review of the literature on the role of experts in the fight against COVID-19, the article suggests a model of interaction between experts, authorities, and civil society in the conditions of the information revolution and the disappearance of “gatekeepers” controlling the information flow in the public space. It is noted that the authorities, fearing, among other things, the transformation of policy advice into political advice, used a very narrow circle of medico-technologically oriented professionals to recruit experts, almost completely ignoring lay experts, the “common sense” carriers of the communities concerned. Such an approach to recruiting experts, as well as conflicts within the expert environment itself, created prerequisites for the growth of epistemological distrust of the proposed measures. In the conditions of the information revolution, this has led to the formation of a layer of counter-experts, relying on knowledge stigmatized by official experts. The article using concrete examples discusses the main characteristics of the counter-scientific discourse (mimicking scientific discourse, conspiracy, and populist nature), and concludes that the COVID-19 pandemic has led to an increase in the tendencies of reflexive modernization.

Keywords:

COVID-19, policy advice, rational legitimation, professional experts, scientific rationality, scientific naturalism, lay experts, social rationality, epistemological mistrust, counter-experts.

Введение

Привлечение научных институтов и отдельных их представителей для консультаций при решении управленческих проблем является общемировой практикой. Существует специальный термин *policy advice*, под которым понимается сопровождение внешними экспертами управленческих решений. Эксперты являются носителями специализированного научного знания и называются внешними, поскольку не состоят на государственной службе и не представляют властные институты (в отличие от внутренних экспертов, которые в качестве

носителей специализированного знания непосредственно включены во властную иерархию).

В соответствии с классической схемой Г. Саймона, согласно которой при принятии решений политики ориентируются на интересы и ценности, а сотрудники органов власти (бюрократы) снабжают их фактами (Symon, 1957), от *policy advice* (внешней управленческой экспертизы) отличают *political advice* (внешнюю политическую экспертизу). *Policy advice* предполагает снабжение внешними экспертами органов управления релевантной информацией для того, чтобы они могли самостоятельно принимать эффективные решения в заданных политической системой рамках, в то время как *political advice* включает внешних экспертов в принятие решений, напрямую связанных с распределением властных полномочий и трансформацией политической системы.

В отечественной литературе различие между внешней политической и управленческой экспертизой подробно рассмотрено А. Ю. Сунгуровым в монографии (Сунгуров, 2016) и серии статей (Сунгуров, Карягин, 2017; Сунгуров, 2018; Сунгуров, Шамшура, 2020). Он выделил несколько видов *policy advice*, начиная с «нишевой» экспертизы, когда эксперты как носители знания дают заключения в кратчайший срок, который может соответствовать дням или даже часам, до формирования совещательно-консультативных органов при органах исполнительной власти и независимых исследовательских центрах, обеспечивающих органы власти рекомендациями на постоянной и институционализированной основе.

Внешняя управленческая экспертиза выступает в качестве инструмента для решения ключевой для качества управления проблемы «принципал – агенты», связанной с тем, что нижестоящие агенты (особенно представители низовых органов исполнительной власти, непосредственно контактирующие с гражданами) всегда располагают большей информацией о «ситуации на местах», чем принципалы, и склонны в собственных интересах ограничивать доступ принципалов к этой информации. Внешняя экспертиза создает независимый канал трансляции информации, тем самым повышая эффективность процессов принятия управленческих решений (подробнее см. Дьякова, Трахтенберг, 2019).

Пандемия COVID-19 резко усилила потребность в привлечении внешних экспертов. Она поставила перед органами власти качественно новые задачи, связанные не только с организацией медицинского карантина, прививочной кампании и лечебных мероприятий, но и с символическим управлением страхом смерти (*terror management*) (Pyszczynski et al., 2020).

Кризис, порожденный пандемией, не только носил трансграничный характер, но и отличался неопределенностью при определении соотношения целей и средств и неуверенностью относительно ценностей (Christensen & Læg Reid, 2022). Всем правительствам мира пришлось не только выбирать между несколькими возможными и зачастую противоположными по направленности вариантами рационально обоснованных противоэпидемиологических стратегий (от китайской стратегии «нулевой терпимости» до шведской концепции достижения стихийного коллективного иммунитета), но и маневрировать между снижением нагрузки на систему здравоохранения и помощью социально незащищенным группам населения, сохранением экономики и борьбой с безработицей и т. д.

Внешние эксперты были призваны содействовать принятию верных управленческих решений в условиях неопределенности, проясняя эту неопределенность за счет знания объективной истины (того, как обстоят дела на самом деле) и действуя в интересах общества в целом, а не отдельных его групп. Одновременно внешние эксперты должны были выполнять и вторую, символическую функцию – рациональной легитимации управленческих решений и всей системы управления, повышая доверие граждан к власти. Таким образом в ситуации неопределенности и риска внешняя управленческая экспертиза должна была содействовать принятию одновременно хорошо обоснованных и позитивно воспринимаемых гражданами решений (Boswell, 2009), выступая в том числе в качестве инструмента управления страхом смерти, или «управления ужасом».

Однако первоначально среди экспертов-профессионалов отсутствовало единство по вопросу, каким образом следует бороться с пандемией COVID-19. По мере углубления понимания природы вируса они постепенно приходили к консенсусу, что позволяло им все более эффективно выполнять функцию по выработке научно обоснованных рекомендаций по системе антиэпидемиологических мер. Однако применительно ко второй функции – рациональной легитимации властных решений, основанных на этих рекомендациях, о высокой эффективности «управления ужасом» говорить было сложно. В этом, безусловно, сыграли свою роль разногласия между экспертами на первом этапе пандемии. И хотя им удалось их преодолеть, степень доверия граждан статусным экспертам зачастую была ниже, чем степень доверия практикующим врачам, а доверие личному опыту и конкретному человеку было выше, чем доверие институтам здравоохранения (применительно к ситуации в России см. исследование, проведенное Социологическим антикризисным центром¹). Более того, предложенные экспертами меры вызвали во многих странах мира волны протестов и породили антикарантинную и антипрививочную идеологию. Эта идеология опиралась и продолжает опираться на альтернативных внешних экспертов (контрэкспертов), противопоставляющих себя «официальным» экспертам как необъективным и ангажированным, в крайних формах – даже состоящим в заговоре в интересах фармакологических компаний или «глубинного государства».

Таким образом, из-за пандемии COVID-19 произошло одновременное усиление прагматической функции внешней управленческой экспертизы и ослабление ее легитимирующей функции. В настоящей статье мы, опираясь на теорию рефлексивной модернизации У. Бека, Э. Гидденса и С. Лэша (Beck, 1992; Beck et al., 1994), а также на модель стигматизированного знания М. Баркуна (Barkun, 2013), проанализируем, как стали возможны эти два противоположных по направленности процесса и попытаемся создать модель взаимодействия экспертов, органов власти и гражданского общества в условиях информационной революции, радикально реконфигурирующей публичное пространство и формирующей новых лидеров мнений с одновременной утратой традиционными институтами коммуникации функции «привратников», регулирующих доступ к жизненно важной информации.

¹ Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. Сводка № 6 (2020).

Взято 10 июня 2022, с <https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/04/soc-antikrizisnyy-centr-svodka-6.pdf>

Демократизация внешней экспертизы как проявление рефлексивной модернизации

При определении, кого следует считать экспертом-профессионалом, в литературе принято ссылаться на Э. Голдмана, который полагал, что такой эксперт должен отвечать двум основным требованиям: обладать обширными знаниями в требуемой области и уметь применять их для оценки ситуации и рационального предвидения возможных последствий тех или иных решений. Эксперт-профессионал претендует на знание правильных ответов на обсуждаемые вопросы, поскольку опирается на свои знания и методы применения этих знаний для решения конкретных проблем (Goldman, 2001). В основе эпистемологического авторитета экспертов-профессионалов лежит научный натурализм, в рамках которого в качестве источника достоверного знания могут выступать только эмпирические, intersubjectively воспроизводимые и могущие быть опровергнутыми результаты исследования. Все остальные виды знания рассматриваются либо как нелегитимные, либо как редуцируемые к научному знанию (De Caro & Macarthur, 2010).

Нетрудно заметить, что данный подход находится целиком в рамках Модерна. В нем воспроизводятся требования к агентам, характерные для науки как социального института: внешним экспертом может быть только профессионал, чья компетентность, мотивация, опыт работы и репутация, как и отсутствие личной заинтересованности в принятии того или иного управленческого решения, могут быть удостоверены другими членами научного сообщества, и никем иным (Lavazza & Farina, 2020). Объективность и беспристрастность экспертов-профессионалов противопоставляются как основанному на социальной рациональности («здравом смысле») суждению рядовых граждан, так и позиции сотрудников органов власти, которые в политических и/или корпоративных интересах склонны исказить реальное положение вещей, чтобы успешнее отчитаться перед начальством и/или гражданами.

Однако по мере того, как выгоды от научно-технического прогресса все больше перекрывались накоплением рисков, позиция экспертов-профессионалов стала все сильнее подвергаться сомнению. Начиная с 1960-х гг. резко усиливается критика сциентизации политики и начинается демократизация экспертизы, в рамках которой происходит переход от легитимации через знание к легитимации через соучастие (Maasen & Weingart, 2005). Наряду с экспертами-профессионалами появляются «эксперты-миряне», которые «располагают аналитическими навыками, основанными на практике и опыте» (Jasanoff, 2005), т. е. ориентируются не на специализированное знание, а на непосредственный опыт проживания той или иной социальной ситуации. Такие эксперты являются носителями социальной рациональности, т. е. коллективно выработанных тактик более или менее успешного решения социальных проблем, никак не фундированных с точки зрения специализированного знания. Иными словами, востребованным оказывается не только мнение врачей (экспертов-профессионалов), но и их пациентов, взгляд которых на врачебные процедуры, как и оценка их эффективности, может существенно отличаться от институционально одобряемого.

Процесс легитимации «экспертов-мирян» занял значительное время (подробнее см. Дьякова, 2019), но в результате появился новый тип экспертных

рекомендаций, основанный не на научно удостоверенном знании, а на делиберативном процессе, направленном на поиск компромисса, в рамках которого научная и социальная рациональность теоретически были уравнены в правах. Соответственно, результатом экспертизы стали считать социально конструируемое на основе взаимодействия разных типов экспертов ценностное знание (Krick, 2015). На практике эксперты-профессионалы сохранили заметно больший вес и влияние, чем «эксперты-миряне», однако им стали регулярно напоминать о необходимости признать ценностный характер своей деятельности (Carrier, 2022), а также о необходимости «эпистемологического смирения» (Ho, 2011).

Демократизацию экспертизы и институционализацию внешних «экспертов-мирян» можно рассматривать как одно из проявлений рефлексивной модернизации. По мнению авторов данной теории – У. Бека, Э. Гидденса и С. Лэша, чем больше обществ модернизируются, тем больше агентов приобретают способность размышлять о социальных условиях своего существования и, соответственно, изменять их. Результатом становится знание в различных формах – научное, опытное, повседневное (Beck et al., 1994). Как подчеркивает У. Бек, рефлексивная модернизация связана с появлением «невидимых рисков», которые целиком основываются на казуальных интерпретациях и открыты для переопределения и дискуссий, причем подобные дискуссии идут на нормативном горизонте утраченной уверенности и нарушенного доверия к существующим институтам. Следствием становится разрушение монополии науки на рациональность и, следовательно, на экспертизу. У. Бек вводит понятия «контрэкспертиза» и «антиэксперты», подчеркивая, что речь идет о конкурирующих, конфликтных и борющихся за влияние претензиях на истину.

Пандемия COVID-19 также может быть включена в категорию «невидимых рисков». Постоянное присутствие невидимой, но оттого еще более пугающей смертельной опасности привело к обострению конфликта между экспертизой и контрэкспертизой, вплоть до его политизации.

COVID-19 и внешняя управленческая экспертиза: «месть экспертов»?

Роли внешних экспертов в борьбе с пандемией COVID-19 посвящена целая серия работ, написанных на материале самых разных стран (Лукашик-Турецка, 2021; Atlani-Duault et al., 2020; Bækgaard et al., 2020; Badora-Musiał & Dusza, 2020; Brooks-Pollock et al., 2021; Bruat et al., 2022; Camporesi et al., 2022; Gesser-Edelsburg et al., 2021; Nadareishvili et al., 2022; Pierre, 2020), а также ряд обобщающих статей (Lavazza & Farina, 2020; Christensen & Lægreid, 2022; Eichengreen et al., 2021; Esmark, 2021; Lasco, 2020; Mazzochi, 2021; Pietrini et al., 2022). К сожалению, отечественные авторы пока уделяют данной теме недостаточное внимание (несмотря на то, что в ходе пандемии рекомендациям внешних экспертов подвергались резкой критике в российском общественном мнении). Они в основном концентрируются вокруг проблемы доверия экспертам, исключая более широкий институциональный и культурный контекст (см., например, Беспалова, Вялых, 2022; Макушева, Нестик, 2020; Федотова, 2021).

Как показали проведенные исследования, пандемия резко повысила востребованность экспертов-профессионалов в сфере здравоохранения. Она вы-

росла одновременно по обоим основным параметрам: выработка рекомендаций по борьбе с COVID-19 и легитимация принятых органами власти мер, доказывающая, что ситуация полностью находится под контролем. В институциональном плане это выразилось в резкой активизации работы уже существующих консультативных органов и активном формировании новых «чрезвычайных» органов, специализированных для противодействия пандемии, расширении и углублении контактов экспертов-профессионалов с теми, кто принимает решения.

Одновременно резко возросло присутствие наиболее влиятельных (и/или телегеничных) экспертов в информационном пространстве, причем не только с научно обоснованными рекомендациями, но и со статистическими данными о ходе пандемии, моделями и прогнозами распространения COVID-19. Научный дискурс и научная рациональность в буквальном смысле «пришли в каждый дом». В результате исследователи заговорили о «мести экспертов» (Eichengreen et al., 2021), которым наконец-то удалось вернуть себе монопольное положение в сфере внешней управленческой экспертизы.

Можно было бы говорить о торжестве научного натурализма и «медико-технологической парадигмы» (Rajan & Koch, 2020) в сфере внешней управленческой экспертизы, если бы речь шла не о новом, слабоизученном заболевании, меры противодействия распространению и протоколы лечения которого выработывались непосредственно в ходе пандемии. В результате эксперты не могли прийти к единой точке зрения и зачастую конкурировали между собой, предлагая органам власти на выбор сразу несколько научно обоснованных стратегий противоэпидемических мер. Это могло приводить к резким поворотам в государственной политике. Так, в Великобритании на первом этапе пандемии была избрана стратегия достижения коллективного иммунитета, поскольку считалось, что англичане (в отличие, например, от китайцев) просто не потерпят ограничения личных свобод². Однако в марте 2020 г. группа исследователей из Имперского колледжа Лондона опубликовала аналитический доклад³, в котором была рассчитана смертность при реализации данной политики (в маловероятных условиях полного отсутствия карантинных мер и сохранения доковидных моделей поведения). В соответствии с прогнозом она могла превысить полмиллиона человек. В результате правительство Великобритании стремительно поменяло стратегию, перейдя к жесткой ограничительной политике и обвинив экспертов Научной консультативной группы по чрезвычайным ситуациям (The Scientific Advisory Group for Emergencies) в том, что те давали «неправильные советы»⁴. «Имперская модель» была впоследствии подвергнута критике (Cooper et al.,

² Horton, R. (2020, February 18). *Scientists have been sounding the alarm on coronavirus for months. Why did Britain fail to act?* Retrieved June 10, 2022, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/18/coronavirus-uk-expert-advice-wrong>

³ *Report 9 – Impact of non-pharmaceutical interventions (NPIs) to reduce COVID-19 mortality and healthcare demand* (2020, March 16). Retrieved June 10, 2022, from <https://www.imperial.ac.uk/mrc-global-infectious-disease-analysis/covid-19/report-9-impact-of-npis-on-covid-19/>

⁴ Colson, T. (2020, May 19). *The UK government blames its own scientists for giving it the ‘wrong’ advice on tackling the coronavirus.* Retrieved June 10, 2022, from <https://www.businessinsider.com/coronavirus-uk-blames-scientists-for-wrong-advice-on-pandemic-2020-5>

2021) представителями научного сообщества. Как и можно было предполагать, эта критика была использована контрэкспертами для обоснования того, что власти и официальное здравоохранение скрывают и искажают правду о пандемии. Особо следует подчеркнуть, что политическое решение было основано не на предложенных экспертами профессионалами медико-технологических соображениях, а на чисто ценностных (недопустимости достижения блага для всего общества за счет самых слабых его членов).

Правительства других стран мира, возможно, не совершали столь радикальных поворотов, однако и для них были характерны колебания и метания, поскольку, особенно в начале пандемии, решения приходилось принимать в условиях цейтнота, а карантинные меры вынужденно носили упреждающий характер. Реальная эффективность рекомендованных экспертами мер впоследствии могла оказаться крайне низкой. Например, так произошло с рекомендациями по дезинфекции поверхностей. Было доказано, что риск заражения COVID-19 при контакте с зараженной поверхностью минимален (1 на 100 тыс. случаев) (Xin et al., 2022), однако на первом этапе меры по дезинфекции усиленно рекомендовались экспертами во всех странах мира и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ).

Практически всегда профессиональные группы, из которых кооптировались в совещательные органы эксперты-профессионалы, были ориентированы медико-технологически. В таких органах, как постоянных, так и чрезвычайных, доминировали эпидемиологи, вирусологи, медицинские статистики и специалисты по лечению легочных заболеваний. Практически не привлекались эксперты по психологии, педиатрии, гериатрии, хроническим заболеваниям и профилактической медицине. Можно предположить, что это было связано с опасениями властей, что их привлечение превратит управленческую экспертизу в политическую, резко увеличив объем рекомендаций, основанных не на технологиях, а на ценностях.

Что касается «экспертов-мирян», то их озабоченности, связанные с влиянием предлагаемых мер на качество жизни, права человека и человеческое достоинство, как правило, игнорировались: практически нигде не было создано никаких институализированных структур, обеспечивающих взаимодействие органов власти и гражданского общества. Д. Раджан и К. Кох в качестве редкого позитивного образца привели Таиланд (Rajan & Koch, 2020), однако данный пример вызывает определенные сомнения. Отсутствие взаимодействия с «экспертами-мирянами» вызвало протесты, дошедшие до такого влиятельного медицинского журнала, как «Ланцет» (Brocard et al, 2021; Atlani-Dualt et al., 2020). Сторонники «демократии здоровья» резко критиковали ситуацию, когда «правительство указывает сообществам, что они должны делать, при минимальной обратной связи с этими сообществами» (Marston et al., 2020).

Опора на узкий круг ориентированных медико-технологически экспертов при игнорировании более широкого круга специалистов и «экспертов-мирян» создала предпосылки для усиления тенденций рефлексивной модернизации. Но поскольку в условиях такой модернизации кризис научного авторитета сочетается с «солидным фоном веры в науку» (Beck, 1992), борьба научной и социальной рациональности за право суверенного суждения о том, как определять пандемию COVID-19, приняла форму борьбы научного и контрнаучного дискур-

са. Последний целенаправленно мимикрировал под своего соперника, используя характерные для науки как социального института дискурсивные практики: ссылки на научные авторитеты, статистические выкладки, модели и прогнозы.

COVID-19 и распространение стигматизированного знания: «месть мирян»?

Пандемия привела к росту не только востребованности внешней управленческой экспертизы, но и ее «видимости» для общества. В этих условиях типичные для институтов науки процессы накопления и развития системы эмпирических знаний, на основе которых вырабатываются практические рекомендации, стали восприниматься как проявления недостаточной компетентности и даже политической ангажированности.

Характерно, что доверие к официально привлеченным экспертам и официально признанной науке в ходе пандемии COVID-19 проявляло устойчивую тенденцию к снижению. Так, по данным американского исследовательского центра Пью (Pew Research Center), доля американцев, которые заявляли, что вообще не испытывают доверия к ученым, в том числе к ученым-медикам, повысилась с 13% в январе 2019 г. до 22% в декабре 2021 г.⁵ Ту же тенденцию отмечали и российские социологи: по данным ВЦИОМ, с 2010 по 2020 гг. показатель недоверия ученым вырос в 2,5 раза, с 8 до 16%, в то время как показатель абсолютного доверия снизился с 28 до 12%⁶.

Однако при анализе «мести мирян» следует учитывать, что сторонники контрнаучного дискурса ни в коей мере не считали себя обскурантами. Наоборот, они воспринимали себя как борцов за научную истину, которую искажает и предает официальная наука, отождествляя социальную и научную рациональность. Это происходило не просто за счет тенденциозного подбора и интерпретации фактов (или того, что носители контрнаучного дискурса соглашались считать фактами), но и за счет отождествления следствия и цели. Как известно, следствием пандемии COVID-19 стала массовая прививочная кампания и разнообразные формы цифрового контроля за гражданами. С точки зрения носителей контрнаучного дискурса, это следствие и было изначальной целью организаторов пандемии (в роли которых выступали самые разнообразные субъекты, включая представителей научного истеблишмента). Таким образом, контрнаучный дискурс одновременно выступал как дискурс конспирологический, направленный на разоблачение подлинных виновников медицинской и социальной катастрофы.

На то, что контрнаучный дискурс может принимать формы, подражающие дискурсу научному, впервые обратил внимание в 1960-е гг. Р. Хофстедтер в классическом эссе «Параноидальный стиль в американской политике». Он не без

⁵ *Americans' trust in scientists, other groups declines. Report* (2022, February 15). Retrieved June 10, 2022, from <https://www.pewresearch.org/science/2022/02/15/americans-trust-in-scientists-other-groups-declines/>

⁶ *Наука и ученые на фоне пандемии: кризис общественного доверия? Аналитический обзор ВЦИОМ* (2020, 20 июля). Взято 10 июня 2022, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-uchyonye-na-fone-pandemii-krizis-obshhestvennogo-doveriya>

удивления отметил, что для «параноидальной (конспирологической. – Е.Д., А.Т.) литературы» характерны: «почти трогательная забота об эмпирических доказательствах», «героическое стремление опираться на факты для того, чтобы доказать, что верить можно только в невероятное», использование научных техник для обоснования своей правоты (Hofstadter, 1964).

Опираясь на это наблюдение Р. Хофстадтера, М. Баркун предложил дополнить оппозицию научного и контрнаучного дискурса оппозицией институционально утвержденного и стигматизированного знания (Bargun, 2013). Науке как социальному институту противостоит знание, носители которого считают его истинным, несмотря на то, что институты науки его не признают. Стигматизация позволяет объяснить отсутствие признания со стороны официальных институтов сознательным стремлением скрывать от граждан правду. Соответственно, сам факт стигматизации становится доказательством истинности знания: будь оно ложным, его бы не преследовали и не отрицали. На этой основе формируется общность тех, кто знает правду, противопоставляющая себя тем, кто правду скрывает.

Отрицая официальную науку, носители стигматизированного знания тем не менее с энтузиазмом под нее мимикрируют, прежде всего, путем использования научной традиции создания библиографий и формирования системы перекрестных ссылок. В рамках стигматизированного знания «авторы любезно цитируют друг друга, поскольку в результате один и тот же текст воспроизводится все снова и снова, что создает эффект псевдоподтверждения» (Bargun, 2013). Основным приемом при этом является «наивная критика источников», направленная на то, чтобы отделить их от профессиональной и по определению искаженной интерпретации, так что в контрнаучный дискурс вплетается «мистический компонент с конспирологическими обертонами» (Кормина, 2015).

Как, например, выглядит контрнаучное обоснование опасности мобильной связи пятого поколения, на которую была возложена вина за распространение коронавируса, что в свою очередь спровоцировало волну нападений на вышки 5G (или то, что нападавшие считали таковыми⁷)? Текст рассуждения взят из социальной сети *Reddit* в качестве типичного примера наивной критики источников в рамках контрнаучного дискурса⁸.

Оказывается, что частоты 5G заставляют молекулы кислорода колебаться с частотой 60 млрд Герц в секунду, из-за чего они не могут связаться с гемоглобином в крови человека, что приводит к гипоксии (т.е. симптомам коронавируса). Приводится поясняющий бытовой пример: вышки 5G действуют по принципу микроволновой печи (предмета повседневного и привычного в пользовании). Только в микроволновой печи с частотой 2,45 млрд Герц в се-

⁷ Щербakov, А. (2020, 3 мая). *В России сожгли первую телефонную вышку. Люди боятся внедрения 5G*. Взято 10 июня 2022, с https://hi-tech.mail.ru/news/v_rossii_sojgli_pervuyu_vishku/; Chan, K., Dupuy, B., & Lajka, A. (2020, February 21). *Conspiracy theorists burn 5G towers claiming link to virus*. Retrieved June 10, 2022, from <https://apnews.com/article/4ac3679b6f39e8bd2561c1c8eeafd855>

⁸ *The 5g coronavirus connection explained* (2020, March 4). Retrieved June 10, 2022, from https://www.reddit.com/r/conspiracyNOPOL/comments/fd2qdd/the_5g_coronavirus_connection_explained/

кунду колеблются молекулы воды, и их трение разогревает еду. Это позволяет перейти к утверждению, что «теперь, когда мы понимаем, как работает микроволновка, мы можем использовать этот пример для того, чтобы объяснить, что происходит с молекулами кислорода, когда они подвергаются воздействию сигнала 5G». К объяснительной схеме прилагается подтверждающий эмпирический факт: в китайском Ухане (и еще в нескольких китайских городах), где началась пандемия, осенью 2019 г. как раз проводили тестирование 5G-сетей.

Хотя ВОЗ за несколько дней до появления поста посвятила особую страницу на своем сайте разъяснению полной безопасности излучения вышек 5G для человека⁹, носители контрнаучного дискурса его полностью проигнорировали, поскольку принципиально не доверяют любым объяснениям, исходящим от институтов с признанным экспертным и научным авторитетом (включая, разумеется, ВОЗ). Контрнаучное объяснение, сохраняя видимость научности, не предъявляет излишних требований к естественнонаучной компетенции читателя. Ему достаточно знать, что его организм состоит из молекул, которые могут попасть под невидимое, и оттого еще более опасное, внешнее влияние. Объяснение призвано побудить к действиям: как минимум, предупредить других людей об опасности, как максимум, уничтожить источники опасного воздействия.

В рамках контрнаучного дискурса функционируют собственные влиятельные контрэксперты, а официальные эксперты-профессионалы последовательно делегитимизируются и демонизируются. Именно так произошло с Э. Фаучи, главным медицинским советником президента США, директором Национального института аллергии и инфекционных заболеваний. В глазах контрэкспертов он стал ключевым агентом транснациональных фармакологических компаний (Big Pharma), стремящихся обеспечить себе максимальную прибыль за счет здоровья граждан, а также сообщником Б. Гейтса по созданию нового мирового порядка путем чипирования граждан под видом противокоронавирусных прививок. По мнению контрэкспертов, Э. Фаучи многократно преувеличивал опасность COVID-19 и, опираясь на фальсифицированные результаты исследований, побуждал власти к введению мер, ограничивающих свободу граждан и усиливающих контроль за их повседневной жизнью.

Главным контрэкспертом в данном случае стал представитель элиты – Р. Ф. Кеннеди-младший, сын сенатора Р. Кеннеди и племянник президента Дж. Кеннеди, посвятивший разоблачению Э. Фаучи целую книгу (Kennedy, 2021). Она представляет собой типичный образец контрнаучного дискурса, пестрит ссылками на членов медицинского сообщества, выступавших против официальной версии пандемии. Само собой разумеется, что они делали это «во имя преданности пациентам и подлинным научным исследованиям». Список медиков, которым автор выражает благодарность в конце книги, включает 46 специалистов, при этом он ссылается еще на тысячи менее известных профессионалов, которые решились рискнуть всем, противостоя официальным экспертам. Почетное место в списке занимает Л. Монтанье – нобелевский лау-

⁹ *Radiation: 5G mobile networks and health* (2020, February 27). Retrieved June 10, 2022, from <https://www.who.int/news-room/q-a-detail/radiation-5g-mobile-networks-and-health>

реат, один из первооткрывателей вируса иммунодефицита человека, сторонник теории лабораторного происхождения COVID-19 (и гомеопатии), который сравнил Э. Фаучи с Й. Геббельсом (сам Р. Ф. Кеннеди не так давно сравнил его с Й. Менгеле¹⁰). Критика научного истеблишмента в контрнаучной экспертизе вполне сочетается со стремлением использовать его авторитет в собственных интересах. Книга завершается заявлением о том, что «мы больше не можем «доверять экспертам» или следовать их искаженной версии науки» (Kennedy, 2021). Разоблачение официального эксперта имело и имеет несомненный успех: «Настоящий Энтони Фаучи» на момент написания статьи продолжал занимать первое место в рейтингах разделов «Вирусология» и «Биографии ученых» на платформе *Amazon*, причем особо подчеркивалось, что уже «продано свыше миллиона экземпляров несмотря на цензуру, бойкоты книжных магазинов и библиотек и нападки на автора»¹¹.

Это стало возможно благодаря тому, что с массовым распространением социальных сетей между потребителями информации и ее производителями больше не стоят институционализированные посредники-«привратники». В результате различие между маргинальными и общепризнанными источниками информации размывается. Носители маргинальных взглядов получают возможность не только обмениваться информацией, формируя «информационные пузыри», но и широко ее распространять. На помощь им приходят сами социальные сети, алгоритмы которых настроены таким образом, что происходит «взаимоопыление» пользователей, так что, заинтересовавшись той или иной маргинальной конструкцией, пользователь попадает в систему перекрестных ссылок, из которой уже не может выбраться¹². Не случайно в современной социологии принято сравнение социальных сетей с «кроличьей норой», в которую попала любопытная Алиса и из которой она смогла выбраться, только осознав, что ее окружают сконструированные образы-фейки.

Когда в условиях пандемии COVID-19 смертельная невидимая опасность стала угрожать всем и каждому, маргинальные группы носителей стигматизированного конспирологического знания начали привлекать все больше последователей и сливаться друг с другом, что привело к резкому расширению зоны эпистемологического недоверия, в которой право признанных авторитетов на монополию на истину не признается принципиально. В результате и возникла ситуация, когда официальные эксперты, успешно выполняя прагматическую функцию, с явным трудом выполняли функцию рациональной легитимации, а их научные аргументы в глазах массовой аудитории не могли выдержать контрнаучной критики.

¹⁰ Nyquist, J.R. (2022, January 4). *An American Mengele: Robert Kennedy on Anthony Fauci*. Retrieved June 10, 2022, from <https://jrnyquist.blog/2022/01/04/an-american-mengele-robert-kennedy-on-anthony-fauci/>

¹¹ *The real Anthony Fauci: Bill Gates, Big Pharma, and the global war on democracy and public health* (2021, November 16). Retrieved June 10, 2022, from <https://www.amazon.com/Real-Anthony-Fauci-Democracy-Childrens/dp/1510766804>

¹² Thomas, E. (2021). *Recommended reading: Amazon's algorithms, conspiracy theories and extremist literature*. Retrieved June 10, 2022, from <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/04/Amazon-1.pdf>

Заключение

Демократизация экспертизы не выдержала испытания пандемией. В чрезвычайном положении власти большинства стран мира предпочли кооптацию узкопрофильных экспертов-профессионалов созданию коалиции экспертов-профессионалов и «экспертов-мирян». В результате борьба с COVID-19 стала носить медико-технологический характер. Однако сциентизация политики не означала, что эксперты стали принимать решения за носителей власти. Внешняя экспертиза в условиях пандемии позиционировалась как строго управленческая, хотя серая зона между управленческой и политической экспертизой не только расширилась, но и стала лучше видна ввиду возрастания публичности экспертной деятельности. Эксперты, функционировавшие в серой зоне, такие как Э. Фаучи, превратились в объект резкой критики контрэкспертов, в свою очередь позиционировавших себя как защитников интересов масс. Контрэкспертиза приобрела отчетливую популистскую окраску и спровоцировала формирование политизированной зоны эпистемологического недоверия, в которой граждане не верят не только тому, что говорят конкретные эксперты, но и не доверяют науке как социальному институту, как и другим социальным и политическим институтам, тем более что, опираясь на стигматизированное знание, можно описать любую угрозу, с которой борются официальные институты, как ложную, одновременно обвиняя элиты в том, что они недостаточно противодействуют настоящим угрозам.

Это происходило тогда, когда органы власти особенно нуждались в активном участии в граждан в реализации антиковидных мер. В результате чем больше представители власти, с целью обосновать легитимность своих действий и доказать их эффективность, опирались на научное и экспертное сообщество, тем более сильным оказывалось контрэкспертное сопротивление.

Вопрос о том, каким образом эффективно работать со стигматизированным знанием и порождаемым им эпистемологическим недоверием, в настоящее время активно обсуждается. Наряду с призывами к «эпистемологическому смирению» и осознанию ограниченности научного натурализма раздаются призывы вернуться к эпистемологическому патернализму (Ahlstrom-Vij, 2013) и «запечатать ворота постправды» (Kienhues, 2020). В то же время опыт 2019–2021 гг. показал крайнюю сложность и неэффективность процессов переубеждения сторонников разнообразных контрнаучных конструкций. Рефлексивная модернизация оказалась более мощным и одновременно более противоречивым процессом, чем ожидали авторы теории.

Список литературы

1. Беспалова, А. А., Вялых, Н. А. (2022). Доверие к науке и системе здравоохранения в период пандемии COVID-19: взаимосвязь и новые вызовы. В М. Ю. Сурмач (Ред.), *Исторические основы профессиональной культуры в здравоохранении: Сборник статей международной научно-практической конференции* (с. 19–23). Гродно: ГрГМУ.
2. Дьякова, Е. Г. (2019). «Честная сбалансированность» или

самостоятельность: проблематизация дискурса совещательно-консультативных органов в отечественной и американской административных традициях. *Вестник Томского государственного университета*, (438), 97–107. <https://doi.org/10.17223/15617793/438/13>

3. Дьякова, Е. Г., Трахтенберг, А. Д. (2019). Роль совещательно-консультативных органов в борьбе с коррупцией: американская и российская административные традиции. В В. Н. Руденко (Ред.), *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции* (с. 689–705). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН.

4. Кормина, Ж. В. (2015). Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России. *Антропологический форум*, (27), 149–175.

5. Лукасик-Турецка, А. (2021). Медицинские эксперты как новые участники политической коммуникации в Европе во время пандемии COVID-19 на примере Польши и Латвии. *Wshodni Rocznik Humanistyczny*, 18(4), 123–132. <https://doi.org/10.36121/aturecka.18.2021.4.123>

6. Макушева, М. О., Нестик, Т. А. (2020). Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (6), 427–447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>

7. Сунгуров, А. Ю. (2016). *Экспертное сообщество и власть*. СПб.: Алейтейя.

8. Сунгуров, А. Ю. (2018). Экспертное сообщество и власть: Модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности. *Полис*, (4), 130–142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>

9. Сунгуров, А. Ю., Карягин, М. Е. (2017). Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия. *Полис*, (3), 144–159. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>

10. Сунгуров, А. Ю., Шамшура, К. А. (2020). Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России. *Политическая наука*, (1), 64–86. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03>

11. Федотова, Г. В. (2021). Пандемия COVID-19 в 2021 году: проблемы доверия. *Знание. Понимание. Умение*, (4), 111–125. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2021.4.9>

12. Ahlstrom-Vij, K. (2013). *Epistemic paternalism. A defence*. London: Palgrave Macmillan.

13. Atlani-Duault, L., Chauvin, F., Bruno, L., Banamouzig, D., Bouadma, L., Druais, P. L., Hoang, A., Grard, M.-A., Malvy, D., & Delfraissy, J. (2020). France's COVID-19 response: balancing conflicting public health traditions. *Lancet*, 396(10246), 219–221. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31599-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31599-3)

14. Badora-Musiał, K., & Dusza, D. (2020). Politycy i eksperci – Polska i USA w obliczu pandemii COVID – 1. *Medicine Zdrowie Publiczne i Zarządzanie*, 18(3), 202–221. <https://doi.org/10.4467/20842627OZ.20.022.14139/>

15. Bækgaard, M., Blom-Hansen, J., & Serritszlev, S. (2020). How politicians see their relationship with top bureaucrats: Revisiting classical images. *Governance*, 35(1), 5–24. <https://doi.org/10.1111/gove.12558>

16. Barkun, M. A. (2013). *Culture of conspiracy: Apocalyptic visions in contemporary America*. Los Angeles: University of California Press.
17. Beck, U. (1992). *Risk society. Towards a new modernity*. London: Sage.
18. Beck, U., Giddens, A., & Lash, S. (1994). *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Stanford: Stanford University Press.
19. Boswell, C. (2009). Knowledge, legitimation and the politics of risk: The functions of research in public debates on migration. *Political Studies*, 57(1), 165–186. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00729.x>
20. Brocard, E., Melihan-Cheinin, P., & Rusch, E. (2021). Health democracy in the time of COVID-19: A Perspective from France. *Lancet*, 6(4). [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(21\)00053-0](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(21)00053-0)
21. Brooks-Pollock, E., Danon, L., Jombart, T., & Pellis, L. (2021). Modelling that shaped the early COVID-19 pandemic response in the UK. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Biological sciences*, 376(1829), 1–8. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0001>
22. Bruat, C., Monnet, E., Azanowsky, J.-M., Faliu, B., Mansour, Z., & Chauvin, F. (2022). Interaction between science advice and policymaking in time of Covid-19: A French perspective. *European Journal of Public Health*, 32(3), 1–6. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac008>
23. Camporesi, S., Angeli, F., & Fabbro, G. D. (2022). Mobilization of expert knowledge and advice for the management of the Covid-19 emergency in Italy in 2020. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1). <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01042-6>
24. Carrier, M. (2022). What does good science-based advice to politics look like? *Journal for General Philosophy of Science*, 53, 5–21. <https://doi.org/10.1007/s10838-021-09574-2>
25. Christensen, T., & Læg Reid, P. (2022). Scientization under pressure – the problematic role of expert bodies during the handling of the COVID-19 pandemic. *Public Organization Review*, 22, 291–307. <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00605-0>
26. Cooper, J., Dimitrou, N., & Arandjelovic, O. (2021). How good is the science that informs government policy? A lesson from the U.K.'s response to 2020 CoV-2 outbreak. *Journal of Bioethical Inquiry*, 18, 561–568. <https://doi.org/10.1007/s11673-021-10130-2>
27. De Caro, M., & Macarthur, M. (2010). Introduction: Science, naturalism, and the problem of normativity. In M. de Caro, & M. Macarthur (Eds.), *Naturalism and normativity* (pp. 1–19). New York: Columbia University Press.
28. Eichengreen, B., Aksoy, C. G., & Saka, O. (2021). Revenge of the experts: Will COVID-19 renew or diminish public trust in science? *Journal of Public Economics*, 193. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104343>
29. Esmark, A. (2021). How does crisis affect the conflict between technocracy and populism? Lessons from the COVID-19 pandemic. *Politics*. <https://doi.org/10.1177/02633957211049965>
30. Gesser-Edelsburg, A., Zemach, M., & Hijazi, R. (2021). Who are the “real” experts? The debate surrounding COVID-19 health risk management: An Israeli case study. *Risk Management and Healthcare Policy*, 14, 2553–2569. <https://doi.org/10.2147/RMHP.S311334>

31. Goldman, A.I. (2001). Experts: Which ones should you trust? *Philosophy and Phenomenological Research*, 63(1), 85–110. <https://doi.org/10.2307/3071090>
32. Ho, A. (2011). Trusting experts and epistemic humility in disability. *The International Journal of Feminist Approaches to Bioethics*, 4(2), 102–123. <https://doi.org/10.3138/ijfab.4.2.102>
33. Hofstadter, R. (1964). The paranoid style in American politics. *Harper's Magazine*, 11, 77–86.
34. Jasanoff, Sh. (2005). Judgment under siege: The three-body problem of expert legitimacy. In S. Maasen, & P. Weingart (Eds.), *Democratization or expertise? Exploring novel forms of scientific advice in political decision-making* (pp. 209–224). Dordrecht: Springer.
35. Kennedy, R.F. (2021). *The real Anthony Fauci: Bill Gates, Big Pharma, and the global war on democracy and public health*. Delaware: Skyhorse Publishing.
36. Kienhues, D., Jucks, R., & Bromme, R. (2020). Sealing the gateways for post-truthism: Reestablishing the epistemic authority of science. *Educational Psychologist*, 55(3), 144–154.
37. Krick, E. (2015). Negotiated expertise in policy-making. How governments use hybrid advisory committees. *Science and Public Policy*, 42(4), 487–500. <https://doi.org/10.1093/SCIPOL/SCU069>
38. Lasco, G. (2020). Medical populism and the Covid-19 pandemic. *Global Public Health*, 15(10), 1417–1429. <https://doi.org/10.1080/17441692.2020.1807581>
39. Lavazza, A., & Farina, M. (2020). The role of experts in the Covid-19 pandemic and the limits of their epistemic authority in democracy. *Frontiers in Public Health*, (8). <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00356>
40. Maasen, S., & Weingart, P. (2005). What's new in scientific advice to politics? Introductory essay. In S. Maasen, & P. Weingart (Eds.), *Democratization or expertise? Exploring novel forms of scientific advice in political decision-making* (pp. 1–19). Dordrecht: Springer.
41. Marston, C., Renedo, A., & Miles, S. (2020). Community participation is crucial in the pandemic. *Lancet*, 395(10238), 1676–1678. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31054-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31054-0)
42. Mazzochi, F. (2021). Drawing lessons from the COVID-19 pandemic: Science and epistemic humility should go together. *History and Philosophy of the Life Sciences*, 43(3). <https://doi.org/10.1007/s40656-021-00449-9>
43. Nadareishvili, I., Zhulina, A., Tskitishvili, A., Togonidze, G., Bloom, D.E., & Lunze, K. (2022). The approach to the COVID-19 pandemic in Georgia: A health policy analysis. *International Journal of Public Health*, 67. <https://doi.org/10.3389/ijph.2022.1604410>
44. Pierre, J. (2020). Nudges against pandemics. Sweden's COVID-19 containment strategy in perspective. *Policy and Society*, 39(3), 478–493. <https://doi.org/10.1080/14494035.2020.1783787>
45. Pietrini, P., Lavazza, A., & Farini, M. (2022). COVID-19 and biomedical experts: When epistemic authority is (probably) not enough. *Journal of Bioethical Inquiry*, 19(1), 135–142. <https://doi.org/10.1007/s11673-021-10157-5>
46. Pyszczynski, T., Lockett, M., Greenberg, J., & Solomon, S. (2020). Terror management theory and the Covid-19 pandemic. *Journal of Humanistic Psychology*, 61(2), 173–189. <https://doi.org/10.1177/0022167820959488>

47. Rajan, D., & Koch, K. (2020). The health democracy deficit and COVID-19. *Eurohealth*, 26(3), 26–28. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/338949>

48. Simon, H. A. (1957). *Administrative behavior: A study of decision-making processes in administrative organization*. New York: Macmillan.

49. Xin, Zh., Janfeng, W., Smith, L.M., Xin, L., Yancey, O., Franzblau, A., Dvonch, J.T., Chaunwu, X., & Neitzel, R. (2022). Monitoring SARS-CoV-2 in air and on surfaces and estimating infection risk in buildings and buses on a university campus. *Journal of Exposure Science and Environmental Epidemiology*, 32, 751–758. <https://doi.org/10.1038/s41370-022-00442-9>

References

1. Ahlstrom-Vij, K. (2013). *Epistemic paternalism. A defence*. London: Palgrave Macmillan.

2. Atlani-Duault, L., Chauvin, F., Bruno, L., Banamouzig, D., Bouadma, L., Druais, P.L., Hoang, A., Grard, M.-A., Malvy, D., & Delfraissy, J. (2020). France's COVID-19 response: balancing conflicting public health traditions. *Lancet*, 396(10246), 219–221. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31599-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31599-3)

3. Badora-Musiał, K., & Dusza, D. (2020). Politycy i eksperci – Polska i USA w obliczu pandemii COVID – 1. *Medycyna Zdrowie Publiczne i Zarządzanie*, 18(3), 202–221. <https://doi.org/10.4467/20842627OZ.20.022.14139/>

4. Bækgaard, M., Blom-Hansen, J., & Serritszlev, S. (2020). How politicians see their relationship with top bureaucrats: Revisiting classical images. *Governance*, 35(1), 5–24. <https://doi.org/10.1111/gove.12558>

5. Barkun, M.A. (2013). *Culture of conspiracy: Apocalyptic visions in contemporary America*. Los Angeles: University of California Press.

6. Beck, U. (1992). *Risk society. Towards a new modernity*. London: Sage.

7. Beck, U., Giddens, A., & Lash, S. (1994). *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Stanford: Stanford University Press.

8. Bєspalova, A.A., & Vyalyh, N.A. (2022). Doverie k nauke i sisteme zdravoochraneniya v period pandemii COVID-19: vzaimosvyaz' i novye vyzovy [Trust in science and the health system during the COVID-19 pandemic: Interconnections and new challenges]. In M. Yu. Surmach (Ed.), *Istoricheskie osnovy professional'noj kul'tury v zdravoochranenii: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (pp. 19–23). Grodno: GrGMU.

9. Boswell, C. (2009). Knowledge, legitimation and the politics of risk: The functions of research in public debates on migration. *Political Studies*, 57(1), 165–186. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00729.x>

10. Brocard, E., Melihan-Cheinin, P., & Rusch, E. (2021). Health democracy in the time of COVID-19: A Perspective from France. *Lancet*, 6(4). [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(21\)00053-0](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(21)00053-0)

11. Brooks-Pollock, E., Danon, L., Jombart, T., & Pellis, L. (2021). Modelling that shaped the early COVID-19 pandemic response in the UK. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Biological sciences*, 376(1829), 1–8. <https://doi.org/10.1098/rstb.2021.0001>

12. Bruat, C., Monnet, E., Azanowsky, J.-M., Faliu, B., Mansour, Z., & Chauvin, F. (2022). Interaction between science advice and policymaking in time of Covid-19: A French perspective. *European Journal of Public Health*, 32(3), 1–6. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac008>
13. Camporesi, S., Angeli, F., & Fabbro, G.D. (2022). Mobilization of expert knowledge and advice for the management of the Covid-19 emergency in Italy in 2020. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1). <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01042-6>
14. Carrier, M. (2022). What does good science-based advice to politics look like? *Journal for General Philosophy of Science*, 53, 5–21. <https://doi.org/10.1007/s10838-021-09574-2>
15. Christensen, T., & Læg Reid, P. (2022). Scientization under pressure – the problematic role of expert bodies during the handling of the COVID-19 pandemic. *Public Organization Review*, 22, 291–307. <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00605-0>
16. Cooper, J., Dimitrou, N., & Arandjelovic, O. (2021). How good is the science that informs government policy? A lesson from the U.K.’s response to 2020 CoV-2 outbreak. *Journal of Bioethical Inquiry*, 18, 561–568. <https://doi.org/10.1007/s11673-021-10130-2>
17. De Caro, M., & Macarthur, M. (2010). Introduction: Science, naturalism, and the problem of normativity. In M. de Caro, & M. Macarthur (Eds.), *Naturalism and normativity* (pp. 1–19). New York: Columbia University Press.
18. Dyakova, E.G. (2019). “Chestnaya sbalansirovannost” ili samostoyatel’nost’: problematizatsiya diskursa soveshchatel’no-konsul’tativnyh organov v otechestvennoj i amerikanskoj administrativnyh traditsiyah. [“Fairly balanced” or independent: Problematization of the discourse on consultative bodies in the Russian and American administrative traditions]. *Tomsk State University Journal*, (438), 97–107. <https://doi.org/10.17223/15617793/438/13>
19. Dyakova, E.G., & Trahtenberg, A.D. (2019). Rol’ soveshchatel’no-konsul’tativnyh organov v bor’be s korrupciej: amerikanskaya i rossijskaya administrativnye tradicii [Role of advisory bodies in fight against corruption: American and Russian administrative traditions]. In V.N. Rudenko (Ed.), *Aktual’nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii* (pp. 689–705). Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN.
20. Eichengreen, B., Aksoy, C.G., & Saka, O. (2021). Revenge of the experts: Will COVID-19 renew or diminish public trust in science? *Journal of Public Economics*, 193. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104343>
21. Esmark, A. (2021). How does crisis affect the conflict between technocracy and populism? Lessons from the COVID-19 pandemic. *Politics*. <https://doi.org/10.1177/02633957211049965>
22. Fedotova, G.V. (2021). Pandemiya COVID-19 v 2021 godu: problemy doveriya [COVID-19 pandemic in 2021: Trust issues]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (4), 111–125. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2021.4.9>
23. Gesser-Edelsburg, A., Zemach, M., & Hijazi, R. (2021). Who are the “real” experts? The debate surrounding COVID-19 health risk management: An Israeli case study. *Risk Management and Healthcare Policy*, 14, 2553–2569. <https://doi.org/10.2147/RMHP.S311334>

24. Goldman, A.I. (2001). Experts: Which ones should you trust? *Philosophy and Phenomenological Research*, 63(1), 85–110. <https://doi.org/10.2307/3071090>
25. Ho, A. (2011). Trusting experts and epistemic humility in disability. *The International Journal of Feminist Approaches to Bioethics*, 4(2), 102–123. <https://doi.org/10.3138/ijfab.4.2.102>
26. Hofstadter, R. (1964). The paranoid style in American politics. *Harper's Magazine*, 11, 77–86.
27. Jasanoff, Sh. (2005). Judgment under siege: The three-body problem of expert legitimacy. In S. Maasen, & P. Weingart (Eds.), *Democratization or expertise? Exploring novel forms of scientific advice in political decision-making* (pp. 209–224). Dordrecht: Springer.
28. Kennedy, R.F. (2021). *The real Anthony Fauci: Bill Gates, Big Pharma, and the global war on democracy and public health*. Delaware: Skyhorse Publishing.
29. Kienhues, D., Jucks, R., & Bromme, R. (2020). Sealing the gateways for post-truthism: Reestablishing the epistemic authority of science. *Educational Psychologist*, 55(3), 144–154.
30. Kormina, J. (2015). Drozhzhi-ubijcy: gastronomicheskaya konspirologiya i kul'tura nedoveriya v sovremennoj Rossii [Killer yeast: The gastronomic conspiracy and culture of distrust in contemporary Russia]. *Antropologicheskij forum*, (27), 149–175.
31. Krick, E. (2015). Negotiated expertise in policy-making. How governments use hybrid advisory committees. *Science and Public Policy*, 42(4), 487–500. <https://doi.org/10.1093/SCIPOL/SCU069>
32. Lasco, G. (2020). Medical populism and the Covid-19 pandemic. *Global Public Health*, 15(10), 1417–1429. <https://doi.org/10.1080/17441692.2020.1807581>
33. Lavazza, A., & Farina, M. (2020). The role of experts in the Covid-19 pandemic and the limits of their epistemic authority in democracy. *Frontiers in Public Health*, (8). <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00356>
34. Łukasik-Turecka, A. (2021). Medicinskie eksperty kak novye uchastniki politicheskoy kommunikacii v Evrope vo vremena pandemii COVID-19 na primere Pol'shi i Latvii [Medical experts as new actors of political communication in Europe in the era of the COVID-19 pandemic. Poland and Latvia as a case study]. *Wshodni Rocznik Humanistyczny*, 18(4), 123–132. <https://doi.org/10.36121/atureka.18.2021.4.123>
35. Maasen, S., & Weingart, P. (2005). What's new in scientific advice to politics? Introductory essay. In S. Maasen, & P. Weingart (Eds.), *Democratization or expertise? Exploring novel forms of scientific advice in political decision-making* (pp. 1–19). Dordrecht: Springer.
36. Makusheva, M.O., & Nestik, T.A. (2020). Social'no-psihologicheskie predposylki i efekty doveriya social'nym institutam v usloviyah pandemii [Sociopsychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'nye peremeny*, (6), 427–447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>
37. Marston, C., Renedo, A., & Miles, S. (2020). Community participation is crucial in the pandemic. *Lancet*, 395(10238), 1676–1678. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)31054-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)31054-0)
38. Mazzochi, F. (2021). Drawing lessons from the COVID-19 pandemic:

Science and epistemic humility should go together. *History and Philosophy of the Life Sciences*, 43(3). <https://doi.org/10.1007/s40656-021-00449-9>

39. Nadareishvili, I., Zhulina, A., Tskitishvili, A., Togonidze, G., Bloom, D. E., & Lunze, K. (2022). The approach to the COVID-19 pandemic in Georgia: A health policy analysis. *International Journal of Public Health*, 67. <https://doi.org/10.3389/ijph.2022.1604410>

40. Pierre, J. (2020). Nudges against pandemics. Sweden's COVID-19 containment strategy in perspective. *Policy and Society*, 39(3), 478–493. <https://doi.org/10.1080/14494035.2020.1783787>

41. Pietrini, P., Lavazza, A., & Farini, M. (2022). COVID-19 and biomedical experts: When epistemic authority is (probably) not enough. *Journal of Bioethical Inquiry*, 19(1), 135–142. <https://doi.org/10.1007/s11673-021-10157-5>

42. Pyszczynski, T., Lockett, M., Greenberg, J., & Solomon, S. (2020). Terror management theory and the Covid-19 pandemic. *Journal of Humanistic Psychology*, 61(2), 173–189. <https://doi.org/10.1177/0022167820959488>

43. Rajan, D., & Koch, K. (2020). The health democracy deficit and COVID-19. *Eurohealth*, 26(3), 26–28. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/338949>

44. Simon, H. A. (1957). *Administrative behavior: A study of decision-making processes in administrative organization*. New York: Macmillan.

45. Sungurov, A. Yu. (2016). *Ekspertnoe soobshchestvo i vlast'* [Expert community and power]. Saint Petersburg: Alejtejya.

46. Sungurov, A. Yu. (2018). E'kspertnoe soobshchestvo i vlast': Modeli vzaimodejstviya i problemy grazhdanskoj otvetstvennosti [Expert community and power: Models of interaction and problems of civil responsibility]. *Polis*, (4), 130–142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>

47. Sungurov, A. Yu., & Karyagin, M. E. (2017). Rossijskoe ekspertnoe soobshchestvo i vlast': osnovnye formy vzaimodejstviya [Russian expert community and authorities: Main forms of interaction]. *Polis*, (3), 144–159. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>

48. Sungurov, A. Yu., & Shamshura, K. A. (2020). Politicheskaya nauka i ekspertnoe znanie: razvitie v sovremennoj Rossii [Political science and expert knowledge: Development in modern Russia]. *Politicheskaya nauka*, (1), 64–86. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03>

49. Xin, Zh., Janfeng, W., Smith, L. M., Xin, L., Yancey, O., Franzblau, A., Dvonch, J. T., Chaunwu, X., & Neitzel, R. (2022). Monitoring SARS-CoV-2 in air and on surfaces and estimating infection risk in buildings and buses on a university campus. *Journal of Exposure Science and Environmental Epidemiology*, 32, 751–758. <https://doi.org/10.1038/s41370-022-00442-9>

Информация об авторах

Елена Григорьевна Дьякова, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6258-0456>, e-mail: falcon343@bk.ru

Анна Давидовна Трахтенберг, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3530-9361>, e-mail: cskiit@yandex.ru

Information about the authors

Elena Grigoryevna Dyakova, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6258-0456>, e-mail: falcon343@bk.ru

Anna Davidovna Trakhtenberg, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3530-9361>, e-mail: cskiit@yandex.ru

УДК 352.075

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_104

МОДЕЛЬ «СИТИ-МЕНЕДЖЕР»: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Елена Викторовна Фролова,

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия,
efrolova06@mail.ru

Ольга Владимировна Рогач,

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия,
rogach16@mail.ru

Валентина Юрьевна Шалашникова,

Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия,
ShalashnikovaVJu@rgsu.net

Статья поступила в редакцию 08.07.2022, принята к публикации 02.11.2022

© Фролова Е.В., Рогач О.В., Шалашникова В.Ю., 2022

Для цитирования: Фролова Е.В., Рогач О.В., Шалашникова В.Ю. Модель «сити-менеджер»: ограничения и принципы реализации в современных российских условиях // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 104–121. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_104

Аннотация

В статье анализируется специфика реализации модели «сити-менеджер» как формы организации муниципального управления, обеспечивающей привлечение высококомпетентных профессионалов для достижения целей социально-экономического развития российских территорий. Основным методом исследования – опрос руководителей муниципальных образований (n=582). Результаты анкетирования иллюстрируют наличие серьезных ограничений для внедрения модели «сити-менеджер» в современных российских условиях. В частности, отмечается наличие конфликтных рисков, высказываются опасения по поводу усиления влияния региональных властей, роста коррупции и снижения легитимности местного самоуправления. Влияние региональных властей на исход конкурсных процедур выбора кандидата на должность сити-менеджера также отнесено к числу наиболее значимых ограничений модели. По мнению респондентов, руководить городом должен мэр, получивший поддержку населения в ходе выборов. Усиление влияния региональных властей на итоги конкурсного назначения сити-менеджера обесценивает преимущества модели, которые подразумевают приоритетность профессиональных компетенций соискателей над идеями фаворитизма и личной преданности. В статье предложены принципы реализации модели «сити-менеджер», позволяющие снизить ее ключевые ограничения. К числу таких принципов можно отнести следующие: иерархия, долгосрочные гарантии, мониторинг и контроль, социальный престиж, безличность, экспертность, кооптация. Также авторами даны рекомендации по регламентированию процедур контроля деятельности сити-менеджера, закреплению таких его видов, как оперативный, стратегический и внешний. Последний вид контроля включает в себя оценку со стороны местного населения и представителей научного сообщества, что обеспечивает повышение уровня доверия и легитимности модели «сити-менеджер».

Ключевые слова:

сити-менеджер, профессионализация муниципального управления, местное самоуправление, легитимность, доверие.

“CITY MANAGER” MODEL: LIMITATIONS AND IMPLEMENTATION PRINCIPLES IN MODERN RUSSIAN REALITIES

Elena V. Frolova,

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
efrolova06@mail.ru

Olga V. Rogach,

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
rogach16@mail.ru

Valentina Yu. Shalashnikova,

Russian State Social University,
Moscow, Russia,
ShalashnikovaVJu@rgsu.net

Article received on July 8, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Frolova, E.V., Rogach, O.V., Shalashnikova, V.Yu. (2022). “City Manager” Model: Limitations and Implementation Principles in Modern Russian Realities. *Discourse-P*, 19(4), 104–121. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_104

Abstract

The article analyzes the implementation specifics of the “city manager” model as a form of municipal government organization that ensures the involvement of highly competent professionals to achieve the goals of the socio-economic development of Russian territories. The main research method is a survey of heads of municipalities (n=582). The results of the survey illustrate the existence of serious limitations to the implementation of the “city manager” model in modern Russian realities. In particular, the presence of conflict risks is noted as well as concerns about the strengthening of the influence of regional authorities, the growth of corruption and the decrease in the legitimacy of local self-government. The influence of regional authorities on the outcome of competitive procedures for selecting a candidate for the position of city manager is also classified as one of the most significant limitations of the model. According to the respondents, the mayor who received the support of the population during the elections should lead the city. The increased influence of regional authorities on the results of the competitive appointment of a city manager devalues the advantages of the model, which imply the priority of the professional competencies of applicants over the ideas of favoritism and personal

loyalty. The article proposes the principles of the implementation of the “city manager” model, allowing it to reduce its key limitations. These principles include the following: hierarchy, long-term guarantees, monitoring and control, social prestige, impersonality, expertise, and co-optation. The authors also offer recommendations on regulating the procedures for monitoring the activities of a city manager, fixing its types such as operational, strategic, and external. The latter type of control includes assessment by the local population and representatives of the scientific community, which ensures an increase in the level of trust and legitimacy of the city manager model.

Keywords:

city manager, professionalization of municipal government, local self-government, legitimacy, trust.

Введение

Преимущества и риски реализации модели «сити-менеджер» в последние годы становятся одной из наиболее распространенных тем дискуссий по вопросам повышения качества управления муниципальными образованиями РФ (Ковалев, Пруель, 2021). Несмотря на то, что в нормативно-правовой базе отсутствует однозначное толкование понятия «сити-менеджер», как правило, в научной литературе и средствах массовой информации данная модель подразумевает реализацию таких принципов, как конкурсный отбор кандидатов на основе критериев оценки их компетенций и опыта, а также назначение претендента на должность главы местной администрации по контракту. Таким образом, модель «сити-менеджер» предполагает частичный отказ от выборных процедур (например, в рамках одной из моделей организации местного самоуправления проводятся прямые выборы главы муниципального образования, который становится председателем городской думы, и назначается сити-менеджер). Назначение сити-менеджера, который концентрирует в своих руках большинство финансовых и административных рычагов управления, с одной стороны, обеспечивает приоритет и релевантную оценку личных и профессиональных качеств сити-менеджера (Роздольская и др., 2018), с другой – порождает риски утраты легитимности и доверия населения к местному самоуправлению (Майкова, Симонова, 2019). Г.Ш. Вартамян отмечает, что практики замещения должности главы муниципалитета на основе конкурсного отбора создают для региональных властей потенциальную возможность сформировать в муниципальных образованиях наиболее «удобную» им власть (Вартамян, 2018).

В российской практике зачастую используется один из вариантов данной модели, которую называют «назначаемый мэр». В данной модели должность главы муниципального образования и главы администрации занимает один и тот же человек, избираемый представительным органом по результатам отбора конкурсной комиссией (Казанцев, Румянцева, 2020). Однако, на наш взгляд, модель «сити-менеджер» подразумевает более широкую трактовку, используемую в том числе в зарубежных исследованиях, которая фокусируется

в первую очередь на такой ключевой характеристике сити-менеджера, как избрание по конкурсу в противовес выборам (Фролова и др., 2021a, 2021b).

Институциональный подход к исследованию модели «сити-менеджер» очерчивает административно-правовые границы процессов ее внедрения и реализации, а также определяет вектор трансформации практик привлечения профессиональных управляющих. Институциональные нормы могут как ограничивать успешность реализации модели в муниципальной практике, так и выступать драйверами инноваций. Согласно концепции институциональных изменений, несоответствие между уровнем развития социального института и изменившимися условиями внешней среды вызывает потребность в кардинальном пересмотре устаревших практик управления, поиске новых механизмов решения проблем муниципальных образований. Кризисные явления, связанные с дефицитом местных бюджетов, ограниченностью ресурсов, детерминируют модернизацию управленческой деятельности муниципалитетов, приоритетность экономической эффективности и рационального хозяйствования, внедрение бизнес-моделей в практику территориального управления (Timeus et al., 2020; Liao & Ma, 2019). При этом отсутствие адекватной реакции института местного самоуправления на рост уровня сложности и многоаспектности задач, стоящих сегодня перед органами власти, может рассматриваться как фактор, способствующий кризису всей системы управления.

В числе современных социально-экономических и политических тенденций российские ученые выделяют ряд факторов, которые можно рассматривать в качестве новых вызовов, детерминирующих необходимость модернизации практик муниципального управления. В частности, речь идет о расширении финансово-экономического функционала в деятельности муниципалитетов: повышение ресурсной обеспеченности, применение антикризисных мер, в том числе методов партисипаторного бюджетирования (Шаповалова, 2020), развитие налогового потенциала территории. Кроме того, к новым вызовам внешней среды можно отнести такие тенденции, как усложнение муниципальной отчетности, трансформация потребностей и запросов местных жителей к власти, закрепление их в роли не просто потребителя, но покупателя общественных услуг, переход от оценки управленческих процессов к оценке эффективности полученных результатов (Забнева, 2019). При этом, как отмечается в научных исследованиях, в условиях кризиса особую актуальность приобретает проблема профессионализации муниципальных кадров, их рыночного мышления, недостаточный уровень проработанности финансовых механизмов развития территории (Багаева, Оздоева, 2020).

Отметим, что в современном научном дискурсе вопрос о приоритетности факторов инициации институциональных изменений остается дискуссионным. В частности, представляет интерес проблематика формирования общественного запроса на внедрение модели «сити-менеджер»: «сверху», что обусловлено внешними факторами, или «снизу», как ответ на потребность и запросы местного сообщества (Мухаметов, 2021).

В данном контексте при исследовании факторов успешного внедрения модели «сити-менеджер» целесообразно обратиться к положениям теории институциональных ограничений политических реформ. В частности, Ж. Ролан выделяет два типа ограничений: *ex ante*, связанные с условиями осуществи-

мости реформ, блокировкой принятия решений, и *ex post*, обусловленные негативными последствиями реформ, что инициирует риски их отмены, обращение «вспять» (Ролан, 2012).

При внедрении модели «сити-менеджер» ограничения *ex ante* связаны с низким уровнем готовности местных политических элит к ее реализации, отсутствием консенсуса по вопросам разграничения полномочий между главой города и главой местной администрации. Ограничения *ex post* могут быть связаны с низкой эффективностью деятельности сити-менеджера, конфликтностью его взаимодействий с мэром города и/или местной элитой. Такие негативные последствия могут рассматриваться в качестве формирования общего неблагоприятного фона восприятия модели «сити-менеджер», возврата к традиционным практикам муниципального управления.

Нивелирование данных ограничений видится в консолидации интересов ключевых субъектов местного самоуправления, понимании ими преимуществ и возможных предпочтений вследствие внедрения модели «сити-менеджер». Проводя аналогии с концептуальными положениями «распределительной» теории институциональных изменений Г. Либекса (Libecap, 2004), можно обратиться к идеям о «переговорных формах определения диапазона привилегий», «компенсационным механизмам» распределения полномочий между субъектами управления. В частности, «компенсация потерь» главы муниципального образования, который лишается части своих полномочий, может включать в себя четкое разделение власти и ответственности, закрепление за ним более высокого иерархического статуса по отношению к сити-менеджеру. Необходимо учитывать, что инициированные сверху институциональные изменения могут вызвать сопротивление на более низких уровнях власти и управления. Согласование интересов, определение четких структурно-функциональных связей, иерархических статусов ключевых субъектов местного самоуправления может рассматриваться как фактор успешного внедрения модели «сити-менеджер», гарант эффективности данных реформ вне зависимости от политической ситуации на местах.

Таким образом, проблема исследования заключается в противоречии между внешними вызовами, диктующими необходимость профессионализации муниципального управления и объективными ограничениями реализации данной модели в современных российских условиях.

Основным методом исследования выступил проведенный в 2019 г. опрос руководителей муниципальных образований (n=582). Географический охват – 76 субъектов РФ, обеспечивающих представительство 8 федеральных округов. Рассылка анкет осуществлялась по электронной почте и включала в себя вопросы, касающиеся специфики внедрения модели «сити-менеджер», оценки проблем и ограничений ее реализации. Инструментарий исследования не включал вопросы демографического блока ввиду специфики целевой аудитории опроса, где признаком репрезентации респондентов являлся профессиональный статус/должность руководителя местных органов власти.

Среди руководителей муниципальных образований большинство респондентов представляют сельские поселения (n=212) и муниципальные районы (n=198). Городские поселения и городские округа представлены меньшим числом респондентов (121 и 51 соответственно). Несмотря на то, что доля

сельских поселений в общем числе муниципальных образований несколько выше, чем представительство в выборке, данное смещение не оказывает существенного влияния на полученные результаты. Причиной отказа от участия в опросе руководители сельских поселений зачастую называли недостаточный уровень осведомленности о специфике реализации модели «сити-менеджер» ввиду ее применения в большинстве своем в крупных городах. Сити-менеджер выступает руководителем местной администрации. При этом данный статус предполагает конкурсный отбор и заключение контракта на исполнение профессиональных обязанностей.

Цель исследования – анализ ключевых ограничений внедрения модели «сити-менеджер» в современных российских условиях, разработка принципов ее реализации.

Гипотеза – ключевыми ограничениями реализации модели «сити-менеджер» являются следующие: расширение границ конфликтных взаимодействий, дисфункции организации конкурсных процедур с усилением влияния региональных властей, рост коррупционных рисков, снижение доверия к назначаемому профессиональному управляющему.

Результаты исследования

В ходе исследования большинство респондентов высказались о целесообразности внедрения модели «сити-менеджер» в практику муниципального управления (табл. 1).

Таблица 1 – Как Вы считаете, является ли назначение на должность главы местной администрации по контракту (сити-менеджер) эффективной практикой управления? (составлено авторами по результатам соцопроса)

Table 1 – In your opinion, is the appointment to the position of the head of local administration under a contract (city manager) an effective management practice? (compiled by the authors based on the results of a sociological survey)

Варианты ответа	Муниципальный район, %	Городской округ, %	Городское поселение, %	Сельское поселение, %	Среднее значение по выборке, %
Да	67,0	35,3	35,3	30,0	41,9
Нет	28,0	41,2	23,2	21,0	28,4
Затрудняюсь ответить	5,0	23,5	41,0	49,0	29,6

В наибольшей степени свою заинтересованность в привлечении профессиональных управляющих показали руководители муниципальных районов (67%, что выше средних значений на 25,1 п. п.). Подобная закономерность связана с усложнением организации управленческой деятельности в районах, объединяющих территориальные поселения с дифференцированным потенциалом развития и различным объемом инфраструктурных проблем.

Также в ходе исследования были определены недостатки привлечения сити-менеджера в современной практике муниципального управления (табл. 2).

Таблица 2 – Какие Вы видите недостатки назначения по контракту сити-менеджера на должность главы местной администрации? (составлено авторами по результатам соцопроса)

Table 2 – What do you see as disadvantages of appointing a city manager to the position of the head of local administration under a contract? (compiled by the authors based on the results of a sociological survey)

Варианты ответа	Муниципальный район, %	Городской округ, %	Городское поселение, %	Сельское поселение, %	Среднее значение по выборке, %
Наличие коррупционных рисков в процессе взаимодействия главы муниципального образования и главы местной администрации	20,0	13,0	11,0	35,0	19,8
Лоббирование политических интересов региональных властей, их влияние на главу местной администрации по контракту, назначаемого путем конкурсной процедуры	22,0	27,0	23,0	46,0	29,5
Конфликтность во взаимодействии представительного и исполнительно-распорядительного органов власти	55,0	60,0	66,0	9,5	47,6
Другое	3,0	0,0	0,0	9,5	1,1

Таким образом, в рейтинге опасений руководителей муниципалитетов первое место занимает такая дисфункция модели «сити-менеджер», как конфликтность во взаимодействии представительного и исполнительно-распорядительного органов власти (47,6%). Наибольшую значимость проблема имеет для руководителей городов: городских поселений (66,0%) и городских округов (60,0%).

Также, по мнению почти каждого третьего опрошенного (29,5%), присутствуют такие риски, как «лоббирование политических интересов региональных властей, их влияние на главу местной администрации по контракту, назначаемого путем конкурсной процедуры». В наибольшей степени озабочены возможностью приоритета региональных интересов руководители сельских поселений, данный вариант ответа выбрал почти каждый второй опрошенный (46%), что выше средних значений на 16,5 п. п. Можно предположить, что руководители сельских поселений опасаются, что их интересы не будут учтены при принятии решений на более высоком, региональном, уровне. Такие тенденции могут иметь долгосрочные негативные последствия. В частности, учеными отмечается, что решения, принимаемые «в центре», в большей степени носят универсальный, рамочный характер, что не позволяет учитывать специфику местного развития. В то время как управленческие решения, принимаемые в местных сообществах, в наибольшей степени соответствуют интересам и потребностям жителей. Так, «принцип фискальной эквивалентности, обеспечивающий продуктивную реализацию общественных ресурсов (налоговых поступлений), предполагает увязку интересов тех, кто использует эти ресурсы, и тех, кто принимает соответствующие решения» (Гаджиев, 2004).

Каждый пятый опрошенный руководитель органов местного самоуправления (19,8%) в качестве недостатка использования модели «сити-менеджера» отмечает «наличие коррупционных рисков в процессе взаимодействия главы муниципального образования и главы местной администрации».

Для уточнения полученных результатов респондентам был задан дополнительный вопрос с просьбой выделить проблемы реализации модели «сити-менеджер». В числе ключевых проблем были названы следующие:

- «руководить местной администрацией должен всенародно избранный глава муниципального образования» (21,3%);
- «низкий уровень доверия населения к сити-менеджеру» (19,5%);
- «данная модель не является достаточно демократичной, учитывая высокий уровень влияния региональных элит при выборе кандидата на должность главы местной администрации» (18,8%).

Более чем каждый десятый в качестве проблемы определил «отсутствие четкой системы критериев отбора кандидата на должность главы администрации» (12,5%). Отметим, что дисфункции кадрового отбора характерны не только для практики назначения сити-менеджера. Недостаточная эффективность рекрутирования кадров в органы местного самоуправления снижает качество работы современных муниципалитетов, «деформирует роль социальных лифтов в органах власти, инициирует процессы профессионально-карьерной девиации» (Боярова, Алехин, 2019).

Как показали результаты исследования, конфликтные риски относятся к числу наиболее значимых недостатков модели «сити-менеджер». Острота данной проблемы подтверждается другими исследованиями. В частности, опрос ученых и руководителей муниципальных образований Приволжского федерального округа показал, что зона конфликтов имеет четкий фокус смещения в сторону принципов организации местного самоуправления, где особую остроту приобретают вопросы определения управленческого веса, ролевых моделей и практик взаимодействий представительных и исполнительных органов власти.

По мнению ученых, данные конфликтные риски присутствуют в муниципальной повестке дня, начиная с 1990-х гг., не утрачивая своей актуальности и сегодня. Предпосылки конфликтов связаны с такими факторами, как завышенная роль органов исполнительной власти, низкая ресурсность советов, ослабление их роли в осуществлении представительной и контрольной деятельности, отсутствие налаженных практик и культуры во взаимоотношениях ключевых фигур местного самоуправления (Дорожкин и др., 2015).

Коррупционные риски относятся к числу недостатков модели «сити-менеджер» в современных российских условиях. Аналогичные выводы характерны для работ других российских ученых, по мнению которых в последние годы наблюдается рост коррупционных правонарушений, нарастание тенденции институционализации коррупции в органах местного самоуправления (Сорокин, 2015). При этом в ряде работ отмечается, что внедрение модели «сити-менеджер» стало одним из негативных факторов, повлекших за собой практики сговора между руководителями исполнительной власти региона и органов местного самоуправления. Назначение контрактного управляющего, как полагает О.М. Рой (2016), связано со «стремлением отдельных региональных руководителей создавать для себя возможность оказывать влияние на политику областных (республиканских) центров, получать доступ к каналам использования доходов городов для перераспределения средств в рамках консолидированных региональных бюджетов» (с. 168). В этом контексте представляется необходимой разработка системы мониторинга и профилактики должностных правонарушений в органах местного самоуправления, организации контроля деятельности лиц, ответственных за принятие управленческих решений в зонах коррупционного риска (Дахов, 2014).

Ключевые проблемы реализации модели «сити-менеджер», по мнению опрошенных руководителей муниципалитетов, кроются в отсутствии легитимности назначаемого мэра, низком уровне доверия к нему. Полученные эмпирические результаты подтверждаются выводами ученых. В частности, Р.В. Петухов (2019) отмечает, что назначение сити-менеджера исключает прямое участие жителей в процедуре его выбора, в данном процессе отсутствуют практики предварительного обсуждения кандидатур с местным сообществом. Дистанция между муниципальной властью и населением снижает уровень доверия к органам местного самоуправления. Анализируя вопрос доверия в контексте реализации модели «сити-менеджер», следует обратить внимание на факторы формирования доверительных взаимодействий между органами власти и населением. Выделяются, в частности, два ключевых: субъективная оценка коррупции в органах власти (этический фактор) и уровень эффективности их деятельности. Воздействие данных факторов на формирование доверия характеризуется разной направленностью: высокий уровень коррупции снижает доверие, в то время как рост эффективности деятельности органов власти его, напротив, повышает (Малкина и др., 2020). В этом контексте можно предположить, что привлечение профессиональных управляющих в местные органы власти повысит общую результативность деятельности муниципалитетов в решении хозяйственных проблем территории. Фокусировка действий властей на вопросах жизнеобеспечения граждан может формировать устойчивый фундамент развития доверия, становления партнерских отношений между ними.

Учитывая наличие существенных дисфункций реализации модели «сити-менеджер», представляется целесообразным установление ряда принципов ее внедрения, основа которых заложена в концептуальных положениях теории рациональной бюрократии. Рассмотрим данные принципы более подробно в контексте реализации модели «сити-менеджер».

1. *Иерархия.* Четко закрепленные иерархические позиции обеспечивают эффективность механизмов делегирования полномочий и ответственности, что особенно важно в условиях высокого уровня сложности и дифференциации направлений управленческой деятельности современных муниципалитетов. При реализации модели «сити-менеджер» учет принципа иерархии требует выстраивания четких границ и параметров взаимодействия главы муниципального образования, сити-менеджера, руководителей отделов в местной администрации. Такие границы обеспечивают соблюдение контроля на всех уровнях муниципального управления, а также сохранение принципа единоначалия при решении оперативных задач. Кроме того, необходимым представляется закрепление зон ответственности и круга полномочий сити-менеджера и главы города, исключение дублирования функций и пересечения полей их влияния в процессе принятия управленческих решений. В частности, как показывает практика и анализ научных источников, к конфликтным рискам относится поле взаимодействий с региональной властью, характеризующееся борьбой за статус и влияние (Фролова и др., 2021а).

2. *Долгосрочные гарантии занятости.* Долгосрочный контракт при условии высокой эффективности деятельности сити-менеджера и достижения им запланированных результатов позволит решать не только оперативные задачи развития территории, но и реализовывать стратегические цели в долгосрочной перспективе. Данный принцип обусловлен также тем, что неуверенность руководителя в сохранении занимаемой должности трансформирует его систему ценностей, формирует «психологию временщика» (Портнягин, 2014), мало заботящегося об общественных целях. В противовес идеям о сменяемости власти на выборных позициях, сохранение долгосрочных гарантий деятельности сити-менеджера представляется более целесообразным с точки зрения преемственности территориальной политики, ориентации на долгосрочный результат.

3. *Мониторинг и контроль деятельности.* Принятие решений в процессе управления территориями сопряжено со множеством рисков, которые могут инициировать ухудшение качества жизни населения, провоцировать негативные социально-экономические последствия. В этом контексте представляется крайне важным обеспечение контроля деятельности сити-менеджера, формирование системы показателей работы, их мониторинг, регулярная отчетность перед советом депутатов. На наш взгляд, система контроля за деятельностью сити-менеджера может включать в себя оценку по следующим уровням:

- оперативный контроль и оценка деятельности сити-менеджера со стороны главы муниципального образования, где анализируется эффективность применяемых мер и решения текущих задач;
- стратегический контроль, который может быть осуществлен в форме заслушивания отчетов сити-менеджера перед представительным органом муниципального образования, подведения итогов его деятельности за определенный

период. В рамках данного типа контроля оценивается эффективность использования организационных, финансовых, кадровых ресурсов муниципального образования с точки зрения достижения поставленных целей. Наиболее продуктивным становится проведение замеров по количественным и качественным показателям социально-экономического развития территории;

– внешний контроль путем проведения социологических опросов жителей для оценки социально-экономических показателей деятельности сити-менеджера, достижения им целей устойчивого развития территории, повышения уровня и качества жизни населения. Дополнительным инструментом внешнего контроля может стать проведение экспертной оценки. В частности, представители научного сообщества могут быть привлечены для комплексного анализа специфики территориального развития, выявления проблем управленческой деятельности сити-менеджера, разработки рекомендаций по ее совершенствованию.

4. *Социальный престиж.* Опыт работы, профессиональные умения и навыки, высокий уровень сложности деятельности сити-менеджера, его ориентация на достижение стратегических целей развития территории, повышение уровня и качества жизни населения является основой для закрепления социального престижа его роли. Социальный престиж при этом связывается не только со значимостью профессионального статуса сити-менеджера в общественном сознании, но и с закреплением за данной должностью определенных привилегий. Поддержание социального престижа должности сити-менеджера является стратегически важным фактором, позволяющим оптимизировать процедуры найма, создавать конкурсную ситуацию в ходе отбора кандидатов.

5. *Безличность.* Необходимость реализации принципа безличности рациональной бюрократии связана как с этапом отбора кандидатов на должность сити-менеджера, его наймом, так и системой контроля и оценки деятельности. Профессиональный отбор в контексте реализации принципа безличности подразумевает доминирование четких критериев оценки претендентов на должность, строгое следование нормам и правилам конкурсных процедур. Данные практики исключают протекционизм, фаворитизм, сужают границы реализации личных предпочтений заинтересованных лиц в выборе кандидатов на должность сити-менеджера. Безличность, формализация конкурсных процедур может рассматриваться как позитивное ограничение влияния региональных властей на итоги конкурсной процедуры.

6. *Профессионализм/экспертность.* Модель «сити-менеджер» представляет собой один из наиболее действенных инструментов привлечения профессионалов, обладающих высоким уровнем экспертности, к практике муниципального управления. В этом контексте необходимым представляется установка четких оценочных критериев и соблюдение конкурсных процедур. Экспертность сити-менеджера должна быть высокой в таких сферах муниципального менеджмента, как право, финансы, инвестиции, закупки, управление муниципальной собственностью, муниципально-частное партнерство.

7. *Кооптация.* Принцип кооптации, подразумевающий процедуру назначения, а не избрания на должность сити-менеджера, позволяет реализовать идеи профессионализации муниципального управления, безличности в процедурах отбора.

Заключение

Результаты опроса руководителей муниципальных образований РФ иллюстрируют существенные риски внедрения модели «сити-менеджер» в современных условиях. В частности, респонденты указывают на расширение конфликтных границ взаимодействия сити-менеджера с ключевыми субъектами местного самоуправления. Влияние региональных властей на исход конкурсных процедур выбора кандидата на должность сити-менеджера также отнесено к числу наиболее значимых ограничений модели. Стоит отметить, что в данном контексте лоббизм, влияние третьих лиц нивелируют преимущества сити-менеджмента, где основной идеей является безличность выбора, безусловное доминирование профессиональных качеств кандидата над такими его характеристиками, как принадлежность к политической элите или личная преданность тем или иным субъектам влияния. С рисками лоббирования интересов региональных властей связаны также такие ограничения реализации модели «сити-менеджер», как рост коррупции, утрата легитимности и доверия к назначаемому управляющему городом.

В статье в целях снижения рисков внедрения модели «сити-менеджер» предложены принципы ее реализации, основа которых заложена в концептуальных положениях теории рациональной бюрократии. К числу таких принципов можно отнести следующие: иерархия, долгосрочные гарантии, мониторинг и контроль, социальный престиж, безличность, профессионализм/экспертность, кооптация. Регламентация мероприятий контроля и оценки деятельности сити-менеджера может рассматриваться как фактор снижения коррупционных рисков, повышения уровня доверия к проводимым реформам, вовлечения населения в практики муниципального управления. Представляется целесообразным внедрение следующих видов контроля: оперативный (с позиции главы муниципального образования для оценки эффективности решения текущих задач); стратегический (осуществляется в форме заслушивания отчетов сити-менеджера перед представительным органом муниципального образования); внешний (анализ общественного мнения, проведение социологических опросов жителей, организация экспертной оценки со стороны научного сообщества). Экспертная оценка дает широкие возможности не только в плане контроля деятельности сити-менеджера по количественным и качественным показателям оценки, но и для комплексного анализа, определения ресурсов и ограничений территориального развития, разработки управленческих рекомендаций. Что касается конфликтных рисков, то, на наш взгляд, построение четких взаимодействий главы муниципального образования (при сохранении выборности данной позиции) и сити-менеджера с учетом принципа иерархии и разделения полномочий обеспечит более высокий уровень эффективности модели «сити-менеджер».

Список литературы

1. Багаева, А. И., Оздоева, З. Х. (2020). Бюджетирование как высокоэффективный инструмент сбалансированного формирования устойчивости муниципальных финансов. *Вестник Академии знаний*, (2), 419–423.

<https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10202>

2. Боярова, Е. А., Алехин, Э. В. (2019). Социальные лифты в органах местного самоуправления Пензенской области (по результатам исследования сотрудников администрации района в городском округе). *Общество: социология, психология, педагогика*, (7), 27–32.

3. Вартанян, Г. Ш. (2018). Поиск оптимальной модели замещения должности главы муниципального образования: к постановке проблемы. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, (6–2), 57–62.

4. Гаджиев, Г. Н. (2004). Развитие регионов в западных странах. *Региональная экономика: теория и практика*, (1), 69–71.

5. Дахов, И. Г. (2014). Борьба с коррупцией как инструмент инновационного развития экономики муниципальных образований. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*, (2), 36–48.

6. Дорожкин, Ю. Н., Фролова, И. В., Газизова, Л. И., Евдокимов, Н. А. (2015). Муниципальная власть в регионах современной России: конфликтогенный потенциал развития. *Власть*, (10), 21–27.

7. Забнева, Э. И. (2019). Социально-философские основы компетентностной модели муниципального служащего. *Гуманитарный вектор*, 14(4), 47–54. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-4-47-54>

8. Казанцев, К. И., Румянцева, А. Е. (2020). От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России. *Исследования по вопросам государственного управления*, (5), 5–66.

9. Ковалев, В. В., Пруель, Н. А. (2021). Институт сити-менеджмента: причины низкой эффективности в муниципальном управлении Юга России. *Caucasian Science Bridge*, 4(3), 54–63. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.5>

10. Майкова, Э. Ю., Симонова, Е. В. (2019). Институт муниципальных выборов в современной России: проблемы и перспективы развития. *Власть*, 27(5), 19–27. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6713>

11. Малкина, М. Ю., Овчинников, В. Н., Холодилин, К. А. (2020). Институциональные факторы политического доверия в современной России. *Журнал институциональных исследований*, 12(4), 77–93. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093>

12. Мухаметов, Р. С. (2021). Институциональная муниципальная реформа в России: акторы и их стратегии (на примере «малой» реформы МСУ). *Политическая наука*, (2), 207–228. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.02.08>

13. Петухов, Р. В. (2019). О причинах восприятия местных органов власти как наиболее коррумпированных властных и общественных институтов современной России. *Власть*, 27(6), 77–86. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6832>

14. Портнягин, А. И. (2014). Функция контроля в административной деятельности органов государственного и муниципального управления: особенности и способы повышения эффективности. *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*, (3), 95–101.

15. Роздольская, И. В., Осадчая, С. М., Мозговая, Ю. А. (2018). Сити-менеджмент как новый институт системы муниципального управления в условиях институциональных изменений местного самоуправления.

В С.С. Чернов (Ред.), *Экономическая система современного общества: экономика и управление: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (26 февраля – 27 марта 2018 г., Новосибирск)* (с. 83–88). Новосибирск: ЦРНС.

16. Рой, О.М. (2016). Коррупция в органах местного самоуправления. В В.Н. Руденко (Ред.), *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: Сборник трудов по итогам II Всероссийской научной конференции (29 сентября – 1 октября 2015 г., Екатеринбург)* (с. 163–175). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН.

17. Ролан, Ж. (2012). *Экономика переходного периода. Политика, рынки, фирмы*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

18. Сорокин, Р.С. (2015). Коррупция в системе органов местного самоуправления. *Евразийский союз ученых*, (1–2), 147–149.

19. Фролова, Е.В., Рогач, О.В., Шалашникова, В.Ю. (2021a). Реализация модели «сити-менеджер» в России: ограничения и преимущества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (6), 506–527. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1887>

20. Фролова, Е.В., Рогач, О.В., Шалашникова, В.Ю. (2021b). Социологический анализ предпосылок реализации модели «сити-менеджер» в системе местного самоуправления. *Ars administrandi. Искусство управления*, 13(4), 592–610. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-592-610>

21. Шаповалова, Н.А. (2020). Муниципальные практики инициативного бюджетирования: характеристика и механизмы поддержки. *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*, (4), 24–38. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-4-24-38>

22. Liao, Y.G., & Ma, L. (2019). Do professional associations make a difference? Linking municipal managers' association participation and attitudes toward citizen participation. *Public Management Review*, 21(12), 1824–1847. <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1577907>

23. Libecap, G. (2004). *Contracting for property rights*. New York: Cambridge University Press.

24. Timeus, K., Vinaixa, J., & Pardo-Bosch, F. (2020). Creating business models for smart cities: A practical framework. *Public Management Review*, 22(5), 726–745. <https://doi.org/10.1080/14719037.2020.1718187>

References

1. Bagaeva, A.I., & Ozdueva, Z. Kh. (2020). Byudzhetrovanie kak vysokoeffektivnyj instrument sbalansirovannogo formirovaniya ustojchivosti municipal'nyh finansov [Budgeting as a highly effective tool for the balanced formation of municipal finance sustainability]. *Vestnik Akademii znaniy*, (2), 419–423. <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10202>

2. Boyarova, E.A., & Alekhin, E.V. (2019). Social'nye lifty v organah mestnogo samoupravleniya Penzenskoj oblasti (po rezul'tatam issledovaniya sotrudnikov administracii rajona v gorodskom okruge) [Social elevators in local

governments of the Penza region (based on a study of administration officials in a city district)]. *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*, (7), 27–32.

3. Dakhov, I.G. (2014). Bor'ba s korrupciej kak instrument innovacionnogo razvitiya ekonomiki municipal'nyh obrazovaniy [The struggle against corruption as an instrument of innovative economic development of municipalities]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie*, (2), 36–48.

4. Dorozhkin, Yu.N., Frolova, I.V., Gazizova, L.I., & Evdokimov, N.A. (2015). Municipal'naya vlast' v regionah sovremennoj Rossii: konfliktogennyj potencial razvitiya [Municipal power in the regions of modern Russia: conflict potential of development]. *Vlast'*, (10), 21–27.

5. Frolova, E.V., Rogach, O.V., & Shalashnikova, V.Yu. (2021a). Realizaciya modeli "siti-menedzher" v Rossii: ogranicheniya i preimushchestva [Implementation of the "city manager" model in Russia: Limitations and advantages]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'nye peremeny*, (6), 506–527. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1887>

6. Frolova, E.V., Rogach, O.V., & Shalashnikova, V.Yu. (2021b). Sociologicheskij analiz predposylok realizacii modeli "siti-menedzher" v sisteme mestnogo samoupravleniya [Sociological analysis of the prerequisites for the "city manager" model implementation in the local government system]. *Ars administrandi*, 13(4), 592–610. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-592-610>

7. Gadzhiev, G.N. (2004). Razvitie regionov v zapadnyh stranah [Regional development in Western countries]. *Regional'naya e'konomika: teoriya i praktika*, (1), 69–71.

8. Kazantsev, K.I., & Romyantseva, A.E. (2020). Ot izbraniya k naznacheniyu. Ocenka efekta smeny modeli upravleniya municipalitetami v Rossii [From election to appointment. Assessment of the effect of changing the municipal management model in Russia]. *Issledovaniya po voprosam gosudarstvennogo upravleniya*, (5), 5–66.

9. Kovalev, V.V., & Pruel, N.A. (2021). Institut siti-menedzhmenta: prichiny nizkoj effektivnosti v municipal'nom upravlenii Yuga Rossii [City management institute: reasons of low effectiveness in municipal management in the South of Russia]. *Caucasian Science Bridge*, 4(3), 54–63. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.5>

10. Liao, Y.G., & Ma, L. (2019). Do professional associations make a difference? Linking municipal managers' association participation and attitudes toward citizen participation. *Public Management Review*, 21(12), 1824–1847. <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1577907>

11. Libecap, G. (2004). *Contracting for property rights*. New York: Cambridge University Press.

12. Maikova, E.Yu., & Simonova, E.V. (2019). Institut munitsipal'nykh vyborov v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [The institute of municipal elections in modern Russia: problems and development prospects]. *Vlast'*, 27(5), 19–27. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6713>

13. Malkina, M.Yu., Ovchinnikov, V.N., & Kholodilin, K.A. (2020). Institucional'nye faktory politicheskogo doveriya v sovremennoj Rossii [Institutional factors influencing political trust in modern Russia]. *Zhurnal institucional'nykh issledovanij*, 12(4), 77–93. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093>

14. Muhametov, R. S. (2021) Institucional'naya municipal'naya reforma v Rossii: aktory i ih strategii (na primere "maloj" reformy MSU) [Institutional municipal reform in Russia: Actors and their strategies (on the example of "small" local government reform reform)]. *Politicheskaya nauka*, (2), 207–228. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.02.08>
15. Petukhov, R. V. (2019). O prichinah vospriyatiya mestnyh organov vlasti kak naibolee korrumpirovannyh vlastnyh i obshchestvennyh institutov sovremennoj Rossii [About the reasons of the perception of local authorities as the most bribable power and public institutions of contemporary Russia]. *Vlast'*, 27(6), 77–86. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6832>
16. Portnyagin, A. I. (2014). Funkciya kontrolya v administrativnoj deyatel'nosti organov gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya: osobennosti i sposoby povysheniya effektivnosti [The control function in the administrative practice of the state and municipal authorities: Features and methods of the improving the effectiveness]. *Vestnik RGGU. Seriya: E'konomika. Upravlenie. Pravo*, (3), 95–101.
17. Roland, G. (2012). *E'konomika perexodnogo perioda. Politika, rynki, firmy* [Transition and economics. Politics, markets, and firms]. Moscow: Izdatel'skij dom NIU VShE'.
18. Roy, O. M. (2016). Korrupciya v organah mestnogo samoupravleniya [Corruption in local governments]. In V. N. Rudenko (Ed.), *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii: Sbornik trudov po itogam II Vserossijskoj nauchnoj konferencii (29 sentyabrya – 1 oktyabrya 2015 g., Ekaterinburg)* (pp. 163–175). Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN.
19. Rozdolskaya, I. V., Osadchaya, S. M., & Mozgovaya, Yu. A. (2018). Siti-menedzhment kak novyj institut sistemy municipal'nogo upravleniya v usloviyah institucional'nyh izmenenij mestnogo samoupravleniya [City management as a new institution of the municipal government system in the context of institutional changes in local government]. In S. S. Chernov (Ed.), *E'konomicheskaya sistema sovremennogo obshhestva: e'konomika i upravlenie: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (26 fevralya – 27 marta 2018 g., Novosibirsk)* (pp. 83–88). Novosibirsk: CRNS.
20. Shapovalova, N. A. (2020). Municipal'nye praktiki iniciativnogo byudzhetrovaniya: harakteristika i mekhanizmy podderzhki [Municipal practices of initiative budgeting: Characteristics and support mechanisms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: E'konomika i upravlenie*, (4), 24–38. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-4-24-38>
21. Sorokin, R. S. (2015). Korrupciya v sisteme organov mestnogo samoupravleniya [Corruption in the system of local governments]. *Evrazijskij soyuz uchenyx*, (1–2), 147–149.
22. Timeus, K., Vinaixa, J., & Pardo-Bosch, F. (2020). Creating business models for smart cities: A practical framework. *Public Management Review*, 22(5), 726–745. <https://doi.org/10.1080/14719037.2020.1718187>
23. Vartanyan, G. Sh. (2018). Poisk optimal'noi modeli zameshcheniya dolzhnosti glavy munitsipal'nogo obrazovaniya: k postanovke problemy [Search for the optimal model for the replacement of the post of the head municipal formation: To the statement of the problem]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx*

nauk, (6–2), 57–62.

24. Zabneva, E.I. (2019). Social'no-filosofskie osnovy kompetentnostnoj modeli municipal'nogo sluzhashchego [Social-philosophical bases of the competence model of the municipal employee]. *Gumanitarnyj vektor*, 14(4), 47–54. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-4-47-54>

Информация об авторах

Елена Викторовна Фролова, доктор социологических наук, профессор департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, e-mail: efrolova06@mail.ru

Ольга Владимировна Рогач, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>, e-mail: rogach16@mail.ru

Валентина Юрьевна Шалашникова, старший преподаватель, факультет управления Российского государственного социального университета, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4326-9208>, e-mail: ShalashnikovaVJu@rgsu.net

Information about the authors

Elena Viktorovna Frolova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, e-mail: efrolova06@mail.ru

Olga Vladimirovna Rogach, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>, e-mail: rogach16@mail.ru

Valentina Yurievna Shalashnikova, Senior Lecturer, Faculty of Management, Russian State Social University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4326-9208>, e-mail: ShalashnikovaVJu@rgsu.net

УДК 101.1:316+316.34

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_122

СОВРЕМЕННОЕ ВИЗУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ТЮМЕНИ И ЕГО АУДИТОРИЯ*

Марина Георгиевна Чистякова,

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия,
m.g.chistyakova@utmn.ru

Ирина Николаевна Пупышева,

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия,
i.n.pupyshva@utmn.ru

Статья поступила в редакцию 02.08.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Чистякова М.Г., Пупышева И.Н. Современное визуальное искусство Тюмени и его аудитория // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 122–137. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_122

Аннотация

В статье представлены результаты исследования аудитории современного визуального искусства в Тюмени. Материалом послужили 25 полуструктурированных интервью. Респондентами стали посетители выставочных площадок современного искусства. При анализе интервью авторы опирались на социально-философские кон-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-411-720007.

© Чистякова М.Г., Пупышева И.Н., 2022

цепции культурного капитала П. Бурдьё и Л. Хенкванет, а также концепцию культурного профиля как совокупности культурных, творческих и досуговых предпочтений и видов деятельности по отношению к различным формам искусства. В итоге были выделены четыре культурных профиля аудитории: «профессионалы», «любители», «искатели приключений» и «те, кто в тренде». Эти профили демонстрируют различие досуговых стратегий, контекстов понимания современного искусства, представлений о его специфике. Также они коррелируют с возрастными и гендерными характеристиками, сферой занятости, образованием. При этом посетителей выставок интересует не только содержание мероприятия, но и его статусность. Такие досуговые стратегии актуальны как для институционализированных, так и неинституционализированных пространств локализации современного искусства в Тюмени. Однако чаще местом популяризации и продвижения современного искусства в городе являются не музеи, а разнообразные арт-пространства, что обусловлено прежде всего их дружественной атмосферой и развитой инфраструктурой. На основании проведенного исследования сделан вывод, что в Тюмени появляется слой публики, готовый к восприятию современного искусства. Это имеет особое значение как для развития в городе креативных практик, так и для трансформации городских общественных пространств.

Ключевые слова:

социальная философия, современное визуальное искусство, формат коммуникации, посетители выставки, культурный капитал, культурный профиль.

UDC 101.1:316+316.34

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_122

CONTEMPORARY VISUAL ART OF TYUMEN AND ITS AUDIENCE

Marina G. Chistyakova,

Tyumen State University,
Tyumen, Russia,
m.g.chistyakova@utmn.ru

Irina N. Pupysheva,

Tyumen State University,
Tyumen, Russia,
i.n.pupysheva@utmn.ru

Article received on August 2, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Chistyakova, M.G., Pupysheva, I.N. (2022). Contemporary Visual Art of Tyumen and Its Audience. *Discourse-P*, 19(4), 122-137. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_122

Abstract

The article presents the results of a study of the audience of contemporary visual art in Tyumen. 25 semi-structured interviews served as the material. The respondents were visitors to the exhibition grounds of contemporary art. When analyzing the interviews, the authors relied on the socio-philosophical concepts of cultural capital by P. Bourdieu and L. Hanquinet, as well as the concept of cultural profile as a combination of cultural, creative, and leisure preferences and activities in relation to various forms of art. As a result, four cultural profiles of the audience were identified: “professionals”, “amateurs”, “adventurers”, and “those who are on trend”. These profiles demonstrate the difference in leisure strategies, contexts of understanding contemporary art, and ideas about its specifics. They also reveal correlations with age, gender characteristics, employment, and education. But at the same time, exhibition visitors are interested not only in the content of the event but also in its status. Such leisure strategies are relevant both for institutionalized and non-institutionalized spaces of contemporary art localization in Tyumen. However, more often than not, the places of popularization and promotion of contemporary art in the city are not museums, but art spaces, primarily because of their friendly atmosphere and developed infrastructure. It is concluded that a layer of the public appears in Tyumen, ready for the perception of contemporary art. This is of particular importance both for the development of creative practices in the city and for the transformation of urban public spaces.

Keywords:

social philosophy, contemporary visual art, communication format, exhibition visitors, cultural capital, cultural profile.

Введение

Современное визуальное искусство, под которым мы подразумеваем прежде всего *contemporary art*, с момента возникновения является для публики зоной инспирации споров, дискуссий, скандалов. Неоднозначная реакция аудитории отсылает к произошедшей на рубеже XIX–XX вв. смене классической парадигмы искусства на постклассическую, что привело к отказу от мимесиса, репрезентации, нарратива, всего того, что публика привычно полагала атрибутами искусства. Со временем практики искусства, воспринимавшиеся прежде как радикальные, становятся мейнстримом и обретают свою аудиторию. Но исследований, посвященных этой аудитории, не так много даже за рубежом, где современное искусство давно институализировано. В нашей же стране внимание авторов сосредоточено в основном на публике музеев, расположенных в столицах или крупных городах с развитой инфраструктурой современного искусства (Екатеринбург, Пермь) (Ананьев, Папушина, 2012; Петрова, Бурлуцкая, 2020; Прудникова, 2018). Но что представляет собой аудитория актуального искусства в городе, в котором это искусство заявило о себе всего лишь несколько лет назад? Ответ на этот вопрос мог бы расширить представление о социальном измерении современного искусства в российских городах.

Первая выставка такого рода – спецпроект IV Уральской индустриальной биеннале современного искусства «Работа никогда не завершается» – была проведена в Тюмени в 2017 г. Именно ею открывался крупнейший в регионе музейный комплекс имени И. Я. Словцова. Экспозиция включала в себя, помимо целого ряда дискуссионных работ, погруживших зрителя в неоднозначные содержательные контексты современного искусства, еще и проекты интерактивные, продемонстрировавшие аудитории новые форматы коммуникативного взаимодействия произведения с публикой.

Подтверждением возникшего у горожан интереса к современному искусству явился рост зрительской активности в отношении последующих выставок, одной из которых в 2021 г. стал спецпроект V Уральской биеннале «Создать новый слой». Смыслы, которые кураторы вкладывали в название и концепцию выставки, касались в первую очередь новых форматов коммуникации человека с различными средами (как реальными, так и виртуальными) в ситуации пандемии. Но в контексте нашего исследования это название можно интерпретировать иначе: как создание «нового слоя» публики в Тюмени – слоя людей, заинтересованных в современном искусстве. В этом отношении мы имеем редкую возможность проследить генезис аудитории современного искусства в городе с достаточно консервативными эстетическими представлениями. Это возможность описать социальное измерение современного искусства не только через социально-демографические характеристики, но и через параметры эстетического вкуса, культурного кода и профиля.

Описание этой новой аудитории осуществлено в формате культурных профилей ее представителей. В то же время сам факт ее возникновения предполагает появление и новых социальных контекстов. Какие факторы представляются для этой аудитории важными? Из кого она состоит? Возникают ли у публики ассоциации, связывающие современное искусство с данным конкретным городом, его современностью, креативностью? Исследование аудитории современного искусства позволяет не только прояснить степень готовности горожан к принятию такого глобального явления современной культуры, как актуальное искусство, но и выявить понимание ими его роли и значения в развитии города, трансформации его визуального облика и возникновении новых смыслов.

Теоретические основания и методологические подходы

В исследованиях, посвященных изучению музеев и их аудиторий, долгое время доминировал структурный подход, рассматривающий музей в контексте властных отношений. Сегодня в фокусе внимания находится субъект, воспринимающийся как равноправный актер: «совместно с авторами экспозиций он создает смыслы, активно реагирует на представленные в музее объекты и идеи» (Максимова, 2019, с. 133). Наше исследование аудитории современного искусства в Тюмени также сосредоточено на реципиенте. В процессе создания культурных профилей аудитории мы опирались на основные принципы качественного социологического исследования – провели 25 полуструктурированных интервью. Критерием подбора информантов было посещение ими городских выставок изобразительного искусства в течение последнего года, в нашем случае –

2021 г. Выборка строилась на посетителях выставки современного искусства с участием тюменских художников «Все свои. Синхронизация» (декабрь 2021 г.).

В фокусе исследования – аудитория, понимаемая в самом широком значении как сообщество, объединенное восприятием некоторого объекта(-ов). В число наших задач не входил анализ социально-экономической составляющей аудитории современного искусства, применяемый в маркетинговых исследованиях. Нас интересовал иной социальный срез – создание портрета аудитории актуального искусства конкретного города. В подобных случаях исследователи обращаются к концепту П. Бурдьё «культурный капитал» (Ушкарёв, 2017; DiMaggio & Mukhtar, 2004; Hanquinet, 2016). С некоторыми оговорками мы подключаем этот концепт с целью анализа и интерпретации результатов исследования. Обращаясь к визуальному искусству, мы связываем культурный капитал со способностью реципиента к «видению» как умению распознавать произведения современного искусства с последующим декодированием смыслов. Эта способность обусловлена не только образованием, воспитанием реципиента, но и городом как ареной его встречи с искусством (Hanquinet et al., 2014).

В то же время сегодня теория Бурдьё о корреляции между занятием определенным положением в социальном поле и культурным капиталом сохраняет свою актуальность лишь отчасти. Ее критики отмечают, что эта зависимость в новых культурных реалиях уже не столь очевидна: дифференциация между элитой и массой усложняется (Peterson, 1992). Культурные вкусы обнаруживают большее разнообразие во всех странах, и они более не связаны с социальным положением. Различия в культурных вкусах и практиках могут быть обеспечены полом, возрастом, этнической принадлежностью и т. д. (Bennett et al., 2009).

Ряд исследователей считает, что связи аудитории современного искусства с культурным пространством в наши дни оказываются значительно сильнее и сложнее, чем это было во времена Бурдьё, а значит, сама концепция культурного капитала нуждается в обновлении (Prieur & Savage, 2013). Л. Хенкванет полагает, что Бурдьё сформулировал ее, исходя из модернистского противопоставления высокой и низкой культур, тогда как эмпирически это не отражает новой ситуации в культурной и социальной сферах (Hanquinet, 2016). Так, в ситуации постмодернизма бывшее противопоставление этих контрагентных по отношению друг к другу культур сменяется готовностью принятия того и другого.

Нас интересовали высказывания респондентов об эстетических аспектах восприятия современного искусства и личностных факторах, их обусловивших (что требовало более тонкой настройки на аудиторию как предмет исследования). С целью их выявления мы задействовали концепцию «культурного профиля», представляющую собой совокупность культурных, творческих и досуговых предпочтений и видов деятельности по отношению к различным формам искусства (Hanquinet, 2013). Это позволило описать усложнение социального измерения эстетического вкуса, его связь с городом, местом, модой. В описании культурных профилей мы исходили из нескольких критериев: во-первых, степень погруженности в современное искусство и понимание его специфики, обусловленные уровнем образования и самообразования; во-вторых, предпочтения в выборе культурных мероприятий (театр, кино, концерты, фото-выставки); в-третьих, мотивы посещения мероприятий, имеющих отношение к современному искусству, и, наконец, то, каким образом сами респонденты

определили свое отношение к этому искусству, сделав выбор из нескольких номинаций (список открытый).

Первый блок вопросов, заданных респондентам, касался прояснения их культурного капитала, социально-демографических характеристик (пол, возраст, уровень образования, профессия). Здесь же задавались вопросы о возможных составляющих культурного досуга респондентов, таких как концерты, кино, театральные постановки, сериалы и т. д. Ряд вопросов выявляет специфические особенности культурного бэкграунда респондентов как источника инспирации их интереса к современному искусству. Часть из них направлена на выяснение представлений реципиентов о месте и роли современного искусства в конкретном городе – Тюмени.

Второй блок вопросов позволил прояснить уровень представлений респондентов о современном искусстве, их способности к выявлению как содержательных, так и формальных его особенностей. Также нас интересовали ожидания, с которыми реципиенты шли на выставку. На основании анализа ответов респондентов были созданы описания культурных профилей аудитории современного искусства.

Аудитория в контексте городского культурного капитала

Не существует «посетителя музея вообще» – эта мысль лежит в основе исследования аудитории. Это всегда человек с конкретными интересами, образом жизни, образовательным профилем, профессиональным и культурным опытом. По аналогии не существует и «посетителя выставок современного искусства вообще». Дж. Фальк, одним из первых проблематизировавший исследования публики, показал, что социально-демографические характеристики посетителей ничего не значат сами по себе (Falk & Dierking, 2000); для понимания аудитории важно прояснение того, почему посетитель приходит в музей (на выставку), а для этого требуется больше данных.

Понимание произведения искусства реципиентом связано с его способностью декодировать данное произведение. По мнению П. Бурдьё, эта способность обусловлена культурным капиталом индивида, т. е. его культурными ресурсами и навыками. Именно культурный капитал определяет наше культурное потребление: отношение к продуктам культуры в целом и произведениям искусства в частности. В работе «Различение» французский исследователь пишет о культурной «предрасположенности» к эстетическому декодированию, зависящей от уровня образования, семьи; о возможности «высокоинтеллектуального участия» в культурных событиях, формирующих вкусы, которые, в свою очередь, выступают в роли социальных маркеров (Бурдьё, 2004).

В некотором соответствии с теорией Бурдьё все респонденты исследования – люди с высшим образованием, и все они (за исключением двух студентов с неоконченным высшим образованием) считают себя социально успешными людьми. Охотнее посещают выставки женщины (что сказалось на соотношении респондентов – 16 из 25). В этом отношении наше исследование пересекается с некоторыми результатами проекта исследования современного институционализованного визуального искусства в крупных нестоличных городах России (Прудников, 2018). Возраст интервьюируемых варьировался от 20

до 52 лет, в количественном отношении преобладала группа от 20 до 35 лет. При этом 3 респондента упоминали собственную «насмотренность» как важное условие идентификации современного искусства и выявления его смыслов. Как и способность «видеть», она формируется у этих реципиентов в результате определенного культурного бэкграунда, включающего в себя посещение множества выставок, прослушивание лекций и чтение текстов, посвященных современному искусству. Кроме того, 5 респондентов отметили, что они закончили художественную школу, т. е. их интерес к искусству возник еще в детстве. Все эти образовательные практики в конечном итоге обеспечили респондентам доступ к современному искусству. Произведение современного искусства представляется им как «вызов к прочтению»: *«Современное искусство, безусловно, надо читать, и его очень интересно читать. И для этого я ходила даже на лекции, которые у нас проводил наш музей по поводу современного искусства» (Алла, 35 лет).*

Ответы большей части интервьюируемых обнаружили их профессиональный интерес к современному искусству. Оценили свой опыт этого искусства как профессиональный: 1 блогер, 2 журналиста, 5 художников (или тех, для кого рисование – хобби), 2 культуролога, 2 студента гуманитарных направлений, 1 писатель, 1 иллюстратор, 1 дизайнер. В ситуации современной культуры задача реципиента осложняется: чтобы понять современное искусство, он должен иметь хотя бы самое общее представление не только об искусстве, но и его культурных контекстах. Например, один из респондентов прокомментировал феминистский проект творческого объединения «Наденька» «С праздником всех прав!» следующим образом: *«Современное искусство создано под конкретную проблему при определенном контексте – и его надо знать... сегодня, если ты не знаешь повестку актуальную, то ты не поймешь, зачем тут висят эти трусы, а на самом деле эти трусы – символ борьбы за права женщин, а для тебя это просто трусы. И в этом смысле это абсолютно прекрасный вызов» (Дарья, 47 лет).* Пастиш, ирония, игра, присущие искусству постмодернизма, задают новые эстетические критерии, которые реципиент должен уметь считать: *«Это искусство иронично, и оно адресовано людям с чувством юмора» (Елизавета, 52 года).*

Новым фактором, влияющим на формирование культурного капитала (который невозможно игнорировать), оказывается цифровая реальность: она предоставляет для этого множество альтернативных возможностей (помимо образования и соответствующего воспитания в семье). Респонденты утвердительно отвечали на вопрос, оказывают ли ресурсы Интернета влияние на формирование их отношения к современному искусству, упоминая в этом качестве специализированные сайты, социальные сети, образовательные платформы. Особой популярностью пользовались музеи онлайн (интервью проводились в период пандемии). В ситуации цифровой эпохи культурный капитал реструктурируется: он включает в себя способность к оцениванию не только устоявшихся культурных форм, но и тех, что находятся на стадии зарождения (Prieur & Savage, 2013).

Кроме того, на становление культурного капитала сегодня оказывает влияние город (что созвучно урбанистическому повороту в социальных науках). В ситуации урбанизации культурный капитал приобретает городское измерение, возникает понятие «городской культурный капитал» (Hanquinet et al., 2014). Опыт

города, городская культура (не учитываемые П. Бурдые) – это не только то, что можно созерцать, это эстетизированный стиль жизни и образ повседневности. Город для современного искусства оказывается контекстной составляющей культурного капитала. Описание аудитории современного искусства выходит за границы аналитики его школ, традиций, институций. Оно предполагает также и обсуждение современного искусства в контексте мест его обитания. Есть ли в городе места, связанные для респондентов с современным искусством? Места атмосферные, посещаемые с удовольствием и ассоциирующиеся не только с данным конкретным городом, но и с искусством?

Тюмень лишь недавно стала развиваться в соответствии с актуальными урбанистическими трендами. Исторически город позиционировался как купеческий, торговый, в советское время – транзитный. В его бэкграунде и обидное «Тюмень – столица деревень», и образ номадического города – перевалочного пункта для освоителей Севера. Современная застройка эклектична. Мнения респондентов о связи города и современного искусства спустя 5 лет после первой масштабной выставки расходятся. С одной стороны, они прослеживают эту связь как потенциально возможную: ответы на вопрос, есть ли в Тюмени современное искусство, сопровождаются и размышлениями о специфике города. С другой стороны, эти размышления неоднозначны, спектр мнений в группе от 35 и старше широк, от скепсиса до сдержанного оптимизма:

«Тюмень не тот город, где есть понимание современного искусства. Это может быть связано с характером города, его историей. Вот Екатеринбург – это совсем другая история. И там сам город такой, конструктивистские районы. А нам, мне кажется, оно и не надо. Вот у нас есть музей, и там есть Айвазовский, и есть у нас еще тюменский ковер. Жителей надо еще готовить и готовить к современному искусству» (Владимир, 50 лет).

«Мы сейчас все объединены Интернетом, и современное искусство есть везде. Людям в Тюмени не нужно современное искусство. Проблема в публике. Современное искусство направлено на изменения, переживания. А Тюмень – спокойный город, тут потрясений не происходит» (Елизавета, 52 года).

«Представлено ли современное искусство в Тюмени? Ну, на троечку. У нас город не такой, он традиционно купеческий. А для искусства у нас публика есть, конечно, кластер определенный, у которого есть потребность в этом» (Александр, 40 лет).

В то же время респонденты 20–35 лет придерживаются иной точки зрения, связывая современное искусство не только с конкретными местами в городе, но и с обновлением Тюмени:

«В Тюмени есть современное искусство. Контора парходства. Бывший кинотеатр «Космос»: там проекты интересные. Или Фабриклофт. Но у нас современное искусство только начинается» (Светлана, 35 лет).

«Здесь нужно смотреть на возраст. Молодежь активно вовлекается в искусство, и они готовы к нему, и это очень здорово. Где у нас самый движ? В Конторе, там молодежь и собирается. Даже 30-летние люди, я их тоже отношу к молодежи. Это какой-то новый город» (Алиса, 25 лет).

Интересно, что музейный комплекс имени И.Я. Словцова у респондентов не ассоциируется с современным искусством, он был упомянут косвенно, в контексте проводившегося там лектория спецпроекта Уральской биеннале:

«Биеннале – это был очень хороший ход, и, наверное, может быть, равным по значимости экспозиции был лекторий, который сделали. Просто ему честь и хвала. Это было очень круто» (Дарья, 47 лет).

В основном в этом контексте назывались креативные общественные пространства: мультицентр «Контора пароходства» и центр дизайна «Фабрика». Возможно, это объясняется тем, что музей проводит выставки современного искусства от случая к случаю, тогда как оба центра работают с современным искусством целенаправленно. При этом некоторые респонденты считают, что город, в свою очередь, должен соответствовать современному искусству визуально, и места его обитания должны быть особыми: «конструктивистские районы», «неэлектичный образ», «некупеческие застройки» и т. п. В то же время отмечалась корреляция между современностью города и современным искусством: *«То, что оно в Тюмени есть, означает, что город развивается» (Анна, 43 года).*

Также респондентам был задан вопрос о том, станет ли современное искусство понятнее горожанам в случае, если произведения будут включать в себя локальный культурно-исторический контекст? Большинство ответили утвердительно и даже предложили свои варианты проектов такого рода, в формате бриколажа включающие в себя игры с тюменскими коврами и резными наличниками; инструментами и вещами, используемыми в нефтепереработке и т. д. По мнению одного из респондентов, ситуацию могли бы исправить и соответствующие объекты паблик-арта, но уличное искусство, во всяком случае пока, представлено в Тюмени в основном санкционированным городскими властями стрит-артом.

Культурные профили аудитории

Как показывают исследования (Falk & Dierking, 2000), у каждого музея, у каждой выставочной площадки свой профиль аудитории. Описать профиль означает определить потребность, приведшую человека на выставку современного искусства. Обращение к культурному профилю позволяет выявить культурные, творческие и досуговые предпочтения аудитории. Кроме этого, нас интересовало, что именно понимают респонденты под современным искусством и чем оно привлекает их.

Для выяснения культурных предпочтений аудитории респондентам были заданы вопросы о том, как часто они посещают музеи вообще и мероприятия, связанные с современным искусством, в частности. Респонденты утвердительно отвечали на вопрос, относят ли они себя к музейной публике. При этом не все видели необходимость различения того, к публике какого именно музея они себя относят. Так, 8 из них продемонстрировали определенную «всеядность»: в числе мероприятий, избранных для посещения, ими назывались как выставки современного искусства, так и выставки исторического и краеведческих музеев, и фотовыставки. Но большая часть респондентов (17 из 25) подчеркнула свою ориентированность именно на современное искусство, выставки которого стараются не пропускать. Эти выставки как способ культурной организации досуга оказались в одном ряду с кинотеатрами, театральными постановками (причем респонденты чаще упоминали театральные

квартирники и даже просто театральные читки, чем постановки городского театра), упоминались также уличные фестивали («Сны улиц»), музыкальные концерты и фестивали.

Кроме того, респондентам были заданы вопросы, имеющие отношение к их пониманию того, что представляет собой современное искусство. Они отметили его экспериментальность – *непривычный способ подачи; провокативность; множественность интерпретаций*, что в процессе восприятия требует от зрителя дополнительных усилий; необычность – *выходит за рамки обычного*; трансгрессивность – *меняет наши представления о ценностях и нормах*; как содержательную актуальность проблемам современности, так и вневременность – *заточено на современность, но смотрит в вечное*.

Часть респондентов убеждена в том, что это искусство адресовано прежде всего молодым людям: *«Я маму на такое не позову. Люди старшего возраста не смогут это понять» (Татьяна, 38 лет)*.

Также нас интересовала мотивация посетителей выставки. Помимо профессионального интереса к современному искусству, существуют ли какие-либо иные причины для посещения выставки? Большинство интервьюируемых вполне предсказуемым образом связали современное искусство с темой досуга.

В классификации, предложенной А. А. Ушкарёвым (2018), описываются статусная, содержательная и рекреационная мотивации похода в музей. Они коррелируют с различными досуговыми стратегиями. Конкретное произведение, выставка могут представлять интерес как высказывание о чем-либо. И это высказывание может служить поводом для посещения выставочного пространства. Так, один из респондентов посетил биеннале, потому что ему *«нравится творчество художников объединения «Куда бегут собаки», и было интересно, что они подготовили в этот раз» (Наталья, 42 года)*. Для другого особый интерес представляла работа куратора: *«Любопытно было, что он мог слепить из Тюмени в Тюмени» (Мария, 48 лет)*.

В ряде случаев выставки современного искусства представлялись не главной целью похода. Так, 5 респондентов отметили важность для них конкретного места: *«Контора парходства, бывший кинотеатр «Космос», Фабрика-лофт – там весь креатив, туда надо ходить» (Александр, 24 года)*; *«Ребята из Конторы делают интересное – я туда часто хожу, даже танцую с ними иногда в перформансах» (Татьяна, 38 лет)*. То есть выставка не всегда является целью посещения, она может оказаться дополнением к интересующему респондента месту. 2 респондента отметили, что там, где появляется современное искусство, кофе обычно хороший. Эта деталь в контексте исследований о вовлеченности в современное искусство (Pitts & Price, 2020) не представляется незначительной. Удобство и комфорт пребывания в местах экспонирования выставки – важный маркетинговый элемент. Кафе и кофе делают площадку гостеприимной. Тем самым она обретает возможность стать, в терминологии Р. Ольденбурга, «третьим местом», неформальным центром общения, местом притяжения горожан: *«Я прихожу в Контору посмотреть, что у них есть – выставки фотографий, перформансы, читки. Мне нравится во всем этом участвовать. И люди совершенно чудесные» (Анна, 43 года)*. Такое «участие» оформляется в целый ряд досуговых стратегий. Их оформление является маркером постоянной публики какого-либо конкретного места, связанного

с современным искусством (музея, креативного центра и т. д.). Встречается также мотивация, описанная А. А. Ушкарёвым (2018) как «статусная»: если событие (как в случае с биеннале и выставкой «Все свои») получало широкий общественный резонанс, то часть посетителей (3 респондента) шли на него именно по этой причине: «Если это какой-то модный художник, если это представляют как современную фишку, то я, конечно, пойду» (Алиса, 25 лет).

На основании анализа интервью мы выделили культурные профили аудитории современного искусства в Тюмени, отражающие различные составы культурного капитала.

Доминирующей группой являются *профессионалы*, хорошо осведомленные о современном искусстве, активно посещающие выставки по причине не только профессионального, но и личного интереса, источником которого может быть тема выставки, имена куратора или участников. Досуговая стратегия – содержательная. Самоопределение – «знаток современного искусства». Профессионалы представлены во всех возрастных группах. Помимо актуального искусства, интересуются также театром (как классическим, так и экспериментальным), кино, посещают концерты классической музыки.

Вторую группу представляют *любители искусства*, характеризующиеся «всеядностью» в отношении своих эстетических предпочтений (Peterson, 1992; Vries & Reeves, 2022). Они с одинаковой готовностью посещают любые заинтересовавшие их мероприятия в области культуры, включая выставки современного искусства. Самоопределение – «любитель современного искусства». Досуговая стратегия – преимущественно содержательная. Эта группа представлена респондентами от 45 лет. Помимо актуального искусства, интересуются театром (квартирники, театральные читки, танцевальные постановки), музыкальными концертами (от классики до рок-опер), кино.

Третья группа, определившая себя как *искатели нового опыта*, объединяет респондентов, для которых посещение выставки современного искусства представляет собой прежде всего мероприятие не столько модное и статусное, сколько увлекательное, связанное с возможностью получения нового трансгрессивного опыта. Они относят себя к интеллектуалам. Принимают активное участие в акциях, имеющих отношение к современному искусству (лекции, перформансы). В профессиональном отношении часть из них относится к успешным фрилансерам. В возрастном отношении эту группу представляют респонденты от 20 до 35. Для них актуальное искусство находится в одном ряду с экспериментальным театром, артхаусом, поэтическими выступлениями, один из респондентов упомянул этнофестиваль.

Четвертая группа – *те, кто в тренде* – по преимуществу молодые люди в возрасте от 20 до 35, рассматривающие посещение выставки прежде всего как повод для тусовки, а сами выставки как модные мероприятия, обязательные к посещению. Имеющиеся у них сведения о современном искусстве, как правило, случайны и обрывочны. Это форма проведения досуга, поэтому для данной группы важна инфраструктура выставочной площадки: желательно, чтобы она включала в себя кофейню (кафе). Свое отношение к современному искусству определяют словом «интересуюсь». Помимо актуального искусства, упоминают кинотеатры, конкурсы фотографий, мозгобойни, театральные постановки.

Заклучение

Создание многопрофильного портрета аудитории современного искусства в контексте социально-философской концепции культурного капитала представляет собой прежде всего воспроизведение ее социально-демографических характеристик (возраст, уровень образования, место работы). С этой точки зрения, аудитория современного искусства в Тюмени состоит преимущественно из женщин возраста от 20 до 52 лет. У них высшее образование, сохраняется интерес к самообразованию (включает в себя образовательные курсы онлайн, посещение лекториев, ридингов, театральных читок и т. д.). Часть из них посещала художественные школы, часть прослушала курсы лекций по современному искусству в процессе обучения в учебных заведениях. 5 респондентов принимают активное участие в художественных акциях в качестве волонтеров (перформанс). Некоторые заявили о профессиональном интересе к современному искусству, среди них преподаватели, журналисты, художники, дизайнеры. Профессии у респондентов преимущественно творческие, т. е. современное искусство попадает в круг их профессиональных интересов.

В процессе исследования были определены четыре культурных профиля аудитории современного искусства в Тюмени: «профессионалы», «любители», «искатели нового опыта», «те, кто в тренде». Современное искусство является одной из составляющих досуговых стратегий горожан. Интервью показали, что по большей части респонденты более охотно посещают не музеи, а разнообразные арт-пространства, что обусловлено прежде всего их дружественной атмосферой и развитой инфраструктурой, придающими им статус «третьих мест».

Проблемы развития современного искусства в Тюмени коррелируют с социально-философским измерением урбанистики. Они видятся респондентам в культурном капитале потенциальной аудитории (они отмечают отсутствие школ, инаковость традиций), в эстетическом дисбалансе между образом старинного купеческого провинциального города и непривычными форматами современного искусства. При этом городской контекст современного искусства респондентами принимается во внимание: они также убеждены в том, что соединение культурно-исторического локального контекста с современными арт-практиками будет способствовать популяризации в городе современного искусства и, как следствие, приращению его аудитории.

Тем не менее анализ интервью позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие специализированного музея современного искусства в Тюмени, слой публики, готовый к его появлению, здесь уже возник, во многом благодаря усилиям креативных центров. При этом для ее представителей современное искусство оказывается вписанным в различные контексты: «профессионалы» рассматривают его в качестве неотъемлемой части искусства вообще, их интерес к нему безотносителен; «любители» уточняют содержательную стратегию поиском актуальных смыслов современности; «искатели нового опыта» удовлетворяют потребность в новых ощущениях, для них современное искусство находится в общем ряду с фестивалями, театрализованными представлениями; «те, кто в тренде» реализуют свое стремление к публичной жизни, выставочное пространство интересует их прежде всего как место, куда приходят интересные люди.

Таким образом, на примере Тюмени можно сделать вывод, что в подобных городах именно многофункциональные креативные центры становятся популярными локациями современного искусства.

Список литературы

1. Ананьев, М. И., Папушина, Ю. О. (2012). «Тусовщики», «обогащающиеся духовно» и другие в музее современного искусства «PERMM» (г. Пермь): анализ публики одной выставки актуального искусства. В Е. Г. Ясин (Ред.), *XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества* (Кн. 2, с. 447–453). М.: Издательский дом ВШЭ.
2. Бурдые, П. (2004). Различение: социальная критика суждения. В В. В. Радаев (Ред.), *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики*. М.: РОССПЭН.
3. Максимова, А. С. (2019). Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(2), 118–146. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.5>
4. Петрова, Л. Е., Бурлуцкая, М. Г. (2020). Аудитория современного искусства в крупных городах России: ядро, периферия и перспектива. *Мир России*, 29(4), 171–203. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-171-203>
5. Прудникова, А. Ю. (Ред.). (2018). «Что-то новое и необычное»: аудитория современного искусства в крупных городах России. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый; Екатеринбургская академия современного искусства.
6. Ушкарёв, А. А. (2018). Культурная активность посетителей художественного музея: роль культурного капитала и мотиваций. *Культура и искусство*, (5), 69–78. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.5.26162>
7. Bennett, T., Savage, M., Silva, E., Warde, A., Gayo-Cal, M., & Wright, D. (2009). *Culture, class, distinction*. London & New York: Routledge.
8. DiMaggio, P. (1996). Are art-museum visitors different from other people? The relationship between attendance and social and political attitudes in the United States. *Poetics*, 24(2–4), 161–180.
9. DiMaggio, P., & Mukhtar, T. (2004). Arts participation as cultural capital in the United States, 1982–2002: Signs of decline? *Poetics*, 32(2), 169–194.
10. Falk, J. H., & Dierking, L. D. (2000). *Learning from museums: Visitor experience and the making of meaning*. Walnut Creek: Rowman & Littlefield Publishers.
11. Hanquinet, L. (2013). Visitors to modern and contemporary art museums. Towards a new sociology of ‘cultural profiles’. *The Sociological Review*, 61(4), 790–813. <http://doi.org/10.1111/1467-954X.12072>
12. Hanquinet, L. (2016). Place and cultural capital: Art museum visitors across space. *Museum and Society*, 14(1), 65–81. <https://doi.org/10.29311/mas.v14i1.677>
13. Hanquinet, L., Roose, H., & Savage, M. (2014). The eyes of the beholder: Aesthetic preferences and the remaking of cultural capital. *Sociology*, 48(1), 111–132.

<http://doi.org/10.1177/0038038513477935>

14. Peterson, R. (1992). Understanding audience segmentation: From elite and mass to omnivore and univore. *Poetics*, 21(4), 243–258. [https://doi.org/10.1016/0304-422X\(92\)90008-Q](https://doi.org/10.1016/0304-422X(92)90008-Q)

15. Pitts, S.E., & Price, S.M. (2020). *Understanding audience engagement in the contemporary arts*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429342455>

16. Prieur, A., & Savage, M. (2013). Emerging forms of cultural capital. *European Societies*, 15(2), 246–267. <https://doi.org/10.1080/14616696.2012.748930>

17. Sullivan, O., & Katz-Gerro, T. (2006). The omnivore thesis revisited: Voracious cultural consumers. *European Sociological Review*, 23(2), 123–137. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl024>

18. Vries, R. de, & Reeves, A. (2022). What does it mean to be a cultural omnivore? Conflicting visions of omnivorousness in empirical research. *Sociological Research Online*, 27(2), 292–312. <https://doi.org/10.1177/13607804211006109>

References

1. Ananyev, M. I., & Papushina, Yu. O. (2012) “Tusovshchiki”, “obogashchayushchiesya duhovno” i drugie v muzee sovremennogo iskusstva “PERMM” (g. Perm’): analiz publiky odnoj vystavki aktual’nogo iskusstva [“Partygoers”, “spiritually enriched” and others in the Museum of Contemporary Art “PERMM” (Perm): Analysis of the audience one exhibition of contemporary art]. In E. G. Yasin (Ed.), *XIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* (Vol. 2, pp. 447–453). Moscow: Izdatel’skiy dom VShE’.

2. Bennett, T., Savage, M., Silva, E., Warde, A., Gayo-Cal, M., & Wright, D. (2009). *Culture, class, distinction*. London & New York: Routledge.

3. Bourdieu, P. (2004). Razlichenie: social’naja kritika suzheniya [Distinction: A social critique of judgement]. In V. V. Radaev (Ed.), *Zapadnaya e’konomicheskaya sociologiya: Xrestomatiya sovremennoj klassiki*. Moscow: ROSSPE’N.

4. DiMaggio, P. (1996). Are art-museum visitors different from other people? The relationship between attendance and social and political attitudes in the United States. *Poetics*, 24(2–4), 161–180.

5. DiMaggio, P., & Mukhtar, T. (2004). Arts participation as cultural capital in the United States, 1982–2002: Signs of decline? *Poetics*, 32(2), 169–194.

6. Falk, J.H., & Dierking, L.D. (2000). *Learning from museums: Visitor experience and the making of meaning*. Walnut Creek: Rowman & Littlefield Publishers.

7. Hanquinet, L. (2013). Visitors to modern and contemporary art museums. Towards a new sociology of ‘cultural profiles’. *The Sociological Review*, 61(4), 790–813. <http://doi.org/10.1111/1467-954X.12072>

8. Hanquinet, L. (2016). Place and cultural capital: Art museum visitors across space. *Museum and Society*, 14(1), 65–81. <https://doi.org/10.29311/mas.v14i1.677>

9. Hanquinet, L., Roose, H., & Savage, M. (2014). The eyes of the beholder: Aesthetic preferences and the remaking of cultural capital. *Sociology*, 48(1), 111–132.

<http://doi.org/10.1177/0038038513477935>

10. Maximova, A.S. (2019). Razvitie podhodov k izucheniju muzeev v social'nyh i gumanitarnyh naukah [The development of approaches to studying museums in social sciences and the humanities]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 22(2), 118–146. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.5>

11. Peterson, R. (1992). Understanding audience segmentation: From elite and mass to omnivore and univore. *Poetics*, 21(4), 243–258. [https://doi.org/10.1016/0304-422X\(92\)90008-Q](https://doi.org/10.1016/0304-422X(92)90008-Q)

12. Petrova, L.E., & Burluckaya, M.G. (2020). Auditoriya sovremennogo iskusstva v krupnyh gorodah Rossii: yadro, periferiya i perspektiva [The audience of contemporary art in major Russian cities: Core, periphery and prospective audiences]. *Mir Rossii*, 29(4), 171–203. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-171-203>

13. Pitts, S.E., & Price, S.M. (2020). *Understanding audience engagement in the contemporary arts*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429342455>

14. Prieur, A., & Savage, M. (2013). Emerging forms of cultural capital. *European Societies*, 15(2), 246–267. <https://doi.org/10.1080/14616696.2012.748930>

15. Prudnikova, A. Yu. (Ed.). (2018). “Chto-to novoe i neobychnoe”: auditoriya sovremennogo iskusstva v krupnyh gorodah Rossii [“Something new and extraordinary”: Contemporary art audience in major Russian cities]. Moscow & Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj; Ekaterinburgskaja akademija sovremennogo iskusstva.

16. Sullivan, O., & Katz-Gerro, T. (2006). The omnivore thesis revisited: Voracious cultural consumers. *European Sociological Review*, 23(2), 123–137. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl024>

17. Ushkarev, A.A. (2018). Kul'turnaja aktivnost' posetitelej hudozhestvennogo muzeja [Cultural activity of visitors to an art museum: The role of cultural capital and motivations]. *Kul'tura i iskusstvo*, (5), 69–78. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2018.5.26162>

18. Vries, R. de, & Reeves, A. (2022). What does it mean to be a cultural omnivore? Conflicting visions of omnivorousness in empirical research. *Sociological Research Online*, 27(2), 292–312. <https://doi.org/10.1177/13607804211006109>

Информация об авторах

Марина Георгиевна Чистякова, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-510X>, e-mail: m.g.chistyakova@utmn.ru

Ирина Николаевна Пупышева, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-4870>, e-mail: i.n.pupysheva@utmn.ru

Information about the authors

Marina Georgievna Chistyakova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Tyumen State University, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-510X>, e-mail: m.g.chistyakova@utmn.ru

Irina Nikolaevna Pupysheva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Tyumen State University, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-4870>, e-mail: i.n.pupysheva@utmn.ru

СОСТАВ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД НЭПА И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1923–1934 ГГ.)

Михаил Аркадьевич Фельдман,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия,
feldman-mih@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.08.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Фельдман М.А. Состав и трансформация региональной элиты Уральской области в период НЭПа и индустриализации (1923–1934 гг.) // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 138–157. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_138

Аннотация

Реформа административно-территориального деления СССР в 1923–1930 гг. представляла собой попытку найти оптимальное соотношение властных полномочий между Центром и регионами. Укрупнение регионов, прежде всего в формате областей, привело к укреплению региональных политических элит и росту их влияния на положение дел в стране. В рамках реформы в 1923 г. была создана Уральская область, просуществовавшая до 1934 г. В статье выявляется специфика уральской элиты, которая, с одной стороны, определялась общими закономерностями изменения состава общества в период революционных потрясений 1917–1920 гг., с другой – особенностями региона (в первую очередь необходимостью эффективного управления горно-металлургическими предприятиями и военными заводами). На основе анализа архивных материалов прослеживается эволюция социальных характеристик и политического поведения управленцев, входивших в состав Уральского обкома ВКП(б) в 1923–1934 гг. Отмечается, что социальная структура уральской элиты сохранялась на протяжении всего исследуемого периода, однако руководство партии

© Фельдман М.А., 2022

постоянно меняло первых лиц Уралобкома, стремясь не допустить разрастания патрон-клиентских отношений в регионе. Выделяются характерные черты назначенца из Центра: подчеркнутое дистанцирование от своего окружения; позиционирование лояльности Центральному комитету; готовность к репрессиям против «классово чуждых элементов» и т. д. Анализируются конфликты между назначенцами из Москвы и местной номенклатурой, а также причины Постановления ВЦИК от 17 января 1934 г. о разделении Уральской области на три региона – Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области.

Ключевые слова:

СССР, административно-территориальное деление, Уральская область, региональная элита, партийная номенклатура, Уральский обком ВКП(б), индустриализация, новая экономическая политика (НЭП), репрессии.

UDC 93/94

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_138

COMPOSITION AND TRANSFORMATION OF THE REGIONAL ELITE IN THE URAL OBLAST DURING THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY AND INDUSTRIALIZATION (1923–1934)

Mikhail A. Feldman,

Ural Institute of Management, Branch of RANEPa,
Ekaterinburg, Russia,
feldman-mih@yandex.ru

Article received on August 10, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Feldman, M.A. (2022). Composition and Transformation of the Regional Elite in the Ural Oblast during the Period of the New Economic Policy and Industrialization (1923–1934) *Discourse-P*, 19(4), 138–157. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_138

Abstract

The reform of the administrative division of the USSR in 1923–1930 was an attempt to find the optimal balance of power between the Center and the regions. The consolidation of regions, primarily in the format of oblasts, led to the strengthening of regional political elites and the growth of their influence on the state of affairs within the country. As part of the reform, the Ural oblast was created in 1923 and existed until 1934. The article reveals the specifics of the Ural elite, which, on the one hand, was determined by the general patterns of social changes during the revolutionary upheavals of 1917–1920, on the other

hand – by the peculiarities of the region (first of all, the need for effective management of mining and metallurgical enterprises and military plants). Based on the archival materials, the author traces the evolution of social characteristics and political behavior of managers who in 1923–1934 were part of the Ural Regional Committee (Uralobkom) of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), also known as the VKP(b). It is noted that the social structure of the Ural elite persisted throughout the period under study, but the party leadership constantly changed the top officials of the Uralobkom, trying to prevent the proliferation of patron-client relations in the region. The characteristic features of Moscow appointees are highlighted: emphasized distancing from their local environment; positioning loyalty to the Central Committee; readiness for repression against so-called “class-alien elements”, etc. The conflicts between Moscow appointees and the local nomenclature are analyzed, as well as the reasons for the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee (January 17, 1934) on the division of the Ural oblast into three regions – Sverdlovsk, Chelyabinsk, and Ob-Irtysk oblasts.

Keywords:

USSR, administrative division, Ural oblast, regional elite, party nomenclature, Ural Regional Committee of the VKP(b), industrialization, New Economic Policy (NEP), repression.

Введение

Категория «элита» получила широкое распространение в общественных науках благодаря работам итальянского социолога В. Парето, выступившего наряду с Г. Москвой и Р. Михельсом основателем элитологии – одного из наиболее востребованных направлений современной политической науки. В отличие от классовой теории главным основанием стратификации общества в рамках элитологического подхода является не экономическое неравенство, а различное положение социальных групп по отношению к политической власти (Наронская, 2019, с. 90). Российская наука разработала методологические основы и подходы, необходимые для теоретического и эмпирического анализа властных элит (см., например, Дука, 2012). Эти основы были использованы в одной из наших статей для анализа советской элиты 1930-х гг. (Фельдман, 2021а). В настоящем исследовании мы постараемся разобраться, насколько закономерности эволюции советской элиты того периода были характерны для провинциального управленческого корпуса. Поиск ответа на поставленный вопрос обусловил исследование, проведенное в рамках Уральской области.

Актуальность выбранной темы объясняется переходом Российской Федерации от приоритета принципа выборности руководителей региональных элит (губернаторов) к преобладанию принципа «назначенчества». Аналогичная тенденция прослеживается на внутрирегиональном уровне. Это объясняется, как и в 1930-е гг., необходимостью централизации ресурсов управления. Однако и спустя 90 лет прослеживается устойчивый тренд: в реальности централизация подменяется различными категориями патрон-клиентских отношений и неформальных сетей (Мельников, 2021). Происходит рост доли политических назна-

ченцев, составляющих ядро команд губернаторов (Мухаметов, 2018). При этом сохранение внутри региональных элит противоборствующих групп регулируется, как и в советский период, аппаратом правящей партии (Мухаметов, 2015).

Что касается необходимости исследования региональной элиты Уральской области, то она обусловлена недостаточным количеством научной литературы по данному вопросу. Имеющиеся работы посвящены главным образом изучению конфликтов между назначенцами и местными кадрами (Воробьев, 2019а, 2019б) и анализу образовательного уровня партийных руководителей (Колдушко, 2010). Попытку проанализировать эффективность работы региональных управленцев в первой половине 1930-х гг. (Колдушко, 2009) трудно назвать удачной, поскольку критерии эффективности только продекларированы.

Эмпирической базой настоящего исследования выступают архивные материалы фонда Уралобкома (Ф. 4) Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Реформа административно-территориального деления СССР в 1923–1930 гг.

Проведенная в 1923–1930 гг. реформа административно-территориального деления СССР имела своей целью нахождение оптимального баланса властных полномочий между Центром и регионами. Укрупнение последних, прежде всего в формате областей, близких в своих границах к крупным экономическим районам, было необходимо для проведения масштабных преобразований, связанных с НЭПом. В рамках реформы одной из первых была создана Уральская область (подробнее см. Фельдман, 2021б).

События 1923–1934 гг. – период эволюции авторитарного государства к тоталитарному – оказали существенное влияние на процесс формирования советской элиты, в том числе на региональном уровне (Чистиков, 2007; Шебалин, 2013).

В научной литературе последних лет отмечается двойственность «феномена большевизма», «антиномичная двойственность советской системы» (Красин, 2017), начиная с событий конца октября 1917 г. Такой подход может служить методологическим основанием исследований «советского проекта» лишь постольку, поскольку из множества векторов и направлений действий различных социальных сил, собственно и составляющих феномен советской истории, можно выделить два основополагающих:

- рациональный, связанный с индустриализмом, объективной необходимостью (в том числе ради выживания режима) ориентирования на научно-технический прогресс;
- утопический, насыщенный множеством мифов, рожденных советскими пропагандистскими структурами и пластом устойчивых традиций.

В силу этого внутри элит формировались различные группы управленцев: с преобладанием хозяйственников-технократов и доминированием идеологов-марксистов (партийных, профсоюзных, комсомольских работников). Сам индустриальный проект при этом понимался первой группой преимущественно как последовательное движение по пути модернизации, тогда как для идеологов выполнение пятилетних планов означало достижение и окончательное утверждение

стадий социалистического строительства. Если в первом случае критерием развития выступало сравнение научно-технического потенциала СССР и развитых капиталистических стран, то во втором социалистический строй априори был более прогрессивным, чем капиталистический.

Предыстория элиты Уральской области (1917–1923 гг.)

Особенности уральской элиты определялись, с одной стороны, общими закономерностями изменения состава общества в период революционных потрясений 1917–1920 гг., с другой – особенностями региона, в первую очередь необходимостью эффективного управления горно-металлургическими предприятиями и военными заводами. Поэтому практически с самого начала внутри региональной элиты началось формирование двух групп – политического руководства и хозяйственных работников. Обратим внимание на примечательную закономерность: перед нами определенный «водораздел» большевистских кадров на «хозяйственников», формировавшихся во многом из представителей рабочих профессий, и «политиков», вышедших из интеллигентно-разночинской среды.

От представителей политической элиты заметно отличалась группа председателей деловых советов – органов коллективного выборного управления в горных округах и предприятиях Урала в конце 1917 – начале 1918 гг., в которых по регламенту за рабочими закреплялась норма в 2/3 членов. Изучение биографий председателей этих советов и литературы, посвященной видным представителям уральской технической интеллигенции, среди которых было немало высококвалифицированных специалистов, позволяет сделать вывод о некотором рациональном восприятии инженерного опыта организации производства со стороны председателей и членов деловых советов. Работу этих советов курировало правительство области – Совет комиссаров Урала во главе с профессиональным революционером В.Н. Андрониковым.

Анализ биографических данных, собранных А.П. Абрамовским и А.В. Будановым (2008, с. 259–278), позволяет выделить специфические признаки председателей деловых советов ряда уральских горнозаводских округов и заводов. По возрасту для них было характерно преобладание мужчин не старше тридцати лет. Образование чаще всего было представлено начальной (двух- или трехлетней) школой. Только в одном случае после школы учеба была продолжена в техническом училище. Таким образом, к руководству на одном или нескольких предприятиях промышленности пришли люди с низким, даже по меркам того времени, образовательным уровнем. Все председатели деловых советов были выходцами из рабочей среды. Уточняя это понятие, отметим, что прослеживается следующая закономерность: перед нами либо рабочие вспомогательных профессий на металлургических предприятиях (кочегар, электрик, молотобоец), либо непродолжительное время трудовой деятельности на рабочем месте в юности было прервано переходом на революционную профессиональную работу. Рабочие основных профессий оказывались, как правило, вне революционного вихря кадровых перемен.

О степени осмысления участия рабочих в управлении производством свидетельствуют выступления уральцев В.Н. Андроникова и Ф.Ф. Сыромолотова на Первом Всероссийском съезде советов народного хозяйства (СНХ), про-

шедшем в Москве с 25 мая по 4 июня 1918 г. Представители СНХ крупного промышленного региона, накопившего наибольший опыт национализации и апробировавшего структуру управления, в которой технические специалисты могли использовать свои знания и навыки, представили проект Положения об управлении национализированными предприятиями¹.

Многие председатели деловых советов знали друг друга еще по дореволюционной подпольной работе; пересекались в структурах первых легальных советов; принимали активное участие в Гражданской войне (в основном как политработники среднего звена), а в первой половине 1920-х гг. были председателями правлений горнозаводских трестов, подчиняющихся Уралпромбюро, представительному органу ВСНХ на Урале. Это, в условиях кардинального обновления бюрократического корпуса и отсутствия современных учебных заведений по подготовке управленцев, способствовало специфическому формированию советской элиты – превалированию личных отношений над институтами и имперсональными принципами социальных действий, что сохранилось и в постсоветскую эпоху (Мельников, 2021, с. 172).

И руководитель Уралпромбюро Д.Е. Сулимов, и председатели правлений горнозаводских трестов (Ф.И. Локацков, Уралмет; Г.И. Ломов – Уралплатина; С.И. Маврин, Гормет; В.С. Гулин – Уралмедь; М.К. Ошвинцев – Богословский трест), с учетом их значимости в промышленном регионе в середине 1920-х гг., перешли на партийную работу, вышестоящую хозяйственную работу (В.С. Гулин, Г.И. Ломов). К 1926 г. Д.Е. Сулимов становится первым секретарем Уралобкома, Ф.И. Локацков – председателем Уральского областного исполкома, М.К. Ошвинцев – заместителем председателя Уральского СНХ. Председателем СНХ стал вернувшийся из Москвы (после руководящей работы в главке металлургической промышленности) В.Н. Андроников. С именами этих людей связана разработка первого среди регионов СССР Генерального плана развития Урала до 1941 гг.² Работа на руководящих постах в горнозаводских трестах в условиях НЭПа, возможность использования знаний технических специалистов формировала у небольшой группы вчерашних профессиональных революционеров опыт рационального управления.

Черты социального облика региональной элиты к моменту создания Уральской области

Постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. четыре губернии РСФСР – Пермская, Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская – объединялись в Уральскую область, что превращало ее в своего рода полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае площадью 1659 тыс. кв. км и с населением 6380 тыс. человек. Исходя из выступления А.И. Рыкова на Первой конференции коммунистов Уральской области в декабре

¹ Труды Первого Всероссийского съезда советов народного хозяйства. Стенографический отчет (1918). М.: б. и. С. 219–222, 256–257.

² Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР) (1927). Свердловск: Уралплан.

1923 г., можно говорить о том, что руководство СССР ориентировалось на сочетание централизованного планирования и контроля за исполнением сверху с максимальной инициативой снизу в формате областей³. Это рождало дополнительные амбиции и надежды у местной номенклатуры.

Если правящая элита СССР, или «номенклатурная верхушка» (Хлевнюк, 1996, с. 230), в советский период формировалась главным образом из членов ЦК ВКП(б), то региональная элита рекрутировалась из членов областных (республиканских) партийных комитетов. Так что же из себя представляла региональная местная элита к декабрю 1923 г. – к моменту создания Уральской области?

Рассмотрим этот вопрос на примере такой социальной группы, как члены Областного комитета РКП(б), избранного в декабре 1923 г. на Первой конференции коммунистов Уральской области⁴. Из 44 его членов 43 являлись мужчинами. Факт, отражавший не только срез социокультурных основ участия в политической жизни граждан Советской России, но и военизированный характер самой партии. 32 человека (73%) – рабочие по социальному происхождению, однако не было ни одного рабочего «от станка» (согласно терминологии того времени). Наличие 25 партийных работников и 17 хозяйственных, профсоюзных ответственных работников наглядно говорило о процессе формирования самостоятельной социальной группы – управленческой элиты. Преобладание (больше половины) партийных функционеров, без сомнения, факт показательный: на уровне региона секретари партийных комитетов получали гарантированное большинство по любым вопросам. Столь же примечательным было соотношение советских и партийных управленцев: 7 и 25 соответственно. Как видно, представительство советов фактически позволяло иметь « совещательный голос », но не более того.

Структуризация членов Уралобкома по величине партийного стажа дает весьма примечательную картину. Только 5 человек (11%) можно отнести к группе «старой» революционной элиты, они вступили в партию до революции 1905 г. Тогда как в составе «революционной элиты» Советской России (люди, избранные в ЦК партии в 1917–1922 гг.) таких коммунистов насчитывалось более половины – 41 из 78 (53%). Отмеченная разница социального состава центральной и региональной партийных структур несла зерно потенциального конфликта поколений управленцев. В составе Уралобкома было немного членов большевистской партии, вступивших в ее ряды в годы Гражданской войны (6 человек). Главными группами являлись большевики с партийным стажем 1905–1916 гг. (18 человек) и ставшие партийцами в 1917 г. (15 человек). Следовательно, основную массу составляли либо вчерашние подпольщики, либо люди, присоединившиеся к партии в ходе революции 1917 г.

Подавляющее большинство (31 из 45) – люди до 35 лет. При этом 35 членов (80%) – русские; четверо – евреи; по одному были представлены народами Прибалтики, Кавказа, Поволжья. Общеобразовательный уровень был невысок: 32 члена Уралобкома имели только начальное образование (судя по анкетам, нередко двухклассное), шестеро – среднее (чаще горное училище) и только трое – высшее (включая незаконченное).

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 90. Л. 3.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 5. Л. 5–6.

Таким образом, очевидно противоречие между характером задач, стоящих перед Уральской областью, и качественными характеристиками региональной элиты. В определенной степени это противоречие могло решаться только путем экспериментов и накопления управленческого опыта, создания системы учебных заведений для подготовки руководящих работников.

Факторы эволюции региональной элиты в 1923–1928 гг.

Социальная структура уральской элиты сохранялась на протяжении всего периода НЭПа. В список членов Уралобкома, избранных на областной партконференции 27 ноября 1927 г., входили только две женщины из 87 человек. Подавляющее большинство обкомовцев имело начальное образование. Увеличение численности состава областного комитета почти вдвое (с 44 до 87 человек) за счет партийных и советских руководителей уездного звена привело к снижению доли партийцев со стажем до 1917 г. – с половины до четверти, при сохранении их общей численности (23 и 21 соответственно). При этом крупнейшей группой оказались 33 человека, вступившие в партию в годы Гражданской войны 1918–1920 гг., а также 26 человек в революционном 1917 г. Столь разительная перемена за короткий срок четырех нэповских лет объяснялась не только незначительностью слоя «подпольщиков» на Урале, но и удалением оппозиционеров из состава руководящих органов. Однако в бюро Уралобкома картина была иная: 9 из 15 человек (почти две трети) были со стажем до 1917 г.⁵ Как видно, в руководящем ядре большевистской организации Уральской области преобладали профессиональные революционеры.

На формирование элиты Уральской области большое влияние оказывало «назначенчество». В этом процессе можно выделить две плоскости: направление руководством ЦК кадров из других областей; перемещение партийных работников внутри Уральской области. Например, за 5 лет (декабрь 1923 – январь 1929 г.) на посту первого секретаря Уралобкома сменилось 5 человек: М. М. Харитонов, Н. К. Антипов, Д. Е. Сулимов, Н. М. Шверник, И. Д. Кабаков. Частая смена руководителей до начала первых пятилеток свидетельствовала не только о приоритете для Сталина задач внутривнутрипартийной борьбы и стремлении на всех уровнях власти расставить верных управленцев (после работы в Уральской области Антипов, Сулимов, Шверник были выдвинуты на более высокие должности в Москве и Ленинграде), но и об очевидной хаотичности кадровой политики, недоверии к местным кадрам, «запятнанным» даже фрагментарной поддержкой оппозиции. Конфликты назначенцев и представителей местных партийных и хозяйственных работников стали обычным явлением, отражая как непонимание присланными «варягами» специфики конкретной территории (Воробьев, 2019а), так и их столкновение со сложившимися на основе патрон-клиентских отношений и неформальных сетей командами уральских большевиков.

Аналогичные перемещения проходили и в самом Уральском регионе. К числу типичных следует отнести линии должностных перемещений в 1923–1929 гг. И. А. Нефёдова, ответственного секретаря Шадринского, Златоустовского, Нижне-Тагильского окружных комитетов партии, В. Ф. Головина, возглавлявшего

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 197–202.

в тот же период аналогичные структуры в Камышлове, Шадринске и Кургане, К.В. Рындина, успевшего за 1921–1926 гг. поработать ответственным секретарем в Златоусте, Нижнем Тагиле и Перми.

По наблюдению пермского историка В.В. Шабалина, многие партийные работники окружали себя «верными людьми», «вассалами», которых брали с собой при новом назначении. Принципиальное значение имеет указание на социальную характеристику «верных людей»: «все молодые, 26–35 лет, энергичные люди, вступившие в партию в 1918–1919 гг., возлагавшие... надежды на будущее свое благополучие» (Шабалин, 2003), верившие в силу патрона. В данном случае это выделение определенного социального типа партийцев периода «военного коммунизма», умевших сочетать верность идеологическим догмам с беспринципным движением по карьерной лестнице.

Проблема «назначенчества» была тесно связана с номенклатурными конфликтами, характерными для советской политической системы того времени. Как отмечает О.В. Хлевнюк (1996), бурные конфликты «потрясали в конце 20-х – начале 30-х гг. руководство многих регионов» (с. 144). Применительно к Уральской области справедливо будет говорить о периоде 1920-х гг. – после победы Сталина и его окружения на Пленуме ЦК в апреле 1929 г., время дискуссий в партийных комитетах уступает практике признания необходимости безусловного выполнения заданий Центра.

Что касается 1920-х гг., то, как правило, конфликты вспыхивали между назначенцами из Москвы и местной властной номенклатурой. С.В. Воробьев, исследовавший конфликты, связанные с назначением Н.М. Шверника и И.Д. Кабакова в Уральскую область, обратил внимание на ряд характерных моментов: активное использование руководителей районного (окружного) звена в аппаратной борьбе; характер обвинений в адрес назначенцев (отсутствие должных контактов с местными кадрами и массовый перевод прежних сослуживцев); роль работников аппарата ЦК как решающей инстанции для разрешения споров (Воробьев, 2019a, 2019b).

Весомым фактором, повлиявшим на эволюцию элиты Уральской области, стали разработка и принятие Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. Руководство области, плановые структуры региона (Уралплан), как и другие республиканские и областные плановые структуры, получили предписание разработать перспективный план развития края. Деятельность Уралплана под руководством Л.Е. Гольдича – единственного члена Уралобкома, имевшего законченное высшее образование (с 1926 г. также председателя областного СНХ), была активизирована принятием Постановления СНК РСФСР от 28 января 1927 г. «О развитии Урала как мощной промышленной базы страны». Подготовленный многочисленным коллективом авторов (около 150 человек из Уралплана, УПИ, Облземстатуправления, Статуправления, Уралгипромеза и других учреждений), Генеральный план рассматривался как первый этап краевого планирования, предполагавший формирование нового облика промышленного Урала как «целостного лесозаготовительного, горного, металлургического, металлообрабатывающего, машиностроительного, лесобумажного, полихимического, строительного комбината», с учетом рационального размещения вблизи источников сырья и возможности кооперационных связей (Фельдман, 2017). Обратим внимание и на особую роль руководителя Статуправления Уральской

области в 1923–1926 гг. В.С. Немчинова, будущего академика, внесшего значительный вклад в становление плановых начал на Урале в 1920-е гг., оказавшего определенное влияние на понимание представителями руководства области комплексного характера индустриального проекта.

Вместе с тем анализ работы пленумов Уралобкома в 1927–1928 гг. показывает, что обсуждение Генерального плана носило поверхностный характер, уступая пальму первенства вопросам внутривластной борьбы. Представители уральской элиты поддержали план развития Урала, одобренный руководством Госплана, но не смогли проникнуть в его суть – осуществление индустриального проекта на основе сохранения многоукладной экономики.

Региональная элита в 1929–1934 гг.

Переломные годы первой пятилетки не изменили характер отношений назначенцев и местных управленцев. Важным источником для понимания менталитета нового уральского лидера И.Д. Кабакова является комплекс архивных документов – «секретные письма» в ЦК ВКП(б).

О степени зависимости назначенца от Центра говорило секретное письмо И.Д. Кабакова Сталину от 27 февраля 1929 г., где он писал: «Убедительно прошу сообщить о положении дел в Политбюро. Никакого информационного материала не поступает. Привозят из Москвы целую вереницу различных слухов и нелепиц. При дальности расстояния отсутствие информации ставит в затруднение политику»⁶. В мае 1929 г. в письме Молотову Кабаков охарактеризовал партийную организацию Уральской области как «сырую в организационном отношении». «Сыро́сть» объяснялась «незначительностью прослойки квалифицированных рабочих». Однако выбранный метод борьбы – просьба прислать в Свердловск 20–25 партийных работников, окончивших Институт красной профессуры⁷, – указывал на подлинный предмет недовольства Кабакова – недостаточную, по его мнению, степень лояльности уральцев сталинскому курсу.

В письме в ЦК ВКП(б) от 10 марта 1929 г. Кабаков писал о земельных наделах уральских рабочих как о «самом большом недочете» в положении рабочего класса области. Полное непонимание роли земельных наделов в жизни уральцев вылилось в предложение коллективизировать земельные участки⁸. В письме к Сталину от 29 марта 1929 г. Кабаков выражает готовность арестовать в одном только Троицком округе 200–300 бывших белых офицеров как потенциальных виновников трудностей хлебозаготовок, заверяя, что «в этом не будет ничего страшного»⁹.

Секретные письма показывают характерные черты назначенца из Центра: подчеркнутое дистанцирование от своего окружения; позиционирование лояльности ЦК как главного принципа деятельности функционеров; готовность к репрессиям против «классово чуждых элементов»; верность марксистским догмам неприятия частной собственности.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 63. Л. 3.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 63. Л. 28.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 63. Л. 71.

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 63. Л. 5.

В 1929–1933 гг. Кабаков избавился от практически всех членов бюро Уралобкома, работавших с ним с 1929 г.: секретарей Обкома П. Т. Зубарева, А. И. Ларичева, И. С. Семирякова; руководителей Облисполкома М. К. Ошвинцева и В. Н. Андронникова, председателя Уралоблсовнархоза Л. Е. Гольдича и др. Высказывание мнения, отличного от позиции руководителя области, выражение малейших критических замечаний вели к переводу на другую работу, как правило, за пределами области. Анализ содержания этих замечаний, статей в областном журнале «Уральский коммунист» (Таняев, 1930а, 1930б; Фельдман, 2019) позволяет говорить о понимании членами Уралобкома опасности волюнтаристских бешеных темпов в начале 1930-х гг., ставок на количественные показатели в ущерб качеству продукции.

Проблема для Кабакова, верного сталинского назначенца, заключалась в том, что выполнение нереальных задач «великого перелома» оборачивалось гигантскими потерями и издержками, срывом плановых заданий. Беря пример со Сталина, он пытался взвалить вину на подчиненных. Пример бывшего секретаря Уралобкома П. Т. Зубарева, освобожденного в октябре 1931 г. от работы за попытку уменьшить репрессивные меры по отношению к зажиточным крестьянам и заклеянного в качестве «правого оппортуниста»¹⁰, был на слуху.

Стоило председателю Уральского областного исполкома (с января 1929 г. по ноябрь 1933 г.) М. К. Ошвинцеву в январе 1933 г. на Пленуме Уралобкома, подводящем предварительные итоги первой пятилетки в области, предложить уйти от курса на количественные показатели, обернувшегося в 1929–1932 гг. крайне низким качеством продукции, как вскоре он был освобожден от своей должности. Более того, на Пленуме Уралобкома в ноябре 1933 г. Ошвинцев был «обличен» в правом оппортунизме («недооценке классово-борьбы» и приеме на работу «непролетарских элементов»)¹¹. По традиции второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг. попавший в опалу управленец высокого ранга был переведен на второстепенную работу в Москву, став членом Комиссии советского контроля при СНК СССР.

Не решаясь на критику сталинского курса, вчерашние руководители горнозаводских трестов тем не менее запомнились делегатам конференций 1930–1934 гг. приводимыми примерами бесхозяйственности, указанием на масштабы брака и ошибочность отдельных шагов экономической политики. Для тоталитарного государства такие управленцы становились помехой. У многих уральских партийно-государственных работников период 1933–1934 гг. стал временем движения вниз по кадровой лестнице, как правило, за пределами региона.

Вместе с тем замена верхнего слоя региональной элиты не вносила принципиальных изменений в ее функционирование: внутри Уральской области новое пополнение приходило из уже сложившихся на основе патрон-клиентских отношений команд окружных и районных работников (Воробьев, 2019а).

Ход индустриализации в 1930-е гг. стал для Центра главным мерилом деятельности управленческих кадров. 24 января 1932 г. на Одиннадцатой областной

¹⁰ Одиннадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932: в 17 бюллетенях. Бюллетень 4 (1932). Свердловск: Партиздат. С. 4–9.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 20. Л. 147–148.

партийной конференции И.Д. Кабаков сообщил, что при плановом задании по выпуску промышленной продукции на 1931 г. стоимостью в 1360 млн руб., реальный выпуск не превысил 655 млн руб. (48 %). Результат был показательный: он отражал глубину провала экономической политики, связанной с волюнтаристским увеличением заданий первой пятилетки, что вошло в историческую литературу под именем «великого перелома». Если говорить о росте промышленной продукции в Уральской области, то за 1929–1931 гг. ее выпуск увеличился не в разы, а (по официальным данным) на 55 %: на 46 % в 1929–1930 гг. и на 8 % в 1931 г.¹²

В отчетном докладе на Двенадцатой областной партийной конференции, прошедшей в январе 1934 г., срыв плановых заданий первой пятилетки Кабаков расценил как проявление «наших неумелых управленческих действий»¹³. Однако в чем они заключались, делегаты так и не узнали: самокритичность регионального лидера имела определенные границы. Еще одна большевистская традиция – поиск субъекта-вредителя – также не обошла стороной доклад Кабакова: в бесхозяйственности на предприятиях области обвинялись профсоюзы, ответственные за существование «гнилого парламентского способа разрешать производственные вопросы»¹⁴.

Анализ отчетных докладов Кабакова на партийных конференциях 1930, 1932 и 1934 гг. позволяет выделить характерную особенность: полное отсутствие каких-либо социологических примеров положения трудящихся и оперирование примером жизни отдельно взятого рабочего, «внезапно» изменившего свое отношение к «социалистическому строительству». На Двенадцатой конференции Кабаков продемонстрировал незнание и непонимание качественных показателей развития экономики, приравняв, например, понятие «хозрасчет» к тарифной сетке. Ему, обладателю начального образования, полученного в церковно-приходской школе, действительно было трудно разбираться в сложных экономических вопросах, как и 71 % делегатов, имеющих аналогичную общеобразовательную подготовку¹⁵.

Опыт предшествующих конференций, кризисные явления в уральской экономике начала 1930-х гг. обусловили тот факт, что полностью уйти от анализа событий первой пятилетки на Двенадцатой областной партийной конференции все-таки не удалось. В докладе Областной контрольной комиссии приводились многочисленные факты бесхозяйственности на уральских стройках. Сообщение об использовании в 1930 г. «громадного парка строительных механизмов» только на 17,3 %, а к концу пятилетки (в 1932 г.) на 40–70 % говорило о многом. В сопоставлении с информацией о «незадействованном оборудовании на заводских стройках на десятки миллионов рублей» эти сведения резонно вызывали вопрос об уровне организации строительных работ¹⁶.

¹² *Одиннадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932: в 17 бюллетенях. Бюллетень 4 (1932)*. Свердловск: Партиздат. С. 4.

¹³ *Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет (1934)*. Свердловск: Партиздат. С. 24–25.

¹⁴ Там же. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 29, 35, 241.

¹⁶ Там же. С. 62–63, 65.

Но и простое повествование о буднях уральских строек могло навести на определенные выводы. Так, информация секретаря Магнитогорского горкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе о том, что на строительстве Магнитогорского металлургического комбината (ММК) в течение года три-четыре раза менялся кадровый состав рабочих, объяснялась не «вредительством старых специалистов», а «отсутствием плана организации строительных работ, который бы охватывал весь процесс строительства до его окончания». Немногим лучше была ситуация и на самом ММК, где текучесть кадров в среднем за год составила 100 %¹⁷. Аналогичными причинами директор Уральского завода тяжелого машиностроения Л.С. Владимиров объяснял крайне высокую текучесть рабочих и инженерных кадров¹⁸.

Выступление Владимирова не было исключением: представители директорского корпуса, будучи делегатами конференции, наглядно показали, что процесс осмысления итогов первой пятилетки включает в себя и нелицеприятные оценки экономической действительности. Такое осмысление носило непоследовательный, фрагментарный характер. Например, среди известных на всю страну членов Уралобкома – руководителя строительства Магнитки Я.С. Гугеля, директора Мотовилихинского завода И.К. Премудрова, начальника строительства ферросплавного завода в Челябинске М.А. Жарикова, начальника строительства и первого директора Челябинского тракторного завода К.С. Лонина, руководителя крупнейшего в СССР калийного треста В.Е. Цифрановича, получивших за сооружение и освоение промышленных объектов высшие награды СССР, – высшее техническое образование имел только Лонин.

Выступления представителей директорского корпуса – подлинных творцов индустриализации на Урале – становились главным событием партийных конференций, а их критические замечания способствовали верному переосмыслению леворадикальных безумств 1930–1931 гг. В выступлениях хозяйственников на областных партийных конференциях и пленумах всплывали фрагменты подлинной реальности экономической жизни региона.

Если годы Нэпа привнесли в поведенческую практику черты прагматизма у той части профессиональных революционеров, которая пришла на работу в органы государственной власти, отвечающие за конкретные участки экономики, то годы первой пятилетки стали временем определенного экономического прозрения для «красных командиров производства».

Провал в конце 1929–1930 гг. левацкого эксперимента («большого скачка») в экономике не оставлял возможности для продолжения прежнего курса. Вынужденной реакцией Сталина и его окружения стало проведение в начале 1931 г. Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности¹⁹, фактически ставшей начальным этапом курса «миниреформ» (Davies et al., 2014). В этой ситуации возможности раскрытия управленческих способностей хозяйственников несколько расширились.

¹⁷ Там же. С. 191, 199.

¹⁸ Там же. С. 210–214.

¹⁹ *Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931 г.* (1931). М. – Л.: Огиз.

Очевидно и другое: зачастую критические выступления управленцев встречали волну спланированной и организованной сверху «контркритики» со стороны «партийного актива». Для того чтобы никакая «негативная» информация не закрепились в сознании делегатов, руководство Уралобкома применило ряд инструментов психологического воздействия. Работу Двенадцатой конференции заполнили так называемые «приветствия с мест»: по нашим подсчетам, из 60 выступивших в прениях по отчетному докладу 27 только зачитали «приветствия» – парадные самоотчеты, выстроенные по одному трафарету и содержавшие лесть в адрес местных функционеров. Это означало, что около половины времени работы конференции заняли откровенно пропагандистские мероприятия.

Следует заметить, что отношение Кабакова к «сырой в организационном отношении» элите Уральской области не изменилось: из 87 членов Обкома партии избранного в ноябре 1927 г., в Уралобком, избранный 27 января 1932 г., вошли только 22 человека, т. е. менее четверти²⁰. Жесткий отбор некомпетентных управленцев дополнялся увольнением тех, кто не прошел «партийные чистки», выступал с любыми критическими замечаниями.

Резкий рост численности (с 87 до 145) членов Обкома партии, свидетельствующий о расширении количества номенклатурных работников, сопровождался приходом новых молодых кадров. В силу доминирования коммунистов с небольшим партийным стажем архивные документы фиксируют прекращение публикаций со сведениями о величине партийного стажа у членов Уралобкома.

Материалы Одиннадцатой областной партийной конференции указывали на появление оформленного ядра уральской элиты – бюро Уралобкома из 25 человек²¹. Подавляющее большинство из них составляли партийные работники областного и районного звена, руководители региональных ведомств, областного совета профсоюза и обкома комсомола в возрасте моложе сорока лет, вступившие в партию в 1917–1918 гг. За короткий период (декабрь 1923 – январь 1932 гг.) состав ядра региональной элиты поменялся кардинально: выходцы с Урала стали в нем абсолютным меньшинством – 5 из 25 человек. Из пяти секретарей Уралобкома четверо являлись назначенцами, и только В. Ф. Головин происходил из уральской рабочей среды. С учетом перевода многих уральских лидеров на руководящую работу в другие регионы и весьма немногочисленных случаев перехода уральцев в центральные органы власти, перед нами наглядный пример отношения лидера тоталитарного государства к провинциальным элитам: на первый план выходили не профессиональные качества, а стремление не допустить складывания сплоченных управленческих команд на местах.

Сплотить партийцев, входящих в состав элиты Уральской области, должна была система привилегий. Без сомнения, не красили руководителей Свердловской области немалые денежные пособия, покупка за казенный счет мебели, оплачиваемые за счет партийной кассы обеды, банкеты, строительство роскошных по меркам 1930-х гг. дач и т. д. Однако, копируя стиль верхнего эшелона московских чиновников, нормы быта советской номенклатуры, выстраи-

²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1. Л. 232об.

²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 16. Л. 1.

вая согласно секретным постановлениям ЦК и СНК сеть специальных магазинов и системы привилегий, элитных квартир, выполняя решения Политбюро о резком повышении заработной платы партийным работникам (Осокина, 1993), уральские управленцы «не отрывались от номенклатурного коллектива», выстроенного по сталинским лекалам.

Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП(б) была самой короткой по продолжительности (18–22 января 1934 г.) среди аналогичных партийных форумов за все время существования Уральской области. Можно выделить три причины, обусловившие такую «краткость». Во-первых, конференция должна была обсудить итоги первой пятилетки в области. Однако в традициях большевистской практики подводить неутешительные итоги было принято под прикрытием секретности и густой завесы идеологических конструкций при максимальной краткости информации. Во-вторых, открытие конференции «случайно» совпало с опубликованием Постановления ВЦИК от 17 января 1934 г. о разделении Уральской области на три региона – Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области. Сам факт такого решения и совпадение двух упомянутых событий свидетельствовали о недовольстве Сталина результатами работы руководителей Уральской области (как, впрочем, и других регионов). В-третьих, делегаты не обсуждали (формально в силу разделения Уральской области) перспективы развития региона в 1933–1937 гг.: уже во вступительном слове И.Д. Кабаков предложил снять вопрос «о контрольных цифрах народного хозяйства Урала на вторую пятилетку»²². История Уральской области была завершена.

Верность сталинскому курсу (включая его частые зигзаги) не избавила Кабакова и его окружение от гнева вождя. Опыт существования Уральской области был отброшен и не изучен. Судьба уральской элиты была трагичной: из 25 членов бюро Уралобкома, включая Кабакова, репрессии 1937–1938 гг. переживет только один, самый молодой (1902 г. рождения) И. Н. Корсунов.

Если говорить о роли, которую сыграли уральцы, входившие в состав Уралобкома в период существования Уральской области, картина складывается иная. Из числа уральской элиты вышли видные руководители партии и Советского государства. Среди них Д. Е. Сулимов – председатель СНК РСФСР в 1930–1938 гг., Н. М. Шверник – председатель ВЦСПС в 1930–1944 гг. и председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1946–1953 гг., К. Ф. Рындин – второй секретарь Московского обкома и горкома ВКП(б) в 1930–1934 гг.), Румянцев – первый секретарь обкома ВКП(б) Западной области в 1929–1937 гг., и многие другие.

Выводы

Высказанное в научной литературе мнение о неэффективности и некомпетентности уральских управленцев в первой половине 1930-х гг. (Колушко, 2009) верно только отчасти: задания первого пятилетнего плана были превращены в нереальные не по их вине. Фактически Уральский регион создавался при

²² Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет (1934). Свердловск: Партиздат. С. 6.

отрицании естественных местных экономических связей, вместо них формировалась жесткая управленческая вертикаль, характерная для всех регионов СССР (Твердюкова, 2010, с. 415). Однако стабилизация в экономике СССР в период 1932–1934 гг. (Davies et al, 2014, p. 68–73) позволила успешно ввести в строй гиганты индустрии Урала, модернизировать действующие заводы.

В этом плане судьба уральских управленцев схожа с линией развития союзной элиты: траектория карьеры зависела от умения выполнять задачи индустриального проекта, следовать генеральной линии партии, придерживаться правил поведения номенклатуры. Специфика уральской группы партийных и хозяйственных работников заключалась в повышенных требованиях к повседневной деятельности, связанной с особой ролью уральской промышленной базы. Закономерно, что за годы существования Уральской области заметно вырос образовательный уровень представителей региональной элиты. Показательно, что репрессии 1937–1938 гг. «выкосят» прежде всего управленцев с высшим и средним образованием (Колтушко, 2010, с. 106).

Судьба членов Уралобкома далеко не однозначна. Для многих из них реализация индустриального проекта стала главным делом жизни. Оценка каждого конкретного человека должна быть обоснована и индивидуализирована, сопоставлена с ценой достижений и тяжестью проступков. Но свой вклад в реализацию задач индустриализации они успели внести. Осмысление последствий «великого перелома» выводило не только представителей хозяйственников в составе уральской элиты, но и ряд партийных и советских лидеров Уральской области (прежде всего из числа бывших руководителей горнозаводских трестов) на уровень понимания значимости экономических законов. Необходимы масштабные исследования этой профессиональной группы без политических и идеологических пристрастий по принятой в современной науке шкале эффективности деятельности. Биографический подход открывает широкие возможности для изучения эволюции региональной элиты Уральской области через реконструкцию жизненного пути отдельных ее представителей.

Список литературы

1. Абрамовский, А.П., Буданов, А.В. (2008). *Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг.* Челябинск: ЧИ УРАГС.
2. Воробьев, С.В. (2019а). И. Д. Кабаков против Н. М. Шверника: борьба двух «варягов». Конфликт в Уральской области в 1928–1929 гг. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*, (4), 112–122. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.8>
3. Воробьев, С.В. (2019б). Случай Н. М. Шверника: конфликт в руководстве Уральской области в 1927–1928 гг. *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*, (3), 36–46. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2019.35.3.05>
4. Дука, А.В. (2012). О подходах к анализу властных элит. *Управленческое консультирование*, (3), 48–55.
5. Колдушко, А.А. (2009). Проблема эффективности работы региональной номенклатуры в первой половине 1930-х годов (на примере Свердловской области). *Вестник Пермского государственного технического университета*.

Культура, история, философия, право, (1), 159–168.

6. Колдушко, А. А. (2010). Образование как элемент социального портрета партийной номенклатуры в 1920–1930-е годы (на примере Свердловской и Пермской областей). *Вестник Пермского государственного технического университета. Культура. История. Философия. Право*, (3), 105–111.

7. Красин, Ю. А. (2017). Величие и трагизм советского «эксперимента». *Политические исследования*, (1), 10–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.03>

8. Мельников, К. В. (2021). Клиентелизм и неформальные сети региональных элит в России: опыт сетевого анализа на примере Свердловской области. *Политические исследования*, (6), 171–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>

9. Мухаметов, Р. С. (2015). Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне. *Ars Administrandi. Искусство управления*, (1), 85–94.

10. Мухаметов, Р. С. (2018). Региональная правящая элита: динамика и специфика (на примере Свердловской области). *Вопросы управления*, (6), 13–19.

11. Наронская, А. Г. (2019). Концептуальные подходы к изучению политических элит (мировой и отечественный опыт). *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 14(1), 86–91.

12. Осокина, Е. А. (1993). *Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг.* М.: МГОУ.

13. Таяев, А. П. (1930а). Проблема промышленных кадров для Большого Урала. *Уральский коммунист*, (3–4), 20–33.

14. Таяев, А. П. (1930б). О современном лице промышленных кадров Урала. *Уральский коммунист*, (11–12), 24–31.

15. Твердюкова, Е. Д. (2010). Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*, (1), 412–430.

16. Фельдман, М. А. (2017). «Генеральный план развития Уральской области: на 1926–1941 гг.»: между мифом и реальностью. В Л. Н. Мазур (Ред.), *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований* (с. 322–332). Екатеринбург: УРФУ.

17. Фельдман, М. А. (2019). Журнал «Уральский коммунист» в 1926–1929 гг.: место в политической жизни региона. *Документ. Архив. История. Современность*, (19), 265–279.

18. Фельдман, М. А. (2021а) Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации. *Дискурс-Пи*, 18(4), 29–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_29

19. Фельдман, М. А. (2021б). Уральская область в декабре 1923 – январе 1934 гг.: жизнь и судьба – пространственный аспект. *Вопросы управления*, (6), 82–92. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-6-82-92>

20. Хлевнюк, О. В. (1996). Л. П. Берия: пределы исторической «реабилитации». В Г. А. Бордюгов (Ред.), *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет* (с. 139–154). М.: АИРО-XX.

21. Чистиков, А. Н. (2007). *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов*. СПб.: Европейский Дом.

22. Шабалин, В. В. (2003). «Закулисная политика». (К истории

внутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-х гг.). В *Пермская элита: история, развитие, современное состояние: Материалы интернет-конференции (январь – февраль 2003 г.)*. Взято 1 июля 2022, с http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259

23. Davies, R. W., Khlevnyuk, O. V., & Wheatcroft, S. G. (2014). *The industrialization of Soviet Russia. Vol. 6: The years of progress: Soviet Economy, 1934–1936*. New York: Palgrave Macmillan.

References

1. Abramovsky, A. P., & Budanov A. V., (2008). *Gornye okruga Yuzhnogo Urala v 1917–1918 gg.* [Mountain districts of the Southern Urals in 1917–1918]. Chelyabinsk: ChI URAGS.

2. Chistikov, A. N. (2007). *Partijno-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-Zapada Sovetskoj Rossii 1920-x godov* [The party-state bureaucracy of the North West of Soviet Russia in the 1920s.]. Saint Petersburg: Evropejskij Dom.

3. Davies, R. W., Khlevnyuk, O. V., & Wheatcroft, S. G. (2014). *The industrialization of Soviet Russia. Vol. 6: The years of progress: Soviet Economy, 1934–1936*. New York: Palgrave Macmillan.

4. Duka, A. V. (2012). O podhoda k analizu vlastnyh e'lit [On the approaches to power elite analysis]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, (3), 48–55.

5. Feldman, M. A. (2017). “General'nyj plan razvitiya Ural'skoj oblasti: na 1926–1941 gg.”: mezhdumifom i real'nost'yu [“General plan of development of Ural region for 1926–1941”: Between the myth and reality]. In L. N. Mazur (Ed.), *E'poxa socialisticheskoj rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyx preobrazovanij* (pp. 322–332). Ekaterinburg: URFU.

6. Feldman, M. A. (2019). Zhurnal “Ural'skij kommunist” v 1926–1929 gg.: mesto v politicheskoj zhizni regiona [Magazine “Ural Communist” in 1926–1929 and its role in regional political life]. *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'*, (19), 265–279.

7. Feldman, M. A. (2021a). Sovetskaya e'lita 1930-h gg.: problema identifikacii [The Soviet elite of the 1930s: The problem of identification]. *Diskurs-Pi*, 18(4), 29–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_29

8. Feldman, M. A. (2021b). Ural'skaya oblast' v dekabre 1923 – yanvare 1934 gg.: zhizn' i sud'ba – prostranstvennyj aspekt [Ural region in December 1923 – January 1934: Life and fate – spatial aspect]. *Voprosy upravleniya*, (6), 82–92. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-6-82-92>

9. Khlevniuk, O. V. (1996). L. P. Beriya: predely istoricheskoj “reabilitacii” [L. P. Beria: The limits of historical “rehabilitation”]. In G. A. Bordyugov (Ed.), *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendencii poslednix let* (pp. 139–154). Moscow: AIRO-XX.

10. Koldushko, A. A. (2009). Problema e'ffektivnosti raboty regional'noj nomenklatury v pervoj polovine 1930-h godov (na primere Sverdlovskoj oblasti) [The problem of the effectiveness of the regional nomenclature in the first half of the 1930s (on the example of the Sverdlovsk region)]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo*, (1),

159–168.

11. Koldushko, A. A. (2010). *Образование как элемент социального портрета партийной номенклатуры в 1920–1930-е годы (на примере Свердловской и Пермской областей)* [Education as an element of the social portrait of the party nomenclature in the 1920s–1930s (on the example of the Sverdlovsk and Perm regions)]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo*, (3), 105–111.

12. Krasin, Yu. A. (2017). *Velichie i tragizm sovetskogo eksperimenta* [Majesty and tragedy of the Soviet “experiment”]. *Politicheskie issledovaniya*, (1), 10–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.03>

13. Melnikov, K. V. (2021). *Klientelizm i neformal'nye seti regional'nykh e'lit v Rossii: opyt setevogo analiza na primere Sverdlovskoy oblasti* [Clientelism and informal networks of regional elites in Russia: Network analysis of the case of Sverdlovsk oblast]. *Politicheskie issledovaniya*, (6), 171–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.12>

14. Mukhametov, R. S. (2015). *Rol' partii “Edinaya Rossiya” v konsolidatsii e'lit na municipal'nom urovne* [The role of the party “United Russia” in the consolidation of elites at the municipal level]. *Ars Administrandi*, (1), 85–94.

15. Mukhametov, R. S. (2018). *Regional'naya pravyyashchaya e'lita: dinamika i specifika (na primere Sverdlovskoy oblasti)* [Regional ruling elite: dynamics and specifics (on the example of Sverdlovsk region)]. *Voprosy upravleniya*, (6), 13–19.

16. Naronskaya, A. G. (2019). *Konceptual'nye podhody k izucheniyu politicheskikh e'lit (mirovoy i otechestvennyj opyt)* [The conceptual approaches in research on political elites (international and national experience)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 14(1), 86–91.

17. Osokina, E. A. (1993). *Ierarhiya potrebleniya. O zhizni lyudej v usloviyakh stalinskogo snabzheniya. 1928–1935 gg.* [Hierarchy of consumption. About the life of people in the conditions of Stalin's supply. 1928–1935]. Moscow: MGOU.

18. Shabalin, V. V. (2003). *“Zakulisnaya politika”*. (K istorii vnutripartijnykh konfliktov na Urale v 1920-h gg.) [“Behind-the-scenes politics”. (On the history of intra-party conflicts in the Urals in the 1920s)]. In *Permskaya e'lita: istoriya, razvitie, sovremennoe sostoyanie: Materialy internet-konferencii (yanvar' – fevral' 2003 g.)*. Retrieved July 1, 2022, from http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=259

19. Tanyaev, A. P. (1930a). *Problema promyshlennykh kadrov dlya Bol'shogo Urala* [The problem of industrial personnel for Greater Urals]. *Ural'skij communist*, (3–4), 20–33.

20. Tanyaev, A. P. (1930b). *O sovremennom lice promyshlennykh kadrov Urala* [About the modern face of the industrial personnel of the Urals]. *Ural'skij communist*, (11–12), 24–31.

21. Tverdyukova, E. D. (2010). *Prostranstvennoe razmeshchenie promyshlennosti i naseleniya v SSSR v 1930-e gg.* [Spatial placement of industry and population in the USSR in 1930s]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, (1), 412–430.

22. Vorobyev, S. V. (2019a). *I. D. Kabakov protiv N. M. Shvernika: bor'ba dvux “varyagov”*. *Konflikt v Ural'skoj oblasti v 1928–1929 gg.* [I. D. Kabakov against N. M. Shvernik: Struggle of two “varangians”. The conflict in the Ural region in 1928–

1929]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (4), 112–122. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.32.8>

23. Vorobyev, S. V. (2019b). Sluchaj N. M. Shvernika: konflikt v rukovodstve Ural'skoj oblasti v 1927–1928 gg. [N. M. Shvernik's case: The conflict in the leadership of the Ural region in 1927–1928]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki*, (3), 36–46. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2019.35.3.05>

Информация об авторе

Михаил Аркадьевич Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>, e-mail: feldman-mih@yandex.ru

Information about the author

Mikhail Arkadyevich Feldman, Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute of Management, Branch of RANEP, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>, e-mail: feldman-mih@yandex.ru

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ИНТУИЦИЯ» (ФИКОС-2022),
25–26 ФЕВРАЛЯ 2022 Г.,
ИЖЕВСК, РОССИЯ**

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
"PHILOSOPHICAL CONTEXTS OF MODERNITY:
ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTELLECTUAL
INTUITION" (FIKOS-2022),
FEBRUARY 25–26, 2022,
IZHEVSK, RUSSIA**

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОСТИ

Алексей Михайлович Пономарёв,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Удмуртский филиал,
Ижевск, Россия,
amp08@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.03.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Пономарёв А.М. Технологии искусственного интеллекта в контексте современной трансформации социальности // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 159–177. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_159

Аннотация

Трансформация общества в процессе внедрения искусственного интеллекта (ИИ) относится к наиболее актуальным проблемам социальных наук, при этом меньшее внимание привлекает проблема ограничений на создание сильного ИИ. Цель статьи – показать в общих чертах влияние устройств с ИИ на трансформацию общества. В работе описывается общество, в котором эпистемологическая проблема превращения больших данных в знание оказывается острой социальной проблемой. Отмечается, что создание и внедрение ИИ является ответом на новый социальный вызов, а предпосылкой данных процессов выступают новые коммуникации на базе цифровых платформ, играющие роль технологического базиса внешней кибернетической «нервной» системы сегментированных социальных общностей. Эти платформы являются также технологической основой формирования цифровой виртуальной социальности – необходимого элемента воспроизводства усложняющегося общества, превращающегося в гибридную социальность. В зависимости от типа гибридности выделяются типы интеллектуальных агентов (ИА); каждый тип отличается средами, в которых он функционирует, способом описания окружающей среды. Однако общей чертой таких описаний является их алгоритмический характер и функциональность.

© Пономарёв А.М., 2022

Алгоритмическое описание окружающей среды ИА не совпадает с интегральным или предметно-структурированным описанием той же среды социальным агентом. Делается вывод, что в силу перечисленных обстоятельств создание ИА с сильным ИИ возможно только в виде интеллектуальных систем на базе цифровых платформ как комплекса коммуницирующих агентов социальности и агентов ИИ с общей онтологией, некоторые регионы которой выполнены в форме алгоритмического описания.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, гибридная социальность, виртуальность, алгоритмическое описание окружающей среды, интегральное описание окружающей среды, предметно-структурное описание окружающей среды, социальный агент, интеллектуальный агент.

UDC 316.332

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_159

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATION OF SOCIALITY

Alexey M. Ponomarev,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
the Udmurt Branch,
Izhevsk, Russia,
amp08@mail.ru

Article received on March 28, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Ponomarev, A.M. (2022). Artificial Intelligence Technologies in the Context of Modern Transformation of Sociality. *Discourse-P*, 19(4), 159-177. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_159

Abstract

The transformation of society in the process of introducing artificial intelligence (AI) is one of the most pressing problems of the social sciences, while the issue of limits to the creation of strong AI draws less attention. The purpose of the article is to outline the impact of AI devices on the transformation of society. The study describes a society in which the epistemological problem of turning big data into knowledge turns out to be an acute social problem. It is noted that the creation and implementation of AI is a response to a new social challenge, and the prerequisite for these processes is new communications based on digital platforms serving as the technological basis for the external

cybernetic “nervous” system of segmented social communities. These platforms are also the technological basis for the formation of digital virtual sociality, an essential element of reproduction of an increasingly complex society that is turning into a hybrid sociality. Depending on the type of hybridity, the types of intelligent agents (IA) are distinguished; each type differs in the environments in which it functions, and the way the environment is described. However, a common feature of such descriptions is their algorithmic nature and functionality. The algorithmic description of the IA environment does not coincide with the integral or object-structured description of the same environment by a social agent. It is concluded that due to the above circumstances, the creation of an IA with strong AI is possible only in the form of intelligent systems based on digital platforms as a complex of communicating agents of sociality and AI agents with a common ontology, some regions of which are made in the form of an algorithmic description.

Keywords:

artificial intelligence, hybrid sociality, virtuality, algorithmic description of the environment, integral description of the environment, subject-matter and structural description of the environment, social agent, intelligent agent.

Введение

Сегодня в обществе интерес к искусственному интеллекту (ИИ) выходит за пределы научного обсуждения, обрастая в средствах массовой информации различными мифами. В науке и разработках проблематика ИИ носит междисциплинарный характер, решается в рамках различных методологических подходов. При этом затрагиваемые в настоящей статье вопросы – информационное общество, результаты внедрения разработок в области ИИ, социальная и научная рациональность – в научной литературе зачастую рассматриваются вне связи друг с другом, анализируются в рамках различных подходов. Сложность целостного изложения усугубляется различиями в интерпретации одних и тех же понятий разными авторами, разными научными школами. В силу указанных обстоятельств представляется необходимым предварить статью уточнением некоторых исходных положений, раскрывающих методологическую установку и уточняющих интерпретацию понятий из сферы ИИ как науки и технологии, занятых разработкой алгоритмов и программ, на основании которых создаются имитирующие человеческое поведение и когнитивные процессы машины.

Многоаспектность и междисциплинарность рассматриваемой проблемы заставляет обратиться к положениям трансцендентальной прагматики, согласно которым коммуникативное сообщество рассматривается как неограниченная коммуникативная общность, внутри которой разворачивается дискуссия, а каждый используемый ее участником тезис, аргумент должны, не прерывая дискуссию, рассматриваться в качестве последнего убеждения (Шуман, 2002, с. 357–358).

В контексте решаемой в статье задачи – описание трансформации социальности под влиянием возрастающего проникновения в общество на разных уровнях и в различных областях результатов разработок в сфере ИИ – будут

применены понятия «интеллектуальный агент» и «интеллектуальная система» в следующей интерпретации.

Интеллектуальный агент (ИА) – устройство на базе программного обеспечения, в разной степени способное имитировать человеческие действия и когнитивные способности, в том числе получать информацию из окружающей среды, адаптироваться к ней, взаимодействовать в ней с человеком и аналогичными устройствами на основе самообучения; «... устройство, деятельность которого опосредует и фиксирует проявление искусственного интеллекта» (Резаев, Трегубова, 2021, с. 30).

Исходным для применения понятия «интеллектуальная система» (ИС) является определение В.К. Финна: «Под интеллектуальной системой будем понимать пару (человек, компьютерная система), в которой вторая компонента реализует рассуждение, использующее структурированные данные... и знания..., способные не столько имитировать деятельность квалифицированного эксперта, сколько усиливать (в процессе взаимодействия человек + система) интеллектуальные возможности человека... Характерной чертой... ИС является ее открытость, т.е. ИС есть *человеко-машинная система* (курсив наш. – А.П.), которая поддерживает и усиливает интеллектуальные возможности эксперта, во-первых, за счет логико-математического аппарата рассуждения...; во-вторых, за счет обратного воздействия человека на компьютерную систему, выражающегося в уточнении цели функционирования системы, корректировке ее результатов и стратегий, пополнении новыми знаниями, изменении структуры... данных, привлечении новых (косвенных) методов, проверке и получении результатов...» (Финн, 2000, с. 45). Уточнение характеристик ИС в контексте рассматриваемой проблемы будет дано в тексте статьи.

Основной тезис, развиваемый в статье, формулируется следующим образом. Массовое внедрение в современное общество ИА ведет к гибридизации социальности, которая заключается в изменении ведущего типа социального действия и основанного на нем социального взаимодействия; на смену социальному действию, которое Т. Парсонс характеризует как волонтаристское, приходит социальное действие, которое можно определить как алгоритмическое. Смена типа ведущего социального действия ведет среди прочего к изменению типа социальной рациональности.

Постановка проблемы

Создание сильного ИИ, аналогичного интеллекту человека и способного достигать целей в широком диапазоне неопределенных сред, на сегодняшний день значительным числом специалистов признается невозможным¹. Принципиальным возражением является невозможность (по крайней мере, в настоящее время) воспроизвести техническими средствами целостный процесс человеческого мышления и познания, который включает эмоциональный,

¹ Общее представление об истории разработки сильного ИИ, перспективах его создания, имеющихся в этой области теоретических и практических подходах можно получить, ознакомившись с гл. 1 и 3 книги «Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму» (Потапов, 2021).

волевой и интуитивный компоненты, связанный с волей процесс целеполагания². Следующее возражение заключается в том, что мозг как субстрат интеллектуальных психических процессов связан с человеческим телом. «Телесность» мозга есть не только его связь с обеспечивающим его организмом, она есть еще и способ «встроенности» мозга в окружающий мир, его ориентации и функционирования в нем. Создание ИИ как программно-цифрового воспроизводства человеческого мозга с позиции его ориентировки и функционирования в этом мире требует воспроизводства аналога человеческой телесности для ИИ, т.е. интеллектуального агента. Логично предположить, что образ окружающего мира, который будет у ИА, будет определяться не только способностью воспроизводить процесс мышления, но и характеристиками аналога телесности. Соответственно, образы окружающего мира ИА с различными типами аналогов телесности будут различаться, даже если их способность воспроизводить процесс мышления будет типически одинакова. Это ставит среди прочего проблему взаимодействия многих ИА с различными образами мира.

Помимо указанного выше, корректная постановка проблемы создания ИА с сильным ИИ, социальных последствий его применения отсылает к проблеме сознания. С нашей точки зрения, последнее есть сущность, генезис и развитие которой связаны со становлением и развитием социальности. Признание же феномена ИА как части социальной вселенной человека подводит к анализу ИА и последствий его функционирования в логике анализа существования и развития человеческого общества.

Проблемное поле и формирующиеся подходы исследований в области трансформации общества под воздействием технологий ИИ и социальной обусловленности ИИ достаточно полно и критично анализируются в коллективной монографии под редакцией А.В. Резаева (2021). Исходя же из обозначенных выше позиций, представляется возможным сформулировать вопросы, поиск ответов на которые способен, на наш взгляд, обозначить направление перспективных исследований в сфере взаимодействия человека как социального агента и ИА. Это вопросы о:

- социальных условиях и предпосылках создания ИИ;
- типе сред, в которых возможно существование ИА;
- типе описания (познания) окружающего мира ИА;
- сопоставлении типов описания окружающего мира ИА и человеком как социальным агентом;
- возможности синтеза типов описания окружающего мира ИА и человеком как социальным агентом.

В статье предполагается затронуть некоторые важнейшие аспекты этих вопросов и обозначить возможные ответы на них.

Социальный запрос на искусственный интеллект

Анализ указанного во Введении изменения в современном обществе логично начать с рассмотрения социально-исторической ситуации, в которой

² Механик, В. (2019, 11 сентября). *Чертova дюжина идеального интеллекта. Беседа первая. Интервью с В.К. Финном*. Взято 26 марта 2022, с <https://stimul.online/articles/science-and-technology/chertova-dyuzhina-idealnogo-intellekta-beseda-pervaya/>

создание ИИ становится актуальной общественной задачей. Причина рассмотрения в качестве начального пункта анализа общества, в котором востребован ИИ, банальна: любая технология вторична по отношению к человеческой воле, добровольность людей первична.

Социальным фоном внедрения технологий ИИ является общество, описываемое префиксом «пост-»: постфордистское, постиндустриальное, постдемократическое, постмодернистское и т. д.³ Для современного состояния общества характерна атомизация индивида, разрушение ставших привычными в предыдущие периоды развития общества социальных общностей и их массовых практик, ситуативность общностей, что нашло выражение в понятии «текущие идентичности». Практически единственным «позитивным» термином, который применяется при описании новой ситуации «общества риска», оказывается термин «информационное общество».

В этом контексте следует обратить внимание на то, что начало разработки ИИ относится к рубежу 50–60-х гг. прошлого столетия, а его относительно активное внедрение уже в качестве технологии – лишь к началу XXI в. Предпосылки, отсутствие которых не позволило создать ИИ в середине прошлого века, связаны с развитием новых средств коммуникации. Эти же средства коммуникации, обострив проблему больших данных, уже несводимых в базы данных, сделали насущно необходимым создание ИИ⁴. Иными словами, в описанной социальной ситуации на практике остро встала эпистемологическая проблема – проблема способности человека превращать большие массивы информации в знание. Обращение к социально-эпистемологическому аспекту создания и внедрения устройств с ИИ выводит на основное направление решения проблемы сильного ИИ: «противостоять» системе знаний, пользоваться ею, наращивать ее может только распределенный коллективный субъект, т. е. объединенная коммуникацией группа людей, действующих как единое целое. В этой области в первом приближении следует искать ответ и на все вызовы, связанные с внедрением в общество технологий ИИ. И один из ключевых вопросов – вопрос о возможности такого субъекта.

Одним из аспектов текущего состояния социума является перевод массового общества посредством применения новых информационных технологий в состояние гиперинформационности. Это общество, в котором социальная масса атомизированных индивидов воспроизводит себя через массовую коммуникацию и массовую культуру. Их современное функционирование тесно связано с изменением характера СМИ. В новой ситуации происходит очередное изменение характеристик социальной информации. Анализируя эти характеристики информационного общества В. И. Игнатъев (2018) пишет: «Особенность информации – это индивидуальный способ возникновения и общественный характер ее передачи» (с. 46). Он обращает особое внимание на возрастание роли символизма в новой социальной ситуации: «Единство символа, вещества

³ Правда, через этот префикс описывается трансформация, охватывающая страны ядра глобализирующегося общества, на периферии которого сохраняются и даже консервируются предыдущие социально-политические и экономические уклады.

⁴ Отметим, что решение проблемы больших данных и есть решение проблемы контроля над современной версией ИИ, поскольку он работает на основе таких данных.

и действия выступает как особая физическая реальность. Именно символический обмен связывает физическую и символическую реальности» и фиксирует «снижение значимости логического мышления в пользу внелогического, которое базируется на образах, создает проблемы в самой коммуникации» (с. 47). Обобщая эти характеристики, исследователь констатирует уже ставшее «общим местом» положение о том, что современная социальная система – «это взаимодействия по форме выступающие как коммуникации, а по содержанию – движение (передача) информации» (с. 46).

С развитием новых коммуникативных технологий атомизация индивидов достигает стадии капсулизации – индивид замыкается в своем изолированном «мире», выпадая из социальных связей. Одновременно изменяется презентация общностей, их целостность подвергается сегментации. Сегодня точкой сборки общности выступает цифровая платформа; новая коллективность проявляется теперь как множественность хаотичных единичных репрезентаций. В новой культурно-технологической ситуации у социальной общности появляется автономная сетевая оболочка, которую «...можно уподобить... нервной системе коллективного тела...». Социальная целостность теперь ограничена цифровой нервной системой, которая не только автономна, но и вынесена во вне социального целого (из офф- в онлайн) (Корецкая, 2019, с. 124).

Обозначенная смена типа активности члена социума как социального агента и изменение механизма сборки коллективного социального агента меняют социальную среду, в которую внедряются устройства с ИИ, разворачивается их взаимодействие в качестве ИА с социальными агентами. Эта социальная среда формируется на базе цифровых коммуникативных платформ и может быть обозначена в качестве «второй социальности», описываемой как виртуальная, цифровая реальность, как надстраиваемая над естественноисторической «искусственная» е-социальность. Удвоение социальности в складывающейся сегодня в обществе ситуации объективно необходимо; это ответ на усложнение проблем «первой», естественноисторической социальности, средство контроля над нарастающей комплексностью социальных феноменов. Но в то же время оно является условием внедрения в общество устройств с ИИ, предпосылкой их социальной квазиагентности в качестве ИА.

Наблюдаемое сегодня усложнение социальности не является чем-то принципиально новым в истории человеческого общества. Подобные трансформации происходили в каждой исторической ситуации появления революционных технологических новаций. Вызов текущей ситуации, содержащиеся в ней риски заключаются в том, сумеет ли человек сохранить свою субъектность. Под угрозой находится ядро социальной агентности человеческого индивида – способность участника социальных взаимодействий действовать на основе свободного осознанного рационально-волевого выбора. Встраивание в социальное взаимодействие через коммуникативные акты ИА угрожает полным отчуждением социальной агентности от личности. Но, как не раз случалось в истории, факторы, порождающие новые социальные угрозы, потенциально содержат и способы защиты от них.

Другими словами, разработки в области технологий ИИ актуальны как инструмент решения проблем социальных отношений современного «общества риска». Анализ потенциала технологий ИИ в защите социальной агентности

членов современного общества заставляет обратить внимание на характер трансформации социальности в новой ситуации.

Гибридизация современной социальности

Современное состояние общества можно охарактеризовать как формирование очередной гибридной социальности. Новые технологии коммуникации и технологии ИИ являются ключевыми факторами текущей гибридизации.

С нашей точки зрения, любая гибридная социальность исторически возникает под влиянием технологических факторов, массового проникновения новых технологий в общество. Социальный механизм гибридизации заключается в образовании автономной социальной сферы, в которой формируется и закрепляется в качестве ведущего тип социального взаимодействия, основывающийся на относительно новом типе социального действия и социальной рациональности. На следующем такте функционирования этого механизма происходит изменение базовых социальных институтов общества (как вариант, появление новых), через которые новый тип взаимодействия распространяется по всей социальности.

Историческим примером может служить первая промышленная революция, в результате которой формируется индустриальное общество, целерациональное социальное действие вытесняет традиционалистское, а классическая научная рациональность занимает место доминирующей социальной рациональности. По аналогии можно описать и текущую ситуацию гибридизации. Новые технологии коммуникации стали основой создания новой цифровой виртуальной реальности. Их связь с технологиями ИИ чревата формированием социального действия, которое детерминруется алгоритмами разнообразных ИА, и сменой научной рациональности в качестве ведущего типа социальной рациональности технологической рациональностью, которая в своем ядре также содержит алгоритм. Разработка и проникновение разнообразных ИА выступают одновременно и как катализатор процесса нынешней гибридизации социальности, и как средство управления ее эффектами.

Поскольку предполагается, что новая социальность в качестве автономной сферы общества обладает собственными закономерностями протекания социальных процессов, особое внимание должно быть обращено на характер соотношения условно старой и условно новой социальностей, их взаимного влияния.

В первом приближении можно выделить три типа взаимного соотношения цифровой и естественно-исторической социальностей; три типа гибридизации выражают три способа связанности цифровой и естественно-исторической социальностей. Первый тип соотношенности – цифровая социальность становится еще одним элементом взаимодействий в «естественной» социальности. Второй тип – цифровая социальность опосредует взаимодействия в «естественной» социальности. Третий тип – цифровая социальность и «естественная» социальность сосуществуют «параллельно».

Каждый из перечисленных типов характеризуется спецификой трансформации естественно-исторической социальности и, соответственно, особенностями эффектов, порождаемых цифровой реальностью. В первом типе – это трансформация системы социального действия. Второй тип связан с большей или меньшей автономизацией одной или нескольких функций этой системы

в цифровой социальности. Эти функции переносятся в цифровую социальность, реализация других функций остается за человеком в «естественной» социальности. В третьем случае речь идет об осуществлении интеракций (или их симулировании) в цифровой социальности. Но в данном случае не приходится говорить о параллельной социальной вселенной в строгом смысле этого словосочетания, т. к. цифровая социальность в качестве виртуальной реальности характеризуется не только автономностью и собственными закономерностями, но и зависимостью от субстантивной «естественной» реальности.

Учет выделенных типов гибридизации социальности представляется важным, т. к. именно цифровая среда является средой существования и функционирования ИА. Соответственно, приведенная типология характеризует и типы возможных ИА, и способы их взаимодействия как с человеком, так и нескольких ИА между собой. Главный же вывод, который удается сделать в рамках приведенной типологии, заключается в том, что взаимодействие человека в качестве социального агента и ИА и каждый из элементов такого взаимодействия должны анализироваться только в контексте целостности.

Другое важное методологическое положение, которое можно вывести из анализа типов гибридизации, состоит в утверждении зависимости программно-цифрового аналога человеческого мозга от субстантивной реальности в качестве одного из ведущих принципов анализа квазиагентности ИА, а исследование категории «цифровая виртуальность» выступает как основное направление этого анализа. В частности, обращение к существующим интерпретациям этой категории позволяет утверждать, что виртуальному присущи онтологические, гносеологические и социокультурные характеристики, что «понятие «виртуальность»... содержит в себе:

- социальную составляющую (совокупность присущих субъекту природно-социальных качеств);
- технико-технологическую составляющую (совокупность технико-технологического обеспечения, воспроизведения специфического синтеза реальности актуальной и мнимой);
- социокультурную составляющую (совокупность принципиально новых представлений о возможностях материального и идеального начал, раскрывающихся под воздействием информационных технологий конца XX – начала XXI века)» (Соснина, 2017, с. 16).

Таким образом, говоря об анализе комплексности взаимодействия человека как социального агента и ИА в условиях гибридной социальности, следует учитывать три постулата виртуальности – автономность, собственные закономерности и зависимость от субстрата; выделить три ее характеристики – онтологическую, гносеологическую и социокультурную; указать на три ее составляющие – социальную, технико-технологическую и социокультурную.

И в качестве одного из промежуточных выводов удается сформулировать положение о том, что создание ИА с сильным ИИ, т. е. «...ИИ, который обладает всеми качествами человеческого разума: пониманием, самосознанием, субъективным переживанием и т. д.» (Потапов, 2021, с. 18), в человеческом сообществе принципиально невозможно. Гипотетически появление ИИ как сверхразума допустимо, но в некоторой отличной от человеческой социальности. Допуская принципиальную возможность создания такой социальности, приходится гово-

речь о ней как о полностью параллельном человеческой социальности универсуме, что снимает в принципе вопрос о последствиях создания ИИ в указанном смысле для человеческого общества.

Изучение же феномена ИА в качестве элемента гибридной социальности позволяет уточнить актуальные исследовательские проблемы когнитологического характера. С точки зрения анализа когнитивных механизмов, должны быть решены две проблемы. Первая – создание у ИА образа социальной среды. Вторая – трансформация агента социальности. Эти проблемы связаны друг с другом. Если характеризовать ИА как устройство, которое получает извне посредством сенсоров информацию о состоянии окружающей среды и осуществляет на нее обратное влияние, то он может быть переопределен через дефиницию, которую приводит К. Яковлев: «...это некто или нечто, что функционирует в окружающей среде и, во-первых, имеет способы посредством своих действий изменять состояние этой среды, а во-вторых, имеет возможность воспринимать информацию и обновлять свое состояние»⁵. Поскольку каждый тип социальной гибридности характеризуется специфичной коммуникативной средой, поскольку каждому типу гибридизации социальности соответствует свой тип социального агента и степень его трансформации, постольку изменение агента социальности в каждом из рассматриваемых случаях гибридизации социальности предопределяет тип ИА.

Типологические изменения социальности с точки зрения интеграции в нее социального актора могут быть представлены на основе типологии социальных связей М. Грановеттера (2009), которая дополнена Л.А. Сабуровой еще одним типом – «слабейшие» социальные связи. В этой связи она отмечает «возникновение и распространение связей «слабейшего» типа, в развитие классификации Грановеттера, т. е. связей, не только не предполагающих близких, эмоционально насыщенных, устойчивых отношений, каковыми являются «сильные связи», но также не предполагающих устойчивых социальных ожиданий, социальных обязательств и формальных социальных ролей, предполагаемых «слабыми связями». «Слабейшие связи» в чистом виде – обмен информацией, включая обмен реакциями на информацию, которые сами по себе также являются лишь информацией» (Сабурова, 2019, с. 191). Перечисленные типы социальных связей можно соотнести с описанными выше типами гибридной социальности. Соответственно, сильные социальные связи на основе трансформированного социального действия преобладают в первом типе гибридизации, слабые – во втором, слабейшие – в третьем.

Каждый из указанных типов гибридной социальности характеризуется спецификой трансформации естественно-исторической социальности и, соответственно, особенностями внедрения коммуникативно-цифровых эффектов, в том числе под влиянием ИА. В первом типе это трансформация структуры социального действия. ИА оказывает влияние на каждый из выделенных Т. Парсонсом элементов этой структуры, в первую очередь через изменение научно-рационального и остаточно-иррационального знания (Пономарев, 2019). Второй тип связан с большей или меньшей автономизацией одной или

⁵ Яковлев, К. (2018, 15 апреля). *Перспективы интеллектуальных агентов*. Взято 26 марта 2022, с <https://postnauka.ru/faq/83426>

нескольких функций системы социального действия в цифровой социальности. Соответственно, на ИА возлагается выполнение этой функции в цифровой социальности, за человеком как социальным агентом остается реализация других функций в «естественной» социальности. Третий тип характеризуется осуществлением социальных интеракций (или их симулированием) в цифровой социальности. Именно в цифровой виртуальной социальности можно говорить о «квазисубъектности» ИИ.

В соответствии с характеристикой типа гибридности социальности на основе типа социальной связи может быть дана типология ИА. Для типа гибридности с преобладанием сильных социальных связей характерен ИА, который действует в «естественной» социальности. К. Яковлев пишет об этом ИА: «Полностью реальный агент, который действует в том же мире, что и мы с вами. Самый простой пример – мобильные роботы. Робот-пылесос сделан из железа и пластика, у него есть какая-то форма, вес. Мы его можем потрогать, пощупать, и если он пропылесосил, то в какой-то конкретной квартире по вполне определенному адресу стало чище. Этот агент действует в нашем мире»⁶. ИА гибридной социальности на основе социальной связи слабого типа К. Яковлев описывает следующим образом: «Например, виртуальные ассистенты, чат-боты, персональные помощники – все это агенты, не имеющие физического воплощения. Они виртуальные, но их действия направлены на мир, в котором мы с вами живем. Причем это могут быть не только разговорные действия. Ваш виртуальный помощник может подключиться к системе электропитания умного дома и подстроить свет под ваши предпочтения. Или если вы его попросите сделать чай, он включит с помощью интернета вещей чайник. Хотя агент виртуальный, его действия проявляются в реальном мире»⁷. Другими словами, это тип ИА, действенность которого направлена на «естественную» социальность, но сам он в ней не представлен, остается в цифровой виртуальной среде. Наконец, тип ИА гибридной социальности на основе социальной связи слабейшего типа представляет собой «виртуальную персону». К. Яковлев применительно к такому типу ИА пишет: «Например, бывают полностью виртуальные интеллектуальные агенты, скажем персонажи компьютерных игр. Этот агент живет в виртуальной реальности, у него нет физического воплощения. Он подчиняется физике, логике своего виртуального мира, в нем он действует и взаимодействует»⁸. Другим примером ИА такого типа могут рассматриваться боты. Поскольку ИА данного типа и существует в цифровой виртуальной реальности, и его действенность ориентирована на эту реальность, то именно к нему в максимальной сфере применимо понятие «квазисубъект». Следует лишь оговориться, что предпосылкой этой квазисубъектности является не некая особенность ИИ, на основе которого функционирует ИА, а специфика коммуникации в цифровой социальности. Коммуникация в цифровой социальности деперсонализируется, что парадоксальным образом открывает возможность для симулирования персональности и ее производства программно-цифровыми средствами.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Позволим себе в этой связи длинную цитату из публикации Л. А. Сабуровой. «Актеры – участники процессов взаимодействия в своем цифровом воплощении перестают быть конкретными личностями со своей историей, статусами, социальными ролями. ...Актор предьявлен текстом – картинкой, символом, словами, а поводом для коммуникации являются любые цифровые события, представляющие интерес для участников, причем отдельные персональные мнения практически не влияют на степень этого интереса и направленность реакции.

Соответственно, многогранное и живое социальное целое, описываемое категорией «личность» (personality), редуцируется в онлайн-сообществах до информационного события большего или меньшего объема. С учетом мозаичности и фрагментарности самих процессов коммуникации не только акторы, но и их взаимоотношения не имеют истории, а также иного контекста, кроме конкретного информационного сюжета (повода), мнения о котором предьявляются пользователями» (Сабурова, 2020, с. 48). Именно по этой причине в виртуальной среде возможно на равных общение ИА и социальных агентов; не ИА конституируется до субъекта, до псевдосубъекта сводится (низводится, деконструируется) социальный субъект.

По сути ИА второго и третьего типа представляют собой программу и различаются только функциональной направленностью на различные социальности. При этом в случае ориентации на естественно-историческую социальность ИА симулирует социального агента или его социальное действие. По нашему мнению, симулирующая функция ИА обоих типов позволяет по-новому взглянуть на модную тему симулякров в коммуникационных структурах современного общества. Такой подход позволяет вскрыть содержательную сторону симулякрявлений и провести их анализ по схеме, аналогичной, например, схеме анализа «превращенной формы» в марксизме.

Интеллектуальная система – актуальное решение задач социальной агентности в гибридной социальности

Возвращаясь к проблеме создания ИА образа социальной среды, шире – описания им окружающего мира, следует констатировать, что этот процесс детерминирован целеориентированной функциональностью и алгоритмичностью. Другими словами, для всех сред эта проблема решается как среда, описанная алгоритмически (Потапов, 2021, с. 115), т. е. в задачи ИА включается умение строить алгоритмы описания среды. В силу этого решения следует говорить не отдельно об ИА и отдельно об алгоритмически описанной среде, а об ИА в алгоритмически описанной им среде. Последнее заставляет смотреть на машинно-системные когнитивные процессы как на удвоенное технологическое познание (наложение двух алгоритмических рядов). Но получаемая в результате «общая картина мира», а именно алгоритмизированное системное видение, отличается от антропосоциальной «общей картины мира», как от обыденной – интегральное видение, так и научной – предметно-структурированной (Подшивалкина, 1997, с. 17).

Отличия идут практически по всем факторам познавательной деятельности. Алгоритмизированное системное видение ориентировано на контроль и управление ситуацией, которая подводится под заранее определенный тип, характеризуется реальным и идеальным динамическим пространством, реализуется

как саморегуляция в логике нормативной последовательности направленных на эффективное целедостижение действий, обладает минимально необходимым уровнем рациональности в заданных временных координатах с темпоральными модальностями настоящего и будущего и опирается на нестрогий специализированный или формализованный систематизированный язык. В отличие от него, например, интегральное видение мира ориентировано на разрешение ситуации, ее персонификацию и индивидуализацию, включает все три темпоральных модуса во временном диапазоне наличной ситуации и обеспечивает связанность действий. А предметно-структурированное (научное) видение ориентировано на логико-аргументативные теории, реализуется не только в анализе и синтезе, но и в интерпретациях, ограничено парадигмой, в рамках которой происходит типизация и деиндивидуализация, и темпоральные модусы которого – прошлое и будущее.

Главное же отличие заключается в том, что интегральная картина мира, «жизненный мир всегда отнесен к субъекту, это его собственный окружающий повседневный мир... именно поэтому повседневный жизненный мир имеет телеологическую структуру, поскольку все его элементы соотношены с целеполагающей деятельностью (а не с функциональной целеориентацией – А. П.) человека» (Подшивалкина, 1997, с. 20) В случае же с предметно-структурированным видением мира сегодня происходит отказ от его классической версии, согласно которой из картины мира должен был быть устранен субъект – человек. Современная неклассическая версия научного видения мира «...обращает внимание на существование в любом сознании нерелективных слоев, не поддающихся рефлексивному контролю процессов, образующих скрытое ядро познания...» (Огурцов, 2011, с. 472). В своей совокупности они образуют субъектное основание интерпретации структурно упорядоченного мира как осмысленного; смыслы генерируются в процессе интерпретации, которая даже в своей самой строгой формализованности предполагает субъектность.

Именно в силу различия трех указанных типов построения картин мира/описаний окружающей среды эффективная ориентация и функционирование ИА в социальной среде неизбежно должны включать антропогенного по своей природе социального агента. На этом уровне анализа явно видна взаимосвязь проблематики создания образа социальной среды ИА и проблематики трансформации агента социальности. Но в анализируемом аспекте общая проблематика двух исследовательских полей может быть уточнена как проблема синтеза различных типов образов (описаний) окружающего мира. Проблема носит антитетический характер. Это должен быть один общий образ для всех агентов (по причине совместности их действительности – общая среда (место), на которую направлена эта действительность, и ее «взаимость» – агент с агентом). Одновременно это должен быть образ, который остается «понятным» для каждого из агентов, т. е. описан (сконструирован) понятным для агента способом.

Корректная формулировка проблемы есть проблема изменения субъекта социального действия, корреляция этого изменения с внедрением ИА и возможных векторов развития общества в результате выбора трансформирующегося социального субъекта. В актуальной точке это взаимодействие отдельного человека и системы машин, которая формируется на основе новых технологий коммуникаций, наиболее полно представленных Интернетом с его виртуальной

реальностью; это взаимодействие с машинами, собранными в одну платформу. В силу последнего обстоятельства следует признать вполне закономерным сегодняшнюю ориентацию усилий создателей ИИ на создание общего ИИ, «... который нужен именно для того, чтобы системы ИИ были общими, и который противопоставляется «узкому» (слабому – А. П.) ИИ» и который способен «... достигать цели в широком диапазоне сред» (Потапов, 2021, с. 16, 123).

Собственно говоря, развитие новых средств коммуникации и реализовали те предпосылки, отсутствие которых не позволило создать ИИ в середине прошлого века. Эти же средства коммуникации, породив социальную эпистемологическую проблему, решением которой и должен стать ИИ, подводят к требуемому решению проблемы: системе знаний может «противостоять», пользоваться ею, наращивать ее только распределенный коллективный социальный субъект. Повторимся, именно в этом в первом приближении и находится ответ на все вызовы, связанные с ИИ.

Но, возвращаясь к характеристикам общества «пост-», можно констатировать, что в этом обществе с вызовами внедрения ИА человек столкнется в одиночку. Парадоксальность ситуации в том, что начальная ситуация разработки ИИ и актуальная ситуация его технологизации и внедрения в общество отличаются типом взаимодействия человека с «умной машиной». В начальной точке это взаимодействие является уже привычным взаимодействием отдельного человека и отдельной машины. В актуальной точке это взаимодействие отдельного человека и системы машин, которая формируется на основе новых технологий коммуникаций, наиболее полно представленных Интернетом с его цифровой виртуальной реальностью; это взаимодействие с машинами, собранными в одну платформу.

Фиксация начальной и актуальной ситуаций заставляет признать, что вся история разработки и внедрения технологий ИИ осуществляется в одной социально-технологической парадигме. Это парадигма интеллектуальной системы. Приведенное в начале статьи определение ИС, предложенное В. К. Финном для экспертной ИС, корректно в ситуации взаимодействия отдельного человека и отдельной машины. Но если принять во внимание, что в актуальной ситуации разработки и применения технологий самообучающегося ИИ базой данных и базой знаний выступают большие данные, доступные в Интернете, то приведенное определение и характеристика ИС сохраняет свою корректность.

Для актуальной ситуации в определении В. К. Финна аналогично базам данных и базам знаний может быть скорректировано и упоминание эксперта. В таковом качестве должен выступить распределенный коллективный субъект, понимаемый как совокупность социальных агентов, которые вовлечены в общение друг с другом и с разнообразными ИА в наличной ситуации. Такой социальный субъект оказывается своеобразным эмпирическим коррелятом коммуникативного сообщества К.-О. Апеля. По крайней мере, анализ условий субъектности социальных агентов в ситуации ИС вполне можно вести по той модели, которая разработана им для анализа коммуникативных сообществ (Апель, 2001, с. 317, 329, 331). Дополнительным аргументом в пользу последнего утверждения может служить возможность явного ввода этического и морального измерения в проблематику коллективного использования технологий ИИ.

Предпосылки для формирования такого распределенного коллективного субъекта у общества наличествуют – это те же современные коммуникативные

системы, сведенные в цифровые платформы. Под последними понимаются «...цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум или более группам взаимодействовать. Поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей... В категорию «пользователей» мы включаем также и машины... это... базовая инфраструктура, опосредующая взаимоотношения между разными группами. Их... характерная черта заключается в том, что цифровые платформы порождают «сетевые эффекты» и опираются на них...» (Срничек, 2019, с. 41–43).

Таким образом, цифровые платформы для функционирования разнообразных ИА, на которых выстраиваются цифровые виртуальные мульти- и метавселенные, одновременно оказываются и платформами для сборки нового естественно-исторического субъекта социальности. Проблема контроля над ИИ оказывается «выводной проблемой» формирования новой социальности на базе технологических коммуникативных платформ. И ее анализ требует более пристального внимания, т.к. это и есть формирование цифровой «второй социальности». Появление новой социальности на базе коммуникативных платформ является объективной необходимостью, это ответ на усложнение проблем «первой (естественно-исторической) социальности», средство контроля над нарастающей комплексностью социальных феноменов. Именно процесс формирования новой социальности лежит в основе удвоения социальности, ее гибридизации.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать следующее. Решение задачи создания сильного, аналогичного человеческому ИИ невозможно без учета социального аспекта человеческого интеллекта. Иными словами, без учета тенденции формирования гибридной социальности по модели «человек – машинный интеллект – человек» (как вариант, «машина – человек – машина»). Эта социальность предполагает формирование интеллектуальных систем, синтезирующих естественный (человеческий) и искусственный (машинный) интеллект в форме ИА на базе общих информационно-технологических платформ. Создание таких систем с точки зрения когнитологического подхода предполагает интерфейсы алгоритмического (машинного) и интегрально-рефлексивного описания (познания) окружающего мира. Иными словами, формирование гибридной социальности ведет к формированию нового типа мышления, субстратом которого выступает коммуникация распределенного коллективного субъекта и системы машинного интеллекта, и онтология которого включает в качестве существенного региона алгоритмическую разметку мира.

В границах заявленного подхода выявляется и круг проблем, составляющих вызовы и риски для оформляющейся новой социетальной системы. В числе наиболее значимых следует выделить:

- способность человека выступать в роли интерпретанта результатов деятельности ИА, связанная с экспертным знанием и превращением ИА в «черный ящик»;
- трансформация антропности (в том числе телесности) в ходе опосредования человеческих взаимодействий с ИА;

– риски ошибки ИИ как стремление снизить риск человеческой ошибки (феномен «усталости» ИИ остается практически неисследованным по банальной проблеме отсутствия прецедентов);

– редукция социальной сложности, сложность которой призван решить ИИ, к сложности связки «распределенный социальный субъект – система интеллектуальных агентов»;

– подчинение социальных отношений (действий, взаимодействий) алгоритмам ИА и, как следствие, смена научной рациональности рациональностью технологической.

Список литературы

1. Апель, К.-О. (2001). Априори коммуникативного сообщества и основания этики. В К.-О. Апель, *Трансформация философии* (с. 263–335). М.: Логос.

2. Грановеттер, М. (2009). Сила слабых связей. *Экономическая социология*, 10(4), 31–50.

3. Игнатъев, В.И. (2018). «Информационный взрыв» эпохи четвертой промышленной революции: социокультурные и антропные трансформации. В *Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы: Сборник материалов Международной научной конференции (13–14 апреля 2018 г., Санкт-Петербург)* (с. 45–49). СПб.: Издательство Политехнического университета.

4. Корецкая, М.А. (2019). Коллективное тело в эпоху новых медиа: «сетевой» и «уличный» регистры существования. В Г.К. Гизатова и др. (Ред.), *«Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего: Материалы Международной научно-образовательной конференции (15–16 ноября 2019 г., Казань)* (с. 116–126). Казань: Издательство Казанского университета.

5. Огурцов, А.П. (2011). *Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы. Ч. 1: Философия науки: исследовательские программы*. СПб.: Мирь.

6. Подшивалкина, В.И. (1997). *Социальные технологии: проблемы методологии и практики*. Кишинев: Центральная типография.

7. Пономарев, А.М. (2019). Изменение в структуре социального действия под влиянием интернет-сообществ: к постановке проблемы. В И.Р. Тростинская (Ред.), *Технологии PR и рекламы в современном обществе: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции (16–17 апреля 2019 г., Санкт-Петербург)* (с. 289–292). СПб.: Издательство Политехнического университета.

8. Потапов, А.С. (Ред.). (2021). *Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму*. М.: Альпина паблишер.

9. Резаев, А.В. (Ред.). (2021). *От искусственного интеллекта к искусственной социальной аналитике: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики*. М.: ВЦИОМ.

10. Резаев, А.В., Трегубова, Н.Д. (2021). «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий. В А.В. Резаев (Ред.), *От искусственного интеллекта к искусственной социальной аналитике: новые исследовательские проблемы современной социальной*

аналитики (с. 20–36). М.: ВЦИОМ.

11. Сабурова, Л.А. (2019). «Облегченная социальность»: коммуникативные особенности социальной интеграции в цифровом мире. В Г.К. Гизатова и др. (Ред.), *«Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего: Материалы Международной научно-образовательной конференции (15–16 ноября 2019 г., Казань)* (с. 188–194). Казань: Издательство Казанского университета.

12. Сабурова, Л.А. (2020). Дегерсонализация общения в цифровых коммуникациях: феномен «облегченной социальности». В Л.А. Закс и др. (Ред.), *Публичное/частное в современной цивилизации: Сборник научных трудов XXII научно-практической конференции (16–17 апреля 2020 г., Екатеринбург)* (с. 45–51). Екатеринбург: Гуманитарный университет.

13. Соснина, Т.Н. (2017). Определение понятия «виртуальность». Анализ терминологического статуса. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, (2), 11–19.

14. Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ*. М.: Издательский дом ВШЭ.

15. Финн, В.К. (2000). *Интеллектуальные системы и общество*. М.: РГГУ.

16. Шуман, А.Н. (2002). *Трансцендентальная философия*. Минск: Экономпресс.

References

1. Apel, K.-O. (2011). The a priori of the communication community and the foundations of ethics. In K.-O. Apel, *Transformaciya filosofii* (pp. 263–335). Moscow: Logos.

2. Finn, V.K. (2000). *Intellektual'nye sistemy i obshchestvo* [Intelligent systems and society]. Moscow: RGGU.

3. Granovetter, M. (2009). Sila slabyx svyazey [The strength of weak ties]. *E'konomicheskaya sociologiya*, 10(4), 31–50.

4. Ignatiev, V.I. (2018). “Informacionnyj vzryv” e'poxi chetvertoj promyshlennoj revolyucii: sociokul'turnye i antropnye transformacii [“Information explosion” in the era of the Fourth industrial revolution: Socio-cultural and anthropic transformations]. In *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya: realii i sovremennye vyzovy: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (13–14 aprelya 2018 g., Sankt-Peterburg)* (pp. 45–49). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politexnicheskogo universiteta.

5. Koretskaya, M.A. (2019). Kollektivnoe telo v e'poxu novyx media: “setevoy” i “ulichnyj” registry sushhestvovaniya [Collective body in the new media epoch: “Network” and “street” registers of existence]. In G.K. Gizatovova et al. (Eds.), *“Obshchestvo 5.0”: paradoksy cifrovogo budushhego: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii (15–16 noyabrya 2019 g., Kazan')* (pp. 116–126). Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.

6. Ogurtsov, A.P. (2011). *Filosofiya nauki: dvadcatyj vek: koncepcii i problemy. Ch. 1: Filosofiya nauki: issledovatel'skie programmy* [Philosophy of science: The 20th century: Concepts and problems. Part 1: Philosophy of science: Research programs]. Saint Petersburg: Mir.

7. Podshivalkina, V.I. (1997). *Sotsialnyie tehnologii: problemy metodologii i praktiki* [Social technologies: Issues of methodology and practice]. Kishinjov: Central'naya tipografiya.

8. Ponomarev, A.M. (2019). *Izmenenie v strukture social'nogo dejstviya pod vliyaniem internet-soobshhestv: k postanovke problemy* [The change in the structure of social action influenced by online communities: To problem statement]. In I.R. Trostinskaya (Ed.), *Tehnologii PR i reklamy v sovremennom obshhestve: Materialy XIV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (16–17 aprelya 2019 g., Sankt-Peterburg)* (pp. 289–292). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politexnicheskogo universiteta.

9. Potapov, A.S. (Ed.). (2021). *Sil'nyj iskusstvennyj intellekt: na podstupax k sverxrazumu* [Strong artificial intelligence: On the approaches to superintelligence]. Moscow: Alpina publisher.

10. Rezaev, A.V. (Ed.). (2021). *Ot iskusstvennogo intellekta k iskusstvennoj social'nosti: novye issledovatel'skie problemy sovremennoj social'noj analitiki* [Artificial intelligence on the way to artificial sociality: New research agenda for social analytics]. Moscow: VCIOM.

11. Rezaev, A.V., & Tregubova, N.D. (2021). “Iskusstvennyy intellekt”, “onlayn-kultura”, “iskusstvennaya sotsialnost”: opredelenie ponyatij [“Artificial intelligence”, “online culture”, “artificial sociality”: definition of the terms]. In A.V. Rezaev (Ed.), *Ot iskusstvennogo intellekta k iskusstvennoj social'nosti: novye issledovatel'skie problemy sovremennoj social'noj analitiki* (pp. 20–36). Moscow: VCIOM.

12. Saburova, L.A. (2019). “Oblegchennaya social'nost'”: kommunikativnye osobennosti social'noj integracii v cifrovom mire [“Lightened sociality”: Communicative features of social integration in the digital world]. In G.K. Gizatovova et al. (Eds.), *“Obshhestvo 5.0”: paradoksy cifrovogo budushhego: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii (15–16 noyabrya 2019 g., Kazan')* (pp. 188–194). Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.

13. Saburova, L.A. (2020). Depersonalizaciya obshheniya v cifrovyyx kommunikacijax: fenomen “oblegchennoj social'nosti” [Depersonalization of digital communications: The phenomenon of “lightened sociality”]. In L.A. Zaks et al. (Eds.), *Publichnoe/chastnoe v sovremennoj civilizacii: Sbornik nauchnyx trudov XXII nauchno-prakticheskoy konferencii (16–17 aprelya 2020 g., Ekaterinburg)* (pp. 45–51). Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet.

14. Shuman, A.N. (2002). *Transcendental'naya filosofiya* [Transcendental Philosophy]. Minsk: E'konompress.

15. Sosnina, T.N. (2017). *Opredelenie ponyatiya “virtual'nost'”. Analiz terminologicheskogo statusa* [The definition of the notion ‘virtuality’. The terminological status analysis]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshhestve*, (2), 11–19.

16. Srnicek, N. (2019). *Kapitalizm platform* [Platform capitalism]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.

Информация об авторе

Алексей Михайлович Пономарёв, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Удмуртский филиал, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9033-6426>, e-mail: amp08@mail.ru

Information about the author

Aleksey Mikhailovich Ponomarev, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the Udmurt Branch, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9033-6426>, e-mail: amp08@mail.ru

УДК 140.8

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_178

ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ О РАЦИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Степан Леонидович Ломаев,

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия,
lomaevst@udman.ru

Наталья Сергеевна Ломаева,

независимый исследователь,
Ижевск, Россия,
np1208@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.04.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Ломаев С.Л., Ломаева Н.С. Технократический нарратив о рациональном управлении в контексте развития технологий искусственного интеллекта // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 178-194. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_178

Аннотация

Статья посвящена философскому осмыслению искусственного интеллекта (ИИ), а также социально-политических изменений, которые продуцирует внедрение технологий ИИ в практику принятия управленческих решений и научных исследований. Авторами проанализирован технократический дискурс об ИИ, для

© Ломаев С.Л., Ломаева Н.С., 2022

которого характерны оптимистические ожидания от его применения и претензии научно-технической интеллигенции на главенствующую роль в общественных и государственных структурах. Особое внимание уделено технократическому нарративу о рациональном управлении. Предложена классификация подходов к определению понятия «технократия». Выделены положения, характерные для классических технократических концепций. Технология ИИ на основе нейросетей рассмотрена как машина по производству феноменологических законов, рационально описывающих природные или общественные явления. В контексте настоящего исследования предложено связывать понятие «рациональное» с установленной системой мер явлений (феноменов) и соотношений (ratio) мер по отношению друг к другу, что согласуется с четырьмя правилами мышления Р. Декарта. Данный подход позволил авторам по-новому поставить вопрос о взаимодействии ИИ и эксперта. Формализованы условия, при которых рациональность феноменологического закона, записанного в конфигурации нейронной сети, становится недоступной для рационального анализа со стороны эксперта, принимающего управленческие решения. Показано, что такие условия порождают принципиально новую сложность оценки рисков, связанных с использованием данных ИИ при принятии управленческих решений. На основании проведенного исследования сделан вывод, что технократический нарратив об ИИ входит в противоречие с реальной практикой применения данных технологий.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, технократия, нейросети, рациональность, феноменологический закон, прогнозирование, моделирование, управление.

UDC 140.8

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_178

TECHNOCRATIC NARRATIVE ON RATIONAL MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF AI TECHNOLOGIES

Stepan L. Lomaev,

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia,
lomaevst@udman.ru

Natalia S. Lomaeva

Independent Researcher,
Izhevsk, Russia,
np1208@gmail.com

Article received on April 4, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Lomaev, S.L., Lomaeva, N.S. (2022). Technocratic Narrative on Rational Management in the Context of the Development of AI Technologies. *Discourse-P*, 19(4), 178-194. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_178

Abstract

The article presents the philosophical understanding of artificial intelligence (AI) and the socio-political changes produced by the integration of AI technologies into the practice of managerial decision-making and scientific research. It analyzes the technocratic discourse on AI, which is characterized by optimistic expectations for its application and claims of the scientific and technical intelligentsia for a dominant role in public structures. Special attention is paid to the technocratic narrative about rational management. A classification of approaches to the definition of the concept of “technocracy” is proposed. The provisions characteristic of classical technocratic concepts are singled out. AI technology based on neural networks is considered a machine for the production of phenomenological laws that rationally describe natural or social phenomena. In the context of this study, it is proposed to link the concept of “rational” with the established system of measures of phenomena and ratios of measures in relation to each other, which is consistent with the four rules of thinking (rules for the direction of the mind) by R. Descartes. This approach allows the authors to raise the question of AI and expert interaction in a new way. The article formalizes the conditions under which the rationality of a phenomenological law written in the neural network configuration becomes inaccessible to a rational analysis by an expert making managerial decisions. It is shown that such conditions give rise to a fundamentally new complexity of risk assessment associated with the use of AI data in managerial decisions making. Based on the conducted analysis, the authors conclude that the technocratic narrative about AI conflicts with the actual practice of using these technologies.

Keywords:

artificial intelligence, technocracy, neural networks, rationality, phenomenological law, forecasting, modeling, management.

Введение

Термином «искусственный интеллект» (ИИ), в зависимости от контекста и целей исследования, могут обозначаться разные понятия. С одной стороны, под ним могут подразумеваться специальные технологии моделирования объектов реальности; с другой – так может быть назван комплекс нарративов, сложившийся не только в научной, но также в публицистической и художественной литературе. В этом комплексе встречаются нарративы, в которых описание ИИ как технологии оказывается ложным. Данное обстоятельство само по себе не означает, что такой нарратив теряет свою актуальность как объект исследования. Даже содержащий ложные утверждения нарратив может оказывать суще-

ственное влияние как на общество, так и на государство. В контексте выбранного политической властью нарратива происходит формирование государственных программ по развитию и внедрению технологии ИИ. От нарративов, принятых в различных сообществах, может зависеть как мотивация разработчика данной технологии, так и доверие пользователя.

В рамках настоящего исследования нас будет интересовать нарратив об ИИ внутри технократического дискурса, для которого характерны оптимистические ожидания от грядущего применения технологий ИИ и претензии научно-технической интеллигенции на главенствующую роль в общественных и государственных структурах.

Существует большое количество научной и научно-популярной литературы, а также и видео- и аудиозаписей публичных лекций и подкастов, которые транслируют данный нарратив. В нашем исследовании такие материалы используются в качестве источников.

В научной литературе широко представлена критика технократических концепций с ценностных позиций, в которых технократия противопоставляется демократии. В данной статье критика технократического нарратива будет выстроена в другой плоскости. Мы намерены показать ложность технократического нарратива, исходя из анализа технологий ИИ, принципов его работы и того, как внедрение технологий в институты прогнозирования и принятия решений будет менять структуру этих институтов, а вместе с ней и положение научно-технической интеллигенции.

Подходы к определению технократии

Термин «технократия» в научной литературе встречается в разных контекстах и может обозначать различные социальные явления, идеи и концепции. На наш взгляд, можно выделить два основных подхода к описанию данного понятия.

В рамках первого подхода исследователи рассматривают технократию как частный случай элитаризма и нередко их отождествляют. Обозначим такое широкое понимание технократии, как технократия-элитаризм, что представлено в научной литературе в широком разнообразии определений и форм. Так, С.В. Макеев (2008) приводит 14 разных определений технократии-элитаризма, ссылаясь на таких авторов, как В. Парето, Г. Моска, М. Дюпре, Г. Лассуэлл, Л. Бодуэн, Х. Ортега-и-Гассет, А. Этциони, Т. Дай, С. Келлер, Л. Фройнд, М. Вебер, А. Тойнби, В. Гэттсмен, Л. Санистебан. В рамках такого подхода многие авторы вполне логично находят исторические корни технократии-элитаризма в «Государстве» Платона. Как пишет С.В. Макеев, «значимым намеком на будущие технократические замыслы следует считать идею Платона о совершенном государстве (государстве разума), управляемом специальным образом подготовленным носителем знаний (философами), а не наследными сановниками» (с. 58).

Для второго подхода характерно определять технократию через общественно-политические движения, социальные группы и организации, которые позиционируют себя как технократические. В качестве примера можно упомянуть технократическое движение США и связанную с ним организацию

Technocracy Incorporated (подробнее см. Akin, 1977). Это движение сформировало свои принципы и программу, основываясь на работах Т. Веблена. Именно он, а не Платон, рассматривается в рамках второго подхода в качестве одного из главных претендентов на роль родоначальника технократии, а предложенный им принцип технологического детерминизма считается одним из краеугольных камней данной концепции.

Второй подход встречается преимущественно в работах по истории технократии как интеллектуального и общественно-политического движения на Западе, прежде всего в США. Однако такой подход становится менее продуктивным для философского исследования. Используя принцип самоназвания, мы рискуем, с одной стороны, размыть границы понятия «технократия» и включить в него те концепции и явления, которые сущностно отличаются от предмета нашего исследования; с другой – оставить за рамками исследования некоторые формы общественных и интеллектуальных движений, которые являются технократическими по сути, но не называют себя таковыми.

Приведем несколько примеров. В конце 2010-х гг. в российском политическом дискурсе появилось понятие «молодые технократы» для обозначения нового поколения менеджеров госкорпораций и государственных чиновников. Это общественно-политическое явление не является по своей сути родственным технократическим движениям 1930-х или 1960-х гг. в США, хотя термин «технократия» использовался и теми, и другими в качестве самоназвания. Другой пример. Идеи, близкие к идеям технократов США, находили свою популярность и в СССР. Более того, они формировались и набирали популярность примерно в те же периоды и в тех же социальных слоях. Однако в Советском Союзе такие движения не маркировали себя технократическими. Как пишет С. В. Макеев (2008), «основоположником технократической традиции в России считается П. Энгельмейер... Со времен основания «Всероссийской ассоциации инженеров» (ВАИ) в 1917 г. П. Энгельмейер пытался создать движение, напоминающее то, которое в Америке называлось технократическим, т. е. движение, опиравшееся на идею о том, что предпринимательская деятельность и общество должны быть преобразованы и регулируемы на основе принципов техники. Одним из средств реализации идеи технической рациональности был «Кружок по общим вопросам техники», организованный по инициативе П. Энгельмейера в 1927 г.» (с. 153–154). В 1930-е гг. подобного рода идеи были близки людям, проходившим по «делу Промпартии»; 1960-е гг. озвучивались в контексте спора о кибернетике; в 1980-е гг. были подняты на щит антисоветским движением внутри естественнонаучной и технической интеллигенции¹.

Итак, многие реформистские движения, призывавшие в 80-е гг. XX в. к либерализации и демократизации СССР были, по сути, технократическими, хотя ни в одном из приведенных примеров термин «технократия» для самообозначения не использовался. Однако следует отметить, что в советской акаде-

¹ Ломаев, С.Л. (2018). *Социально-психологическая эволюция естественнонаучной и технической интеллигенции в СССР в 1960-е – 80-е гг.* [Магистерская диссертация, Удмуртский государственный университет]. Удмуртская научно-образовательная электронная библиотека. http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/17489/510лб_1000932704_13.09.2018.pdf

мической литературе 70–80-х гг. встречается близкий термин «технизм». В работах нет прямых отсылок к указанным общественным движениям внутри СССР, однако они направлены на критику популярных в то время технократических идей (Абабков, 1981; Буренко, 1979). Стилистику этой критики можно проиллюстрировать следующей цитатой: «Социал-реформистский технизм выполняет специфические социальные функции, которые заключаются в том, что он 1) создает в противовес теории и практике реального социализма идеологическую «модель» социализма; 2) противопоставляет марксистской научной методологии субъективно-идеалистическую методологию «технологического детерминизма»; 3) является средством внесения в сознание рабочего класса буржуазных техницистских идей, создания у трудящихся масс прокапиталистических техницистских стереотипов, которые препятствуют формированию у них научного мировоззрения; 4) разрабатывает антимарксистскую техницистскую альтернативу для развивающихся стран, с тем, чтобы не допустить их перехода на некапиталистический путь развития» (Бирюкова, 1984, с. 181).

Отметим, что в рамках второго подхода выпадает из рассмотрения богатый исторический опыт стран социалистического блока и, как следствие, значительная часть истории развития технократических концепций.

В рамках настоящего исследования мы предлагаем определять понятие «технократия» по сущностным признакам, не отождествляя с элитаризмом. Выделим три положения, характерных, на наш взгляд, для классических технократических концепций:

1) движение/развитие сложных систем (экономических, социальных, биологических и пр.) детерминировано и может быть просчитано (спрогнозировано) с помощью технологий ИИ или ему подобных;

2) управление развитием сложных систем возможно. Оптимальные управленческие решения можно принять только рационально, базируясь на данных расчетов;

3) власть (управление) должны осуществлять эксперты технических специальностей, руководствуясь принципами эффективности и рациональности.

Нарратив о рациональном управлении и искусственном интеллекте

Технократическая концепция в исторической ретроспективе являет собой претензию на власть научно-технической интеллигенции, или, проще говоря, инженеров. По этой причине технократические идеи могут, перефразируя слова К. Маркса, овладеть массами только в том обществе, где инженеров достаточно много, и они находятся в привилегированном положении, т. е. в периоды бурного индустриального развития. При этом в технократическом дискурсе всегда большое внимание уделяется теме ИИ, что не случайно. Сторонники технократических ценностей нередко видят в нем не только новую технологию прогнозирования и управления сложными системами, но и средство, которое поможет реализовать претензии на власть. Далее мы рассмотрим подробнее, как развивался нарратив о рациональном управлении и ИИ внутри технократического дискурса.

Историю ИИ как технологии принято отсчитывать с 1943 г., когда была опубликована статья американских ученых У. Мак-Каллока и У. Питтса – пер-

вая работа по теории искусственных нейронов (подробнее см. Russell & Norvig, 2009), однако об автоматических системах управления говорили уже с 1930-х гг. Именно тогда в области теоретических исследований начали вырисовываться фундаментальные основы, на которых в дальнейшем будут развиваться технологии ИИ. В качестве примера можно привести тезис Чёрча-Тьюринга, высказанный в середине 1930-х гг. и постулировавший эквивалентность между интуитивным понятием алгоритмической вычислимости и строго формализованными понятиями частично рекурсивной функции (подробнее см. Клини, 1973). В конце 40-х гг. вышло первое издание знаменитой «Кибернетики» Н. Винера (Wiener, 1948). В середине 50-х гг. в СССР была опубликована статья «Основные черты кибернетики», авторы которой легитимируют кибернетику, а вместе с ней и технологию ИИ (автоматических электронных систем), убеждая читателя в материалистичности последнего: «Необходимо отметить, что до последнего времени в нашей популярной литературе имело место неправильное толкование кибернетики, замалчивание работ по кибернетике, игнорирование даже практических достижений в этой области. Кибернетику называли не иначе как идеалистической лженаукой. Однако не подлежит сомнению, что идея исследования и моделирования процессов, происходящих в нервной системе человека, с помощью автоматических электронных систем, сама по себе глубоко материалистична, и достижения в этой области могут только способствовать утверждению материалистического мировоззрения на базе новейших достижений современной техники» (Соболев и др., 1955).

Н. Винер, хотя и утверждал, что целый ряд общественных явлений и процессов может быть описан в рамках математических моделей, допускал, что в человеческом обществе, помимо статистических факторов, действуют и другие силы, не поддающиеся математическому анализу. Авторы статьи «Основные черты кибернетики», косвенно критикуя идеи технократии на Западе, хотя и пишут, что «нам надлежит решительно разоблачать это проявление враждебной идеологии», все же отмечают, что «разработка вопросов применения электронных счетных машин в автоматике имеет большое экономическое и военное значение», а также что «автоматика в социалистическом обществе служит для облегчения и повышения производительности труда человека» (Соболев и др., 1955). И Винер, и советские авторы были далеки от радикальных технократических идей, однако их тексты знаменуют собой не только появление и признание кибернетики как новой науки, но и перемену технократического дискурса. С этого времени технократические ценности, идеи кибернетики и оптимизм по поводу применения технологий ИИ оказываются в одной связке и встречаются как в публицистических, так и в научных текстах.

В качестве примера данного нарратива можно привести высказывание А. Вассермана. В 2014 г., презентуя свою книгу «Чем социализм лучше капитализма», он заявил: «Примерно в 2020 г. социализм станет выгоднее капитализма по всем показателям без исключения, причем именно благодаря развитию информационных технологий». Из контекста высказывания становится понятно, что речь идет именно о технократическом варианте социализма: «Суть в том, что начиная примерно с 2020 г. (при очень неблагоприятном раскладе – с 2022-го, но никак не позже), суммарная вычислительная мощность компьютерного парка, подключенного к интернету, позволит вычислять полный, точный

и оптимальный план всего мирового производства менее чем за сутки»². Хотя А. Вассерман не использует термин «технократия», однако общий посыл его высказывания можно определить так, как это сделал один из комментаторов интервью: «Технократия победит. Однажды все неэффективные инструменты отправятся на свалку истории».

Нарратив о том, что развитие технологий ИИ приблизит царство науки и инженерии в реальном мире, другими словами, перераспределит власть в пользу технических специалистов, не покидал технократический дискурс ни в периоды подъемов, ни в периоды спадов. Сегодня данный нарратив встречается повсеместно – от таких популистских проектов, как «Проект Венера»³ Ж. Фреско, до государственных программ по развитию ИИ.

Искусственный интеллект как машина по производству феноменологических законов

В 2021 г. коллективом сотрудников НИУ ВШЭ был подготовлен доклад «Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения» (Наумов и др., 2021), где рассматривается проблема использования искусственного интеллекта при принятии юридически значимых решений, а также вопрос регулирования ответственности за это. Несмотря на то, что термин «технократия» не упоминается, рассуждения ведутся с технократических позиций. Перефразируя известный афоризм, можно сказать, что этот доклад не соответствует букве, но полностью соответствует духу технократии.

В докладе приведен обзор сфер, в которых возможно и фактически осуществляется или планируется осуществлять делегирование полномочий, функций, обязанностей системам ИИ: «государственные услуги и управление; правоохранительная деятельность (распознавание лиц, назначение штрафов, обработка данных в уголовных делах); судебная деятельность (поддержка решений судьи, обеспечение единообразия судебной практики, скоринговые системы, оценивающие вероятность совершения рецидива, рассмотрение определенных категорий споров); таможенная деятельность; сфера здравоохранения; автоматизированный транспорт (беспилотный транспорт, использование дронов для проверки трубопроводов); экология; банковская деятельность (кредитный скоринг, предложение персонализированных услуг); подбор персонала; рынок недвижимости (скоринг благонадежности арендаторов)» (Наумов и др., 2021, с. 8).

Кроме перечисленных в докладе сфер управления и принятия решений, технологии ИИ применяются в сфере исследований. Рассмотрим пример исследований мультифизических процессов в аддитивных технологиях.

Со второй половины 2010-х гг. в мире активно развиваются технологии производства металлических конструкций методами лазерного сплавления металлического порошка. Освоение данной технологии требует создания численных моделей, которые, исходя из характеристик порошка и режима работы

² Анатолий Вассерман: *о будущем, интеллекте и социализме* (2014, 3 июня). Взято 20 марта 2022, с <https://habr.com/ru/company/vk/blog/224453/>

³ *The Venus Project* (n. d.). Взято 20 марта 2022, с <https://www.thevenusproject.com>

лазера, с высокой точностью предсказывают характеристики готового изделия. Сложность численного моделирования технологического процесса классическими методами⁴ связана с тем, что приходится решать большое количество связанных друг с другом задач, описывающих различные физические процессы (подробнее см. Soundararajan et al., 2021). Исследователи сталкиваются с необходимостью упрощать модель для того, чтобы получить численное решение, однако с каждым упрощением падает точность результата расчетов. При достижении определенного порога сложности задачи возникает необходимость построения феноменологических моделей, определяющих взаимосвязь между различными наблюдениями явлений (феноменов) в соответствии с фундаментальной теорией, но непосредственно из этой теории не следующих. Другими словами, под конкретный класс задач формулируется феноменологический закон, который связывает меры исследуемых явлений напрямую, без попытки анализа всей полноты физических процессов, посредством которых осуществляется связь данных явлений.

Очевидно, что для моделирования сложных процессов, включающих себя множество явлений разной природы, технологии ИИ оказываются более эффективными. В научных журналах в последние годы появляется все больше исследовательских работ в сфере аддитивных технологий, в которых применяется технология ИИ. В качестве примеров можно привести серию публикаций коллектива авторов из Китая (Fang et al., 2021; Lin et al., 2022; Tan et al., 2020), а также работу, выполненную авторским коллективом из США (Gaikwad et al., 2020).

ИИ представляет собой машину генерации феноменологических законов. Ярче всего это утверждение иллюстрируется при решении «новых задач», как, например, в указанных выше работах. Однако такое описание ИИ справедливо и для решения «старых задач», подобных тем, что приведены в докладе НИУ ВШЭ.

Для прояснения границы между «старыми» и «новыми» задачами и того, как для их решения может быть использован ИИ, рассмотрим схему на рис. 1, где A – задачи, которые решаются с помощью ИИ; B – «старые задачи», решение которых базируется на использовании классических моделей, построенных дедуктивно из общих законов движения/развития систем; $A \cap B$ – «новые задачи», где проверка расчетов, сделанных ИИ, возможна с помощью расчетов, базирующихся на классических моделях; $A \setminus B$ – «новые задачи», где проверка расчетов, сделанных ИИ, невозможна.

В данном случае все множество задач (прогнозирование, управление, исследование и пр.) представлено как объединение множеств $A \cup B$, где A – множество задач, которые решаются с помощью ИИ; B – «старые задачи», где решение может быть найдено в рамках моделей, построенных дедуктивно из более общих законов движения/развития систем. В рамках данного формализма понятию «новые задачи» соответствует множество $A \setminus B$.

Рассмотрим теперь вопрос проверки достоверности прогнозов, полученных методами ИИ. Оценка ошибок прогнозирования и ограничение диапазона

⁴ Под классическими методами в данном контексте понимаются расчеты, основанные на моделях, построенных дедуктивным способом из общих законов природы.

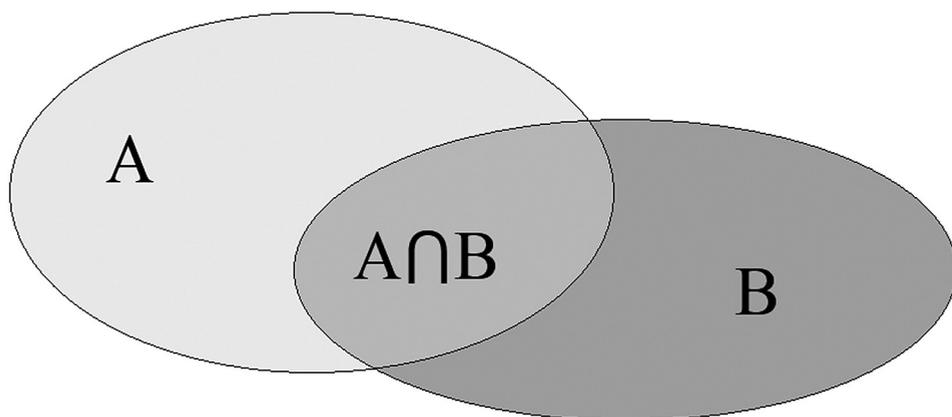

Рисунок 1 – Блок-схема множества задач (составлено авторами)
Figure 1 – The block diagram of a set of tasks (compiled by the authors)

применения феноменологических законов, полученных с помощью ИИ, представляет собой принципиально новую сложность в сравнении классическими моделями. Особенно остро эта ситуация встает для множества задач $A \setminus B$, где проверка результатов расчетов ИИ не может быть проведена классическими методами. Однако стоит отметить, что в реальной практике прогнозирования и поиска оптимальных решений существуют ограничения, связанные не только с принципиальной невозможностью проверки вычислений ИИ классическими методами анализа (множество $A \setminus B$), но и с организационно-экономическими факторами. Во многих случаях проверка становится дорогостоящей и перестает быть экономически оправданной также и для задач из множества $A \cap B$.

Такая ситуация порождает принципиально новую сложность оценки рисков, связанных с использованием ИИ при принятии управленческих решений. Используя терминологию Н. Талеба (2013), можно предположить, что количество черных лебедей будет возрастать по мере внедрения технологий ИИ в управленческие практики.

Система мер и отношений как необходимое условие рационального

В широком спектре философских и социологических работ по исследованию ИИ особое внимание уделяется двум связанным друг с другом вопросам: одобрению данных, полученных ИИ, и ответственности за их применение (Лаптев, 2019; Макеев, 2008; Наумов и др., 2021). Кто будет и/или должен ставить свою подпись на акте приемки результатов работы ИИ? Кто будет и/или должен нести ответственность за возможные ошибки в прогнозах и расчетах, сделанных ИИ?

В рамках данной статьи мы хотим акцентировать внимание на другом аспекте взаимодействия эксперта и ИИ. Для «новых задач» (множество $A \setminus B$) и большей части «старых задач» (множество $A \cap B$) эксперт не может провести рациональную проверку результатов работы ИИ. Кем бы ни был этот эксперт – оператором ИИ, создателем первоначальных алгоритмов или каким-то третьим

лицом. Обладает эксперт техническим образованием или нет – в любом случае он окажется перед стеной, которую не способен преодолеть методами рационального анализа.

Значение понятия «рациональное» варьируется в широком диапазоне смыслов в зависимости от контекста. В нашей статье оно связывается с установленной системой мер явлений (феноменов) и соотношений (ratio) мер по отношению друг к другу.

Рассмотрим, как данное понимание рационального согласуется с теми принципами, которые предлагал в 1637 г. Р. Декарт в своем трактате «Рассуждение о методе». Приведем четыре закона мышления, которые принято рассматривать как классические принципы рационального мышления:

«Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению.

Второе – делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить.

Третье – располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.

И последнее – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено» (Декарт, 1989, с. 260).

Первое правило ставит рациональное в один семантический ряд со словами «очевидное, ясное, отчетливое», остальные правила указывают на то, каким путем стоит к этой очевидности и ясности приближаться. Предложенная выше связь рационального с установлением системы мер явлений и их отношений согласуется с таким подходом. Введение меры, по сути, является не чем иным, как формализацией очевидного. Формализация, в свою очередь, необходима для анализа, т. е. выполнения второго и третьего правила, особенно когда речь идет об относительно сложных явлениях природы и общества.

Таким образом, связку рационального с системой мер можно рассматривать как эквивалентную замену законов Декарта. Однако сделать это можно не всегда. Эквивалентность данных понятий проявляется только для «старых задач», которые могут быть формализованы и решены прямыми аналитическими методами (множество В на рис. 1). К ним относятся, например, задачи геометрии, на которых строились многие рассуждения Декарта. Однако в случае «новых задач» (множество А\В на рис. 1) говорить об эквивалентности понятий рационального по Декарту и рационального в связи с системой мер уже нельзя. Феноменологические законы ИИ имеют дело исключительно с мерами и их отношениями, и в этом смысле они рациональны. Однако они перестают быть очевидными для человека, который должен одобрить или не одобрить результаты расчетов ИИ и несет за них ответственность. Ни оператор, ни разработчик не могут в своем мышлении сделать проверку вычислений ИИ в соответствии со вторым и третьим правилами Декарта, т. к. массив мер и соотношений становится необозримо большим (для человека).

Обратим отдельное внимание на четвертое правило – «делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено». В этом пункте любая нейросеть опережает любого человека, если речь идет о «новых задачах». Таким образом, выполнение трех из четырех правил становится недоступным для человека, однако остается доступным для ИИ.

Первое правило – «никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью» – выполнимо только при возможности субъекта разделять утверждения на очевидные и неочевидные. Если допустить такую возможность в адрес ИИ, то любая информация, записанная в конфигурации нейросети, была бы для него очевидной; следовательно, ИИ мог бы выполнить и первое правило Декарта, а значит, всегда был бы рационален. Однако эксперт, перед которым стоит задача одобрить данные, полученные ИИ, не может осуществить проверку задач из множества A/B, соблюдая четыре правила Декарта. Другими словами, он не может одобрить данные от ИИ рационально, не способен отличить, что предлагает ему ИИ: правильный феноменологический закон или, используя терминологию Д. Пойа (1975), правдоподобное рассуждение.

Искусственный интеллект и форма самопрезентации власти

Рациональность феноменологического закона, записанного в конфигурации нейронной сети, в силу своей сложности становится недоступна для рациональности эксперта, который принимает решение на основании данных ИИ. Эксперту остается только выбирать – доверять или не доверять результатам работы ИИ в каждой конкретной ситуации.

В таких условиях у специалиста-эксперта с техническим образованием не остается технологических преимуществ перед экспертом, который техническим образованием не обладает. Любой эксперт, когда перед ним встает задача одобрить или нет решение «новой задачи» искусственным интеллектом, превращается в своего рода оракула.

Если общество и государство склонны доверять специалистам с техническим образованием, то предикат «инженер» для «эксперта-оракула» продолжает быть существенным для легитимации его авторитета как эксперта. Если же роль оракула присваивает себе другая социальная страта, то у технической интеллигенции не остается существенных поводов предъявить свои претензии на власть в обществе, в котором интегрированы технологии ИИ.

Технократический нарратив о том, что в принятии управленческих решений на основании данных ИИ решающую роль играет специалист-эксперт с техническим образованием, вооруженный рациональными принципами мышления, входит в трагическое противоречие с реальностью.

Взаимодействие эксперта-инженера и ИИ не приводит к власти первого. Скорее, наоборот, оно напоминает борьбу между рабочим и машиной, описанную в 1867 г. в первом томе «Капитала»: «Средство труда убивает рабочего» (Маркс, 1987, с. 401). Технический специалист еще нужен на этапе создания и обучения систем ИИ, но перестает быть необходимым при работе с ними в качестве эксперта, принимающего решения на основании данных ИИ.

Развитие ИИ входит в противоречие с интересами тех представителей технической интеллигенции, которые разделяли классические технократические

ценности. Слова Ж. Дантона «революция пожирает своих детей» в контексте тематики нашего исследования можно перефразировать в «технология пожирает своих родителей», если слово «пожирать» понимать как ослабление позиций на рынке труда и нивелирование претензий на власть.

Отдельно отметим, что речь не идет о полном исчезновении позиций работников систем ИИ на рынке труда или полной остановке развития данных технологий в обозримой перспективе. Нет убедительных оснований полагать, что эволюция ИИ остановится или что он сможет эволюционировать вовсе без технического специалиста.

Основной тезис данного раздела статьи заключается в том, что развитие технологий ИИ меняет общественный статус научно-технической интеллигенции как профессионального сообщества. Если в определенной сфере ИИ добивается нужной точности расчетов с помощью записанных в нейросети феноменологических законов, то невыгодно привлекать в эту область инженера ни в качестве исследователя, ни в качестве эксперта для принятия решений.

Внедрение ИИ приводит также к изменению типа легитимации власти в обществе. Власти больше не нужно быть или хотя бы казаться ориентированной на инженерную рациональность. Например, В.В. Путин на вопрос журналиста В. Соловьева, как принимаются важнейшие решения во внешней политике России, ответил, что «это такая сакральная вещь»⁵. В 2020 г. российский президент, выступая на международной онлайн-конференции *Artificial Intelligence Journey*, так выразил свое мнение по поводу развития ИИ в России: «Искусственный интеллект – это, безусловно, основа очередного рывка вперед всего человечества в своем развитии, так называемые сквозные технологии, которые пропитывают и будут пропитывать все сферы нашей жизни: производство, социальную сферу, науку и даже культуру»⁶.

Для технократа-инженера эти высказывания могут показаться несовместимыми. Как власть, которая характеризует себя через понятие сакрального, а не рационального, может декларировать цели по развитию и внедрению технологий ИИ? Однако никакого противоречия в этом нет. Принимая управленческие решения на основании данных, полученных ИИ при решении «новых задач», никакая реальная политическая власть не будет рациональной по своей сути. Выбор между рациональным и иррациональным в этом случае идет не на содержательном уровне, а на формальном. Форма же власти как сакрального несколько не противоречит технологическому оптимизму и интересу к технологии ИИ; возможно, даже соответствует ей в наибольшей степени.

Заключение

Целью статьи являлось философское осмысление ИИ, а также социально-политических изменений, которые продуцирует внедрение данных технологий

⁵ Путин рассказал о процессе принятия решений в сфере внешней политики (2018, 7 марта). Взято 20 марта 2022, с <https://tass.ru/politika/5015025>

⁶ Путин: искусственный интеллект – это не модный хайп, а основа рывка вперед всего человечества (2020, 4 декабря). Взято 20 марта 2022, с <https://www.bfm.ru/news/459758>

в практику принятия управленческих решений и научных разработок. В процессе исследования получен ряд результатов.

Дана классификация подходов к определению понятия «технократия», выделены положения, характерные для классических технократических концепций. На основе анализа принципов работы ИИ предложено рассмотреть данную технологию как машину по производству феноменологических законов, рационально описывающих природные или общественные явления. При этом понятие рационального может быть связано с системой мер, что согласуется с предложенными Р. Декартом критериями рациональности.

Особое внимание акцентировано на том, что в случае решения искусственным интеллектом ряда задач, рациональность феноменологического закона, записанного в конфигурации нейронной сети, становится недоступна для рациональности эксперта, который принимает решение на основании данных, полученных искусственным интеллектом. Такая ситуация порождает принципиально новую сложность оценки рисков, связанных с использованием ИИ при принятии управленческих решений, что приводит к превращению эксперта в своего рода оракула. При этом у специалиста-эксперта с техническим образованием не остается преимуществ перед экспертом без такого образования.

Сделан вывод, что технократический нарратив о рациональном управлении и искусственном интеллекте входит в противоречие с реальной практикой применения данной технологии, что приводит к изменению типа легитимации принятия управленческих решений. В этой связи отмечена тенденция к самопрезентации власти через сакральность при сохранении технологического оптимизма и интереса к внедрению технологий искусственного интеллекта в управленческую практику.

Список литературы

1. Абабков, Ю. Н. (1981). *Философские и социальные основания технизма* [Автореф. дис. ... д-ра филос. наук, Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова]. Национальная электронная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_981740
2. Бирюкова, Э. А. (1984). *Несостоятельность социал-реформистских техницистских концепций* [Дис. ... канд. филос. наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова]. Национальная электронная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003426955
3. Буренко, В. И. (1979). Несостоятельность использования техницистских идей для обоснования реформистской концепции «демократического социализма». *Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм*, (2), 92–100.
4. Декарт, Р. (1989). Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. В *Сочинения в 2 т.* (Т. 1, с. 250–296). М.: Мысль.
5. Клини, С. К. (1973). *Математическая логика*. М.: Мир.
6. Лаптев, В. А. (2019). Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу. *Право. Журнал высшей школы экономики*, (2), 79–102. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>

7. Макеев, С. В. (2008). *Концепции технократизма: историко-философский анализ*. М.: МГОУ.
8. Маркс, К. (1987). Капитал. В *Избранные сочинения в 9 т.* (Т. 7). М.: Политиздат.
9. Наумов, В. Б., Чеховская, С. А., Брагинцев, А. Ю., Майоров, А. В. (2021). *Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения*. М.: Издательский дом ВШЭ.
10. Пойа, Д. (1975). *Математика и правдоподобные рассуждения*. М.: Наука.
11. Соболев, С. Л., Китов, А. И., Ляпунов, А. А. (1955). Основные черты кибернетики. *Вопросы философии*, (4), 136–148. Взято 15 ноября 2022, с <http://www.kitov-anatoly.ru/naucnye-trudy/izbrannye-naucnye-trudy-anatolia-ivanovica-v-pdf/pervaa-rozitivnaa-stata-o-kibernetike>
12. Талб, Н. (2013). *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. М.: Азбука-Аттикус.
13. Akin, W.E. (1977). *Technocracy and the American dream: The technocrat movement, 1900–1941*. Berkeley: University of California Press.
14. Fang, Q. et al. (2021). In-situ capture of melt pool signature in selective laser melting using U-Net-based convolutional neural network. *Journal of Manufacturing Processes*, 68, 347–355. <https://doi.org/10.1016/j.jmapro.2021.05.052>
15. Gaikwad, A. et al. (2020). Heterogeneous sensing and scientific machine learning for quality assurance in laser powder bed fusion – A single-track study. *Additive Manufacturing*, 36. <https://doi.org/10.1016/j.addma.2020.101659>
16. Lin, X. et al. (2022). Motion feature based melt pool monitoring for selective laser melting process. *Journal of Materials Processing Technology*, 303. <https://doi.org/10.1016/j.jmatprotec.2022.117523>
17. Russell, S.J., & Norvig, P. (2009). *Artificial intelligence: A modern approach*. New Jersey: Prentice Hall.
18. Soundararajan, B. et al. (2021). Review on modeling techniques for powder bed fusion processes based on physical principles. *Additive Manufacturing*, 47. <https://doi.org/10.1016/j.addma.2021.102336>
19. Tan, Z. et al. (2020). Neural network based image segmentation for spatter extraction during laser-based powder bed fusion processing. *Optics & Laser Technology*, 130. <https://doi.org/10.1016/j.optlastec.2020.106347>
20. Wiener, N. (1948). *Cybernetics, or Control and communication in the animal and the machine*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

References

1. Ababkov, Yu. N. (1981). *Filosofskie i social'nye osnovaniya texnicizma* [Philosophical and social foundations of technicism] [Doctoral dissertation abstract, Leningrad State University named after A. A. Zhdanov]. National Electronic Library. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_981740
2. Akin, W.E. (1977). *Technocracy and the American dream: The technocrat movement, 1900–1941*. Berkeley: University of California Press.
3. Biryukova, E. A. (1984). *Nesostoyatel'nost' social-reformistskix texnicistskix*

konceptij [The failure of social reformist technicist conceptions] [PhD dissertation, Lomonosov Moscow State University]. National Electronic Library. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003426955

4. Burenko, V.I. (1979). Nesostoyatel'nost' ispol'zovaniya texnicistskix idej dlya obosnovaniya reformistskoj koncepcii "demokraticeskogo socializma" [The inconsistency of using technist ideas to substantiate the reformist concept of "democratic socialism"]. *Nauchnye doklady vysshej shkoly. Nauchnyj kommunizm*, (2), 92–100.

5. Descartes, R. (1989). Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukax [Discourse on the method of rightly conducting one's reason and of seeking truth in the sciences]. V *Sochineniya v 2 t.* (Vol. 1, pp. 250–296). Moscow: Mysl'.

6. Fang, Q. et al. (2021). In-situ capture of melt pool signature in selective laser melting using U-Net-based convolutional neural network. *Journal of Manufacturing Processes*, 68, 347–355. <https://doi.org/10.1016/j.jmapro.2021.05.052>

7. Gaikwad, A. et al. (2020). Heterogeneous sensing and scientific machine learning for quality assurance in laser powder bed fusion – A single-track study. *Additive Manufacturing*, 36. <https://doi.org/10.1016/j.addma.2020.101659>

8. Kleene, S.C. (1973). *Matematicheskaya logika* [Mathematical logic]. Moscow: Mir.

9. Laptev, V.A. (2019). Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu [Artificial intelligence and liability for its work]. *Pravo. Zhurnal vysshej shkoly e'konomiki*, (2), 79–102. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>

10. Lin, X. et al. (2022). Motion feature based melt pool monitoring for selective laser melting process. *Journal of Materials Processing Technology*, 303. <https://doi.org/10.1016/j.jmatprotec.2022.117523>

11. Makeev, S.V. (2008). *Koncepcii texnokratizma: istoriko-filosofskij analiz* [Concepts of technocratism: Historical and philosophical analysis]. Moscow: MGOU.

12. Marx, K. (1987). Kapital. Kritika politicheskoy e'konomii [Capital: A Critique of political economy]. V *Izbrannye sochineniya v 9 tomax* (Vol. 7). Moscow: Politizdat.

13. Naumov, V.B., Chekhovskaya, S.A., Braginets, A. Yu., & Mayorov, A. V. *Pravovye aspekty ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta: aktual'nye problemy i vozmozhnye resheniya* [Legal aspects of the artificial intelligence use: Current problems and possible solutions]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.

14. Pólya, G. (1975). *Matematika i pravdopodobnye rassuzhdeniya* [Mathematics and plausible reasoning]. Moscow: Nauka.

15. Russell, S.J., & Norvig, P. (2009). *Artificial intelligence: A modern approach*. New Jersey: Prentice Hall.

16. Sobolev, S.L., Kitov, A.I., & Lyapunov, A.A. (1955). Osnovnye cherty kibernetiki [The basic features of cybernetics]. *Voprosy filosofii*, (4), 136–148. Retrieved November 15, 2022, from <http://www.kitov-anatoly.ru/naucnye-trudy/izbrannye-naucnye-trudy-anatolia-ivanovica-v-pdf/pervaa-pozitivnaa-stata-o-kibernetike>

17. Soundararajan, B. et al. (2021). Review on modeling techniques for powder

bed fusion processes based on physical principles. *Additive Manufacturing*, 47. <https://doi.org/10.1016/j.addma.2021.102336>

18. Taleb, N. (2013). *Chernyj lebed'*. *Pod znakom nepredskazuemosti* [The black swan: The impact of the highly improbable]. Moscow: Azbuka-Attikus.

19. Tan, Z. et al. (2020). Neural network based image segmentation for spatter extraction during laser-based powder bed fusion processing. *Optics & Laser Technology*, 130. <https://doi.org/10.1016/j.optlastec.2020.106347>

20. Wiener, N. (1948). *Cybernetics, or Control and communication in the animal and the machine*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

Информация об авторах

Степан Леонидович Ломаев, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информатики и математики, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4651-2824>, e-mail: lomaevst@udman.ru

Наталья Сергеевна Ломаева, независимый исследователь, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6327-7221>, e-mail: np1208@gmail.com

Information about the authors

Stepan Leonidovich Lomaev, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Departments of Computer Science and Mathematics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4651-2824>, e-mail: lomaevst@udman.ru

Natalia Sergeevna Lomaeva, Independent Researcher, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6327-7221>, e-mail: np1208@gmail.com

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуночную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуночные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуночными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи,

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. Информация об авторе

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. Information about the author

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya associaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018 (Vic) s. 23 (Austl.)</i> . Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title</i> , volume(issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov